

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»

На правах рукописи

Чжан Сяюй

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВСТАВНЫХ КОМПОНЕНТОВ В
ПУБЛИЦИСТИКЕ Ю. М. ЛОТМАНА**

Специальность: 5.9.5 — Русский язык. Языки народов России

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Мартьянова И. А.

Санкт-Петербург, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА I ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ВСТАВНЫХ КОМПОНЕНТОВ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Ю. М. ЛОТМАНА	12
1.1. Аспекты изучения вставных компонентов	12
1.1.1. Структурно-семантический аспект исследования вставных компонентов	14
1.1.2. Функциональный аспект исследования вставных компонентов ..	19
1.1.3. Антропоцентрический аспект исследования вставных компонентов	23
1.2. Разграничение вводных и вставных компонентов.....	28
1.3. Сопоставление понятий <i>публицистический стиль</i> и <i>публицистика</i>	32
1.4. Публицистический стиль Ю. М. Лотмана	34
Выводы по главе I.....	38
ГЛАВА II СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВСТАВНЫХ КОМПОНЕНТОВ, ФУНКЦИОНИРУЮЩИХ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Ю. М. ЛОТМАНА	41
2.1. Структурная характеристика вставных компонентов	41
2.1.1. Грамматические особенности вставных компонентов	41
2.1.2. Взаимодействие вставных и вводных компонентов	44
2.1.3. Связь вставных компонентов с основным высказыванием и средства ее выражения	46
2.1.4. Позиция вставных компонентов в основном высказывании	54
2.2. Семантическая характеристика вставных компонентов	56
2.3. Пунктуационно-графическая аранжировка вставных компонентов.....	60
Выводы по главе II	62
ГЛАВА III ТЕКСТОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ВСТАВНЫХ КОМПОНЕНТОВ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Ю. М. ЛОТМАНА	64

3.1. Текстовое своеобразие публицистики Ю. М. Лотмана.....	64
3.2. Стратегии и тактики развертывания публицистического текста Ю. М. Лотмана.....	68
3.3. Функции вставных компонентов в публицистическом тексте Ю. М. Лотмана.....	72
3.4. Участие вставных компонентов в выражении основных текстовых категорий.....	79
3.5. Сопоставление вставных компонентов и подстрочных текстовых комментариев.....	100
Выводы по главе III.....	103
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	107
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	112
Научные источники.....	112
Словари и справочники	122
Источники языкового материала	122
ПРИЛОЖЕНИЯ	124
Приложение 1. Структурно-семантическое разнообразие вставных компонентов.....	124
Приложение 2. Стратегии и тактики развертывания публицистического дискурса.....	143
Приложение 3. Текстовые фрагменты, в которых функционируют вставные компоненты.....	149
Приложение 4. Текстовые фрагменты с подстрочными комментариями	155
Приложение 5. Публицистические произведения Ю. М. Лотмана, в которых функционируют вставные компоненты	159

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено анализу функционирования вставных компонентов в публицистике Ю. М. Лотмана.

Ю. М. Лотман был выдающимся филологом, историком, культурологом, талантливым лектором и публицистом, который пользовался непререкаемым общественным авторитетом. Особенностью отечественного просветительства является передача не только знаний, но и мировоззренческого, духовного опыта. В публицистике этого ученого и просветителя получила выражение его потребность активно влиять на процессы современной культуры, на нравственный уровень общества.

Научно-популярные и публицистические тексты Ю. М. Лотмана, испытывавшие влияние живой устной речи, обнаруживают закономерную стилистическую близость. Ему было присуще стремление к развернутому объяснению понятий и диалогизации изложения, чем во многом обусловлено использование в его тексте вставных компонентов, обладающих разным объемом, семантикой и структурой:

«...Страх рождается не объективными условиями (величиной опасности), а нашим к ним отношением.

(Кстати, это прекрасно демонстрируют фильмы ужасов. Если дешевые фильмы порождают страх зрителя чудовищными кадрами, то Хичкок блестяще показал, что любой предмет, бытовой и безопасный, можно снять так, что зритель окажется на краю инфаркта от ужаса.)» («Не-мемуары»).

В публицистике Ю. М. Лотмана они могут представлять собой словоформу, словосочетание, простое и сложное предложение, его предикативную часть, многокомпонентное сложное высказывание, конструкцию с прямой речью и текстовый фрагмент. Выявление их структурно-семантического и функционального своеобразия позволяет полнее раскрыть такие особенности его языковой личности, как демократичность и диалогизованность общения с адресатом.

Актуальность исследования определяется обращением к языковой личности Ю. М. Лотмана, обладавшего талантом доступно, интересно и убедительно говорить и писать для самой широкой аудитории о сложнейших общественных и нравственных проблемах. Его публицистика, посвященная размышлениям о культуре, смысле жизни, патриотизме, не потеряла своей актуальности и сегодня.

Анализ функционирования вставных компонентов актуален для их квалификации в качестве лингвистических феноменов, способных участвовать в выражении не только членимости текста, но также его связности и целостности, модальности и авторской речевой рефлексии. Изучение функционирования вставных компонентов в публицистике выдающегося ученого и общественного деятеля актуально для расширения представлений об их коммуникативном потенциале, для определения тенденций развития современного публицистического дискурса в целом.

Обращение к публицистическому тексту Ю. М. Лотмана открывает значительные исследовательские перспективы. Его характерной особенностью является взаимодействие вставных компонентов с вводными, сопоставление с которыми не теряет своей синтаксической актуальности. Предпринимаемое нами исследование необходимо для выявления дополнительных оснований их дифференциации в структурном, семантическом и функциональном аспектах. Еще одной особенностью анализируемых произведений Ю. М. Лотмана является активное использование подстрочных примечаний. Общие и отличительные признаки вставных компонентов и текстовых комментариев также требуют дальнейшего лингвистического изучения.

Рабочая гипотеза исследования состоит в следующем: вставные компоненты, реализующие в публицистике Ю. М. Лотмана свой текстообразующий потенциал, выполняя в нем разнообразные функции и участвуя в выражении основных текстовых категорий, являются одной из характеристик индивидуального стиля его языковой личности.

Научная новизна работы связана с лингвистической неизученностью

функционирования вставных компонентов в публицистике Ю.М. Лотмана. До сих пор его публицистическое наследие анализировалось в основном литературоведами и культурологами, но не лингвистами.

Несмотря на то, что публицистика интересовала многих исследователей, как российских [Кожина 1977; Прохоров 1984 и др.], так и зарубежных [Сяо Мин 1985; Чжан Хуэйсэнь 2002 и др.], в ее интерпретации остались нерешенные вопросы. Ряд из них (о дифференциации понятий *публицистика* и *публицистический стиль*, о своеобразии индивидуального публицистического стиля, о факторах его развития и др.) рассматривается в нашем исследовании.

Научной новизной обладает развиваемый в работе антропоцентрический ракурс анализа [Гаврилова 2003] вставных компонентов, на наш взгляд, недостаточно представленный в русистике. Исследования, посвященные структуре и семантике вставных компонентов [Акимова 1990 и др.], оставляют во многом открытыми вопросы о дифференциации синтагматически связанных и несвязанных вставных компонентов, о средствах выражения их лексико-грамматической зависимости от включающего высказывания.

Лингвистов привлекало изучение вставных компонентов в коммуникативном аспекте. При этом преимущественное внимание уделялось их роли в выражении категории делимитации, в нарушении линейности текстового изложения. Их роль в создании связности и целостности, а также в выражении других текстовых категорий, за редким исключением [Шаймиев 1982], оставалась нераскрытой. Кроме того, вставные компоненты, как правило, редко рассматривались в дискурсе одного автора.

В данной работе вставные компоненты впервые исследуются как характеристика индивидуального стиля языковой личности Ю. М. Лотмана. Новым является изучение влияния их структурно-семантических особенностей на выполняемые ими функции, на их участие в реализации категорий членимости, связности, целостности, модальности и речемыслительной рефлексии. Впервые ставится задача определения дополнительных признаков дифференциации вставок с вводными компонентами и подстрочными

текстовыми комментариями.

Объектом исследования являются вставные компоненты разного объема и типа (словоформа, словосочетание, простое и сложное предложение, его предикативная часть, многокомпонентное сложное высказывание, конструкция с прямой речью, текстовый фрагмент), используемые в публицистике Ю.М. Лотмана.

Предметом исследования выступает специфика их функционирования в публицистическом наследии Ю. М. Лотмана.

Материал исследования: 33 публицистических произведения разных жанров: статьи, заметки, тексты выступлений, интервью Ю. М. Лотмана («Учитель на пороге XXI века», «Чему же учатся люди», «Мы выживем, если будем мудрыми» и др.).

Цель исследования – определить специфику функционирования вставных компонентов в публицистике Ю. М. Лотмана, учитывая ее жанрово-коммуникативные особенности, что позволит развить представления об индивидуальном стиле его языковой личности.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1) обобщить опыт лингвистического исследования вставных компонентов в структурном, семантическом, функциональном, антропоцентрическом аспектах;

2) охарактеризовать текстовое своеобразие публицистики Ю. М. Лотмана;

3) создать рабочий корпус примеров вставных компонентов, функционирующих в его публицистике, а также дифференцировать их типы;

4) определить структурно-семантические особенности анализируемых вставных компонентов;

5) выявить текстовые функции вставных компонентов в публицистике Ю. М. Лотмана, определить их участие в выражении основных текстовых категорий (членимости, связности, целостности, модальности), а также их отличие от подстрочных комментариев.

Теоретическую основу исследования составляют положения коммуникативно-структурного синтаксиса [Ильенко 2009; Дымарский 2001; Мартыанова 2021 и др.], в которых раскрывается сущность синтаксических единиц русского языка, выявляется взаимообусловленность их структурно-семантических особенностей и функционирования; положения лингвистики текста [Гальперин 1981; Грудева 2019; Перфильева 2003; Шаймиев 1982 и др.], в которых определяются текст, его категории и единицы, выявляется специфика текстообразующей роли вставных компонентов в разных типах дискурса; функциональной стилистики [Виноградов 1955, Кожина 1977; Солганик 1997 и др.], определившей понятие индивидуального стиля, выявившей характерные особенности публицистики; концепции языковой личности [Караулов 2008; Богин 1982 и др.]; лингвориторики [Михальская 1996; Иссерс 2012 и др.], сформулировавшей представления о риторическом идеале, коммуникативных стратегиях и тактиках современной русской речи.

В работе используются **методы** функционального и структурно-семантического анализа, прием направленной выборки из текстовых источников, а также контекстуального и лингвостилистического анализа, ориентированного на исследование текстового поведения синтаксических единиц в публицистике.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Вставные компоненты являются одной из характеристик индивидуального стиля языковой личности Ю. М. Лотмана, которой присущи демократичность и диалогизированность речевого общения.

2. В публицистическом тексте Ю. М. Лотмана вставные компоненты выполняют разнообразные функции: диалогизируют текст, организуют контакт с адресатом, предвосхищают его сомнения и возражения, актуализируют точку зрения автора.

3. Вставные компоненты участвуют в выражении основных текстовых категорий (членимости, связности, целостности, модальности), речемыслительной рефлексии автора, результатов его самопознания и познания культуры и общества.

4. Вставные компоненты и подстрочные текстовые комментарии, регулирующие читательское восприятие публицистики Ю. М. Лотмана, различаются объемом, характером отношений с основным высказыванием и текстом в целом, а также типом передаваемой информации.

Теоретическая значимость исследования выражается в углублении знаний о текстовой специфике публицистики Ю.М. Лотмана, отличающейся жанрово-коммуникативным разнообразием (газетные и журнальные статьи, заметки, интервью и др.). Она связана с выявлением такой особенности его публицистического дискурса, как осознанное использование коммуникативных стратегий и тактик.

Функциональный ракурс исследования служит углублению лингвистической проблематики текста в целом. Теоретическая значимость работы связана с выявлением тенденций текстового использования вставных компонентов в публицистическом дискурсе, с развитием представлений об их коммуникативном потенциале, реализующемся в произведениях отдельного автора.

Теоретически значимо изучение вставных компонентов в качестве одной из характеристик индивидуального стиля языковой личности Ю. М. Лотмана. Его особенности выявляются с опорой на понятие *риторический идеал*, в результате сопоставления с индивидуальными стилями других современников-публицистов.

Практическая значимость работы состоит в возможности применения ее результатов в преподавании дисциплин «Синтаксис современного русского языка», «Стилистика русского языка» и «Филологический анализ текста» в русской и иностранной аудитории. Результаты и материалы проведенного исследования могут быть применены при создании учебных пособий для изучающих русский язык на продвинутом этапе, для сопоставительного анализа вставных компонентов в практике перевода.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, пяти приложений.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были представлены в виде выступлений на Всероссийских научных конференциях: «Слово. Словарь. Словесность: Язык революции – язык советской эпохи» (Санкт-Петербург, 2017); «Слово. Словарь. Словесность: К столетию кафедры русского языка и 95-летию профессора С. Г. Ильенко» (Санкт-Петербург, 2018); «Слово. Словарь. Словесность: К столетию профессора С. Г. Ильенко» (Санкт-Петербург, 2023).

Содержание работы отражают 6 научных публикаций, в том числе 4 статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций, рекомендованных ВАК РФ.

ГЛАВА I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ВСТАВНЫХ КОМПОНЕНТОВ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Ю. М. ЛОТМАНА

Анализ функционирования вставных компонентов в публицистике Ю. М. Лотмана следует предварить обобщением результатов их разноаспектного изучения в русистике, уточнить его терминологический аппарат, остановившись на разграничении вводных и вставных компонентов и сопоставлении понятий *публицистический стиль* и *публицистика*, а также охарактеризовать основные лингвориторические особенности стиля автора.

1.1. Аспекты изучения вставных компонентов

Вопрос о таком синтаксическом явлении, как вставочность, уже долгое время привлекает внимание лингвистов, однако до сих пор остается дискуссионным. Несмотря на то что в последнее время вставки были изучены в разных аспектах, в лингвистике не существует их единой трактовки, а также единого термина для обозначения данного явления.

Исследователи используют термины *вставки* [Перфильева 2000 и др.], *вставные единицы* [Бабайцева 2015 и др.], *вставные элементы* [Онишко 1997; Пантелеева 2005], *вставные компоненты* [Бабайцева 2011; Бараночникова 2011; Ильенко 2009 и др.] и *вставные конструкции* [Аникин 1967; Шаймиев 1982; Вяткина 1987; Акимова 1990; Розенталь 1994; Ляпон 1998; Валгина 2003]. В данной работе считаем целесообразным, как в диссертации Л. В. Бараночниковой [2011] и в ряде других исследований, использовать термин *вставные компоненты*, что подразумевает разный объем их выражения (от словоформы до текстового фрагмента).

Анализируя вставные компоненты, исследователи описывают их структуру, рассматривают семантику, выявляют их функции, но редко дают их четкое определение. В лингвистической литературе существуют разные

трактовки вставных компонентов, которые чаще называются вставными конструкциями. Традиционно большинство исследователей считает, что вставные компоненты являются средством осложнения основного предложения, представляя собой слова, словосочетания и предложения. Существуют и другие трактовки вставного компонента как части текста и высказывания.

К примеру, вставной компонент может определяться как часть текста, оформленная при помощи скобок [Прияткина 1990: 157] или в некоторых случаях при помощи тире. Пунктуационный подход фокусируется на графических признаках вставных компонентов, что позволяет читателю быстро идентифицировать их в тексте, но не учитывает их структуру и семантику, стилистическую окрашенность и текстообразующий потенциал. Однако он позволяет очертить сферу функционирования вставных компонентов, анализируемых в нашей работе, – письменную речь.

Е. И. Гаврилова дала развернутое определение вставного компонента [Гаврилова 2003: 5], в котором учитываются прежде всего интонационные, стилистические и прагматические аспекты характеристики вставных компонентов. Другие исследователи также уточняют определение вставных компонентов, ориентируясь на их интонационные, семантические, структурные и функциональные характеристики.

М. В. Ляпон указывает на присущую вставным компонентам интонацию включения, которая не разрушает интонационную целостность основного предложения [Ляпон 1997: 79]. Этот аспект позволяет понять, как интонационные особенности вставных компонентов способствуют их гармоничной интеграции в основное предложение, обогащая его семантическими и эмоциональными нюансами.

Вставные компоненты содержат дополнительные сообщения, попутные замечания и разрывают синтаксические связи предложения [Бабайцева 1987: 163; Валгина 2003: 252; Ляпон 1997: 79 и др.]. При этом С. В. Вяткина подчеркивает, что уточнения и замечания, выражаемые вставными

компонентами, могут возникать ассоциативно [Вяткина 2009: 170]. Этот подход позволили в настоящем исследовании осознать механизмы, с помощью которых вставные компоненты способствуют текстовому развертыванию.

А. П. Сковородников рассматривает вставные компоненты как стилистическую фигуру, парентезу или парентезис, подчеркивая их роль в стилистическом оформлении текста [Сковородников 2011: 85]. Аспект характеристики, предложенный ученым, раскрывает стилистическую и эмоциональную значимость вставок в тексте.

Следует отметить также исследование А. П. Загоруйко, которая актуализирует в трактовке вставных компонентов коммуникативно-прагматический аспект. Она определяет их как явления экспрессивного синтаксиса, способные отражать поликоординатность речевого мышления [Загоруйко 2005: 5].

Каждый из рассмотренных подходов к определению вставных компонентов открывает новый ракурс изучения данного феномена, однако предложенные интерпретации вставок редко выходили за рамки предложения-высказывания.

Исследование вставных компонентов осуществляется в самых различных ракурсах, при этом интересы лингвистов сосредоточены на двух основных аспектах: структурно-семантическом и функциональном. В последнее время они изучаются также в антропоцентрическом аспекте, выступая в качестве одного из средств характеристики индивидуального стиля языковой личности.

1.1.1. Структурно-семантический аспект исследования вставных компонентов

Вставные компоненты систематически изучены в рамках структурно-семантического направления: выявлены их структурные особенности

[Аникин 1967; Розенталь 1994; Студнева 1967 и др.], средства их связи с основным (или включающим) высказыванием [Акимова 1990; Валгина 2003; Сагирян 1999; Балягина 2015], охарактеризованы их позиции в основном высказывании [Вяткина 1987 и др.].

В работах 1970-х – 1980-х годов отмечалось, что в качестве вставных могут использоваться слова, словосочетания и предложения [Бабайцева, Максимов 1987: 172 и др.]. Современный взгляд на вставные компоненты предполагает, что в структурном отношении они представляют собой разнообразные синтаксические единицы: (а) словоформы, (б) словосочетания, (в) простые и (г) сложные предложения, а также их предикативные части, выделяются также (д) вставки, являющиеся конструкцией с прямой речью и содружеством высказываний:

(а) *«Древнегреческий философ Гераклит говорил, что психее (душе) присуц самовозрастающий логос» («Азбука судьбы»);*

(б) *«Так, в одном лишь не полностью еще раскопанном административном здании древнесирийского города Эбла (конец третьего тысячелетия до н. э.) <...> обнаружены десятки тысяч клинописных документов управленческого характера» («Учитель на пороге двадцать первого века»);*

(в) *«Вы переписываете цитату за цитатой (с ксерокопией пока что у нас плохо), накапливаете карточки, выписки, а потом вдруг оказывается, что они никуда в дело не пойдут» («О Ценностях, которым нет цены»);*

(г) *«Поэтому у элементарных одноклеточных (если мы их правильно понимаем <...>) нет выбора – все-таки они моральным судом не судимы, вряд ли можно представить ад для одноклеточных» («На пороге непредсказуемого»);*

(д) *«Я сделал театральный жест <...> (конечно, надо было себя вести проще, но тогда я себя повел так, видимо, именно эта театральность произвела некоторый эффект)» («Не-мемуары»).*

Следует отметить, что В. В. Бабайцева и Л. Ю. Максимов видели

отличие вставного компонента, выраженного придаточной частью, от собственно придаточной части сложноподчиненного предложения в том, что вставка обладает большей интонационной, смысловой и структурной самостоятельностью [Бабайцева, Максимов 1987: 172].

Вставной компонент, представляющий собой фрагмент текста, состоящий как минимум из одного предложения, обладающий относительной автосемантической, разрывающей линейность связной речи, некоторыми исследователями называется текстовой вставкой [Перфильева, 2004: 33-34]. Текстовая вставка может выделяться графически и/или интонационно. Полагаем, однако, что в качестве вставки, обладающей текстообразующим потенциалом, могут выступать также словоформы, словосочетания, предложения, их части или содружества высказываний. Вставки, нарушающие связность, но выделенные только интонационно, требующие специального (прежде всего фонетического) исследования, в нашей работе не рассматриваются.

В. А. Шаймиев также выделил вставные компоненты, состоящие как минимум из двух высказываний. Он считает их микротекстами и называет вставными сложными целыми (ВСЦ) [Шаймиев 1982: 179]. В данном исследовании не используется этот недостаточно точный термин. На наш взгляд, данная квалификация ВСЦ должна быть дополнена другими признаками, в частности, анализ синтаксической природы сложного целого невозможен без выхода в проблематику актуального членения.

Соотношение вставных компонентов с основным высказыванием трактуется различно. Вставные компоненты традиционно причисляются к синтагматически несвязанным видам осложнения простого предложения, в отличие от однородных и обособленных членов [Акимова 1990; Вяткина 2009]. Однако в работах тех же исследователей установлено, что вставные компоненты могут быть как синтагматически несвязанными, так и связанными с основным высказыванием [Акимова 1990: 62]. Степень данной связанности различна, в зависимости от отсутствия или наличия ее языковых

показателей [Вяткина 2009: 171; Бабайцева, Максимов 1987: 172].

Г. Н. Акимовой была также отмечена тенденция развития в современном русском синтаксисе именно синтагматически несвязанных вставных компонентов [Акимова 1990: 64], что обусловлено стремлением адресанта к максимальной сжатости передаваемой информации [Вяткина 2009: 171] и отвечает ведущей аналитической тенденции развития русского синтаксиса.

Подчеркнем, что у исследователей нет единого критерия соотношения вставных компонентов с основным высказыванием. Одни из них [Акимова 1990; Валгина 2003; Вяткина 2009] считают, что синтагматически связанные вставные компоненты сохраняют с этим высказыванием морфолого-синтаксическую соотнесенность. Синтагматически связанные вставки могут быть отмечены сочинительными и подчинительными скрепами [Бабайцева, Максимов 1987: 172], являться предикативными частями сложных предложений или их компонентами, выступать, в частности, придаточными частями сложноподчиненных предложений и т.д. При снятии скобок такие вставные компоненты идеально вписываются в основное высказывание (см. также Приложение 1.56, 83 – 89, 91, 92):

«Общая идея такова: излагаются некоторые постулаты (которые, в общем, могут браться произвольно) и на них строится мир, замкнутый в своей логике и совершенно логичный внутри себя» («Попытки предсказывать интересны в той мере, в какой они не оправдываются»).

Другие исследователи [Сагирян 1999; Балягина 2015 и др.] считают, что вставные компоненты связаны с основным высказыванием не только грамматическими средствами, но и лексическими (идентичными или вариативными лексическими повторами; словами, входящими в одну лексико-семантическую группу и др.), а также лексико-грамматическими средствами, разнообразными местоименными словами и т. п. В следующем примере повтор варьирует форму слова *отправить* (*отправлена / отправил*):

«Письмо сообщало, что рукопись уже отправлена Елене Сергеевне

(деталь: бандероль он отправил незаказную, хотя тогда разница в стоимости исчислялась ничтожными копейками, зато незаказные часто терялись)» («Не-мемуары»).

Что касается позиции вставных компонентов в основном высказывании, то в научном, научно-популярном изложении и публицистике, в отличие от художественной литературы, прежде всего постмодернистской, они не могут находиться в инициальной позиции. Наиболее традиционными являются интер- и постпозиция вставных компонентов:

«Поэтому у элементарных одноклеточных (если мы их правильно понимаем, в чем я не очень уверен) нет выбора – все-таки они моральным судом не судимы, вряд ли можно представить ад для одноклеточных» («На пороге непредсказуемого»);

«Толстого к этому времени я уже прочел всего (издание с черными томами ...)» («Не-мемуары»).

Вставным также может выступать самостоятельное высказывание, конец которого отмечен точкой:

«Я дождался, пока Зара Григорьевна и другие дамы покинули убежище, и навязался провожать их до дому. (Эпизод этот мы позже вспоминали как критерий полного идиотизма, он стал одной из наших семейных легенд.)» («Не-мемуары»).

В меньшей степени вставные компоненты исследованы в собственно семантическом аспекте, несмотря на то что данный аспект помогает разграничивать вводные и вставные компоненты, семантика играет большую роль в дифференциации этих синтаксических явлений. Семантическое разграничение вводных и вставных компонентов состоит в следующем: вводные компоненты выражают прежде всего модальную характеристику высказывания, организуют его развертывание и восприятие, а вставные обогащают высказывание или его члены добавочной событийной или фактической информацией: (а) уточняющей, (б) поясняющей, (в) причинной,

(г) комментирующей и др.:

(а) *«Например, можно просчитать и предсказать (приблизительно) определенные динамические процессы в области промышленности» («Говоря о современности, я скажу вот что...»);*

(б) *«Древнегреческий философ Гераклит говорил, что Психее (душе) присущ самовозрастающий логос» («Азбука судьбы»);*

(в) *«Дома у нас бывало столовое вино (отец понимал в винах и любил хорошие), но водка появлялась только на праздники для гостей» («Не-мемуары»);*

(г) *«Я поспешил сдать экзамены за весь второй курс вперед (тогда это казалось невероятной глупостью, но потом, когда я вернулся, странным образом оказалось очень кстати)» («Не-мемуары»).*

При этом исследователи подчеркивают, что вставные компоненты, передавая разнообразные смыслы, связанные с эмоциональными состояниями субъекта речи, также могут быть оценочными, выражать авторскую точку зрения [Онишко 1997; Валгина 2003; Пантелеева 2005; Сквородников 2011], что подтверждается и анализируемым материалом:

«Философ Руссо, написавший самую откровенную книгу в истории человечества, где не просто рассказал о себе, о своих положительных и плохих качествах (ими тоже можно гордиться, если такой характер), рассказал о своих стыдных поступках, открыл всего себя...» («Чему же учатся люди»).

Однако, как и в приведенном примере, вставка, сохраняя свою коммуникативную целеустановку, выражает прежде всего добавочную информацию [Валгина 2003], что отличает ее от вводных компонентов.

1.1.2. Функциональный аспект исследования вставных компонентов

Проблема функционирования синтаксических единиц имеет давнюю традицию изучения в русистике. Она нашла отражение уже в

лингвистических трудах А. А. Шахматова [2001], А. М. Пешковского [1956], В. В. Виноградова [1971; 1990; 2003] и других ученых. В академических грамматиках [1970; 1980] характеризуются структура, семантика, актуальное членение предложений разных типов, обуславливающие их текстовое поведение. Много было сделано в работах Г. А. Золотовой [1982; 1998], Г. Н. Акимовой [1990], Г. Н. Манаенко [2004] и других синтаксистов.

Теоретический фундамент анализа функционирования синтаксических единиц был заложен в трудах С. Г. Ильенко [2003; 2009] и членов ее научной школы [Дымарский 2001; Шаймиев 1982; Мартьянова 2021; Шубина 1999; Логинов 1990 и др.]. Профессором С. Г. Ильенко [2003] были определены такие понятия, как *текстообразующий потенциал*, *текстообразующая функция*, *семантический радиус действия*, *текстовая зона*, *композиционно-функциональный тип речи (демонстрационный, информационный, сентенционный)*.

В современных лингвистических исследованиях функционирование синтаксических единиц анализируется в разных речевых сферах и в тексте, выявляются их функции и зоны функционирования, то, как они выражают текстовые категории, в чем заключается своеобразие их функционирования в стилях разных авторов, в разных жанрах и родах литературы.

В последние десятилетия стал особенно актуальным функциональный аспект изучения вставных компонентов. В русистике подчеркивается, что они частотны в современной художественной и публицистической литературе. Однако Г. Н. Акимова [1990] выявила тот факт, что уже в начале XIX в. вставные компоненты постоянно использовались в публицистических и деловых текстах. Динамике развития вставных конструкций в русском литературном языке XVIII – XX веков посвящены исследования С. В. Вяткиной [1987а; 1987б; 2001]. Они активно используются в русской литературе XIX – XXI вв. [Шаймиев 1988; Кальниченко 2014; Мартьянова 2021; Ильясова 1997 и др.].

По мнению ряда исследователей, вставные компоненты могут

выполнять в тексте разнообразные функции (пояснения, уточнения, мотивации и др.), среди которых основной является функция передачи якобы спонтанной (или имитирующей спонтанность) дополнительной информации [Иванчикова 1954; Шапиро 1955; Студнева 1967; Акимова 1990; Вяткина 1987; Прияткина 1990; Валгина 2003].

Установлено, что текстовое поведение вставных компонентов имеет специфику в разных функциональных стилях и сферах речи. Так, С. О. Глушакова [1994] исследовала их функционирование в научных текстах.

В художественной и публицистической литературе вставные компоненты используются для создания равноправного общения между адресантом и адресатом. В приводимом примере вставной компонент объясняет современным читателям значение слова *сорокопятки*:

«Мимо нас на самую передовую линию проехали в дальнейшем совершенно бесполезные сорокопятки (45-миллиметровые, или противотанковые пушки)» («Не-мемуары»).

Как уже отмечалось, они используются для выражения разнообразной дополнительной информации. При этом вставные компоненты представляют свою информацию как менее важную, чем информация окружающего контекста (см. также Приложение 1.5, 12, 16, 21, 23, 29, 36):

«Это, а также его частые бывания у нас дома, его женитьба на Тане Вановской, прелестной, милой девушке, подруге и однокурснице Лиды (к которой я, помню, был неравнодушен), придавали некоторый оттенок нашим отношениям даже тогда, когда он начал свой головокружительный карьерный путь» («Не-мемуары»).

Было также установлено, что вставные компоненты вместе с включающим высказыванием создают необходимый контакт с читателем, подчеркивая общность мнения адресанта и адресата (см. также Приложение 1.79, 100, 171):

«Читатель (если он когда-нибудь будет) может не понять ситуации: командир дивизиона понимал, что, потеряв своих прекрасно обученных

солдат ради орденов пьяного дурака, он обессилит батарею или дивизион» («Не-мемуары»).

Ряд исследователей называет такую функцию вставных компонентов, как выражение отношения говорящего к высказыванию [Онишко 1997; Валгина 2003; Пантелеева 2005], что, с нашей точки зрения, в большей степени присуще вводным компонентам.

Как видим, приведенные выше примеры из произведений Ю.М. Лотмана, а также материалы приложений к диссертации подтверждают правомерность выводов исследователей об общих закономерностях функционирования вставных компонентов. В дальнейшем более подробно остановимся на его специфике в публицистике избранного автора (3.3, 4).

Обращение к различным работам, посвященным вставным компонентам, показывает, что во многих из них вставки анализировались в контексте включающих их высказываний. Однако современная тенденция исследования синтаксических единиц, которую С.Г. Ильенко образно назвала «осадой текста» [Ильенко 2003: 359], предполагает выход за рамки малого синтаксиса. Необходимость такого выхода в изучении вставных компонентов связана также с тем, что само «явление вставочности в когнитивном плане объясняется квантовостью мышления человека, <...> а речевой замысел адресанта в полной мере объясняется с текстоцентрической позиции» [Перфильева 2004: 33].

Анализ вставных компонентов в текстовом аспекте привлек внимание ряда лингвистов [Шаймиева 1982; Перфильевой 2000; Гавриловой 2003; Нефедова 2008; 2011; Кулаковского 2013 и др.]. В их работах была выявлена способность вставных компонентов выражать разнообразные текстовые категории. Прежде всего они рассматривались в качестве одного из средств выражения членимости текста. Была также установлена их способность нарушать линейность текста [Бабайцева 1987; Прияткина 1990; Перфильева 2003; Гаврилова 2016].

На материале публицистики и художественной литературы 1950 – 80-х

гг. В.А. Шаймиев [1982] доказал, что вставные компоненты обладают текстообразующей способностью: они выражают не только категорию членимости, но и категории целостности и связности в различных формах их проявления. Вставные компоненты, участвуя в создании про- и ретроспективных связей в тексте, организуют его участки различной степени плотности лексико-грамматических и ассоциативных связей. В дальнейшем интерес ученого к вставным компонентам привел его к масштабному исследованию дейксиса [Шаймиев 1999]. Для нашей работы важно то, что в ряду дейктических феноменов ученый рассматривает не только вставные компоненты, но и подстрочные комментарии. Их сопоставление представлено в разделе 3.5. на материале публицистики Ю. М. Лотмана.

Отметим еще работы, результаты которых послужили теоретическими основаниями нашего исследования. Анализируя функционирование вставных компонентов в пушкинских произведениях, Л. В. Бараночникова [2011] обнаружила, что они, в отличие от вводных компонентов, ориентированы преимущественно не на поэзию, а на прозу поэта. Было доказано, что, обладая значительным семантическим радиусом действия [Ильенко 2003: 352-358], они организуют ее связность и целостность. Е. И. Гаврилова [2003] установила также, что вставные компоненты могут организовывать внутреннюю (между повествователем и персонажами) и внешнюю (между повествователем и читателями) диалогичность текста.

Итак, в результате обобщения научных результатов нельзя не согласиться с Н. Е. Сулименко в том, что текстовый ракурс исследования вставных компонентов подтверждает мнение об углублении самой лингвистической проблематики текста [Сулименко 2012: 125-130].

1.1.3. Антропоцентрический аспект исследования вставных компонентов

Мы полагаем, что вставные компоненты необходимо исследовать не только в структурно-семантическом, функциональном, пунктуационно-

графическом аспектах, но и в антропоцентрическом, рассматривая их как средство характеристики индивидуального стиля языковой личности – одного из главных понятий современной лингвистики [Богин 1982; Голубева 2002].

В русистике существуют разнообразные подходы к определению языковой личности [Богин 1980: 3 и др.]. В данном исследовании мы опираемся на ее определение, данное Ю. Н. Карауловым, понимая под ней «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [Караулов 1989: 3].

Подчеркнем, что вставные компоненты являются только одним из средств характеристики индивидуального стиля языковой личности. Е. И. Гаврилова предлагает учитывать в исследовании их частотность в текстовом фрагменте; их содержание, актуальное для автора и адресата; включающий контекст; функции вставок; их грамматическую форму [Гаврилова 2003: 120]. Совокупность данных параметров позволяет сформировать представление о роли вставных компонентов в создании авторского стиля.

В свою очередь, учет названных критериев позволил Е. И. Гавриловой интерпретировать индивидуальные стили таких разных языковых личностей, как В. В. Розанов и Е. Н. Ильин. Вставки частотны в произведениях обоих авторов, но характеризуют их по-разному. Философ В. В. Розанов предстает как человек, стремящийся к точности и конкретности изложения, при этом демонстрирующий ассоциативность и вариативность своего мышления. Использование вставных компонентов характеризует Е. Н. Ильина иначе: как очень эмоционального, положительно настроенного, коммуникабельного учителя-словесника [Гаврилова 2003: 146].

Полагаем, что вставные компоненты также являются средством характеристики индивидуального стиля Ю. М. Лотмана, что будет

продемонстрировано в дальнейшем, в результате выявления специфики их текстового поведения в его публицистике. Здесь же остановимся на некоторых чертах личности Ю. М. Лотмана, отмеченных исследователями, его коллегами и учениками [Даниэль, Григорьев 1998; Егоров 1999; Кузовкина 2015; Парсамова 2004; Столович 2012; Романова 2012; Ситникова 2004 и др.], что необходимо для понимания его языковой личности.

Знакомство с воспоминаниями сестры [Лотман 1995], друзей и коллег Ю. М. Лотмана [Успенский 1995; Каменская 1995; Столович 2012 и др.], а также с его мемуарами и интервью позволяет утверждать, что на формирование языковой личности ученого оказали значительное влияние семейное воспитание, обучение на филологическом факультете Ленинградского университета, военный опыт, жизнь в иноязычной среде, многолетний труд в Тартуском университете.

Анализируя публицистику Ю. М. Лотмана, следует иметь в виду, что это публицистика именно ученого, популяризатора науки, педагога. Широта научных интересов являлась одной из особенностей его личности. Он занимался историей и теорией литературы XVIII – XIX веков, историей культуры, семиотикой. Широкий круг научных интересов не сделал Ю. М. Лотмана кабинетным ученым. Огромное внимание он уделял преподаванию литературы в университете и школе: показательно, что значительная часть его публицистических статей адресована учителям.

Для его деятельности характерно обращение к духовно-нравственному началу личности, к культурному уровню современников, их просвещению. В настоящее время это понятие воспринимается несколько неопределенно: с одной стороны, оно связано с просветительской деятельностью, с другой стороны — с эпохой Просвещения. Для мыслителей эпохи Просвещения знание, наука и образование были ценны постольку, поскольку служили пользе, счастьем человека. Наука и искусство, в понимании Ю. М. Лотмана, дают возможность пережить непережитое, а значит, получить подлинную свободу.

Он не только заботился о научности гуманитарного знания, но и стремился к его практической пользе. Ю. М. Лотман с энтузиазмом относился к просветительской идее созидания мира усилиями отдельных людей: Вольтер, М. В. Ломоносов, Н. И. Новиков, Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов были его любимыми героями. История и литература не только давали материал для анализа, но и формировали нравственный кодекс ученого. Публицистика Ю. М. Лотмана воплощает его убеждение в том, что культура должна служить обществу, определять его сознание и формировать гуманистические идеалы. Общественная деятельность ученого отражала его веру в существование особой миссии интеллигенции.

Характеристика языковой личности Ю. М. Лотмана предполагает ответ на вопрос о риторическом идеале, которому он следовал. А. К. Михальская и другие ученые углубили традиционные представления об этом понятии. Риторический идеал определяется как «система требований к речи и речевому поведению, которая исторически сложилась в определенной культуре, отражает систему ее нравственных ценностей (эстетических и этических)» [Михальская 1996: 379].

А. К. Михальская определила следующие требования к речевому поведению в старом отечественном риторическом идеале: беседовать с достойным собеседником, выслушивать его, быть кротким в беседе, избавляться от многословия, достойно воздавать хвалу, быть честным [там же].

Обращаясь к современному риторическому идеалу, А. К. Михальская отмечает, что традиция красноречия сохраняет лучшие речевые образцы, но, к сожалению, чрезвычайно редко. Она считает истинным старый отечественный риторический идеал, хранителем которого, по ее мнению, выступает академическое и церковное красноречие [там же: 401].

Истинный риторический идеал предполагает отношение к адресату как к участнику общения, пробуждает его мышление. Этот идеал диалогичен по

форме и содержанию. Он ориентирован на достижение согласия между адресатом и адресантом, имеет гармонизирующий характер, в нем доминирует не анализ, а синтез, отсутствует соревновательность. Именно следование старому отечественному риторическому идеалу рассматривается А. К. Михальской как условие гуманизации логосферы.

Несомненно, современный риторический идеал сохраняет лучшие качества старого отечественного идеала: диалогичность, гармоничность, истинность. Но представляется спорным, что в общении необходимо отказаться от любой соревновательности. Использование термина *сократический риторический идеал* [Мартьянова 2011: 17], связанного с диалектическим методом поиска истины, диалогизирующим речевое общение, представляется нам более оправданным.

Ю. М. Лотман не ставил вопрос о риторическом идеале в своих научных сочинениях (в том числе и в работах, посвященных риторике), однако знакомство с его трудами, свидетельства его коллег и учеников [Даниэль, Григорьев 1998; Егоров 1999; Кузовкина 2015; Парсамова 2004; Столович 2012; Романова 2012; Ситникова 2004 и др.] позволяют сделать вывод о том, что он исповедовал сократический риторический идеал. Напомним, что для Сократа общение с *другим* была условием познания истины.

Речевое поведение Ю. М. Лотмана не было агональным, настроенным на борьбу, но, если интересы истины были скомпрометированы, благожелательность автора могла смениться резонным протестом. Тексты его произведений, демонстрирующие воплощение гармонизирующего риторического идеала, диалогичны по форме и содержанию. Однако в то же время он мог вступать в полемику по общественным или этическим вопросам, если консенсус был недостижим.

Богатый жизненный опыт научил его находить общий язык с разными людьми, учитывая позицию адресата, что нашло выражение в диалогизации его текстов, в том числе публицистических. В них он писал о добре и зле, о

смелости и страхе, о совести и чести, позиционируя себя не как строгого моралиста, а как человека, имеющего право не поучать, а учить других.

Ю. М. Лотман использовал в комплексе разнообразные средства диалогизации и речевого контакта, например, в поздравлении первокурсникам Тартуского университета (см. Приложение 5.2). В данном тексте средствами организации общения с молодежной аудиторией выступают не только местоимения (*мы* и др.), но также слова и выражения, подчеркивающие равноправие общения (*коллега, посоветоваться, подумать вместе*), вводные компоненты (*посмотрите, казалось, может быть*), а также 4 вопросно-ответных комплекса, побудительные предложения, призывающие к совместному размышлению.

В публицистике Ю. М. Лотмана наряду со вставными компонентами частотны вводные, организующие изложение (*с одной стороны, с другой стороны, итак* и т. п.), выражающие отношение говорящего к высказыванию, подчеркивающие точку зрения адресанта (*конечно, к сожалению, по-моему* и др.), привлекающие внимание адресата, устанавливающие с ним контакт (*понимаете, видите ли* и др.):

«Конечно, воевать можно только когда знаешь, за что воюешь, и веришь в это дело» («У всех была разная война»);

«Видите ли, постепенно у меня сфера научных интересов расширяется» («Нам все необходимо. Лишнего в мире нет...»).

Дифференциация вставных и вводных компонентов является одним из дискуссионных теоретических вопросов. Само же взаимодействие вставных компонентов с вводными в анализируемом текстовом материале также требует остановиться на вопросе об их разграничении.

1.2. Разграничение вводных и вставных компонентов

Знакомство с синтаксическими исследованиями убедило нас в том, что в русистике присутствует разнообразное понимание вставных компонентов.

Долгое время (до 50-х гг. прошлого века) в работах лингвистов не поднимался вопрос о разграничении вводных и вставных компонентов. До сих пор в большинстве школьных учебников вставные компоненты рассматриваются в одном ряду с вводными словами, словосочетаниями и предложениями. Однако в современной лингвистике [Акимова 1990; Ильенко 2009; Вяткина 2009; Сквородников 2011 и др.] вставные компоненты отграничиваются от вводных, отличаясь от них генезисом, функциями и языковыми особенностями.

Из анализа лингвистической литературы о вводных и вставных компонентах следует, что между ними существуют как общее, так и различия. Их общность состоит в том, что как вводные, так и вставные компоненты, не являясь членами основного высказывания, нарушают его линейность, при этом содержательно и функционально обогащают его. Различия же сводятся к следующему.

Вводные компоненты чаще всего являются словоформами и словосочетаниями, реже предложениями, в отличие от вставных компонентов, которые преимущественно являются предложениями, предикативными частями, реже словоформами и словосочетаниями. Вводные компоненты систематизированы в языковом отношении, их круг ограничен, у вставных компонентов нет лексической и морфологической стабильности.

Вводные компоненты выражают отношение говорящего к высказыванию, а вставные компоненты выражают дополнительную информацию по отношению к основному высказыванию, его члену или тексту в целом.

Помимо этого, они различаются интонационно [Бабайцева, Максимов 1987: 172 и др.] и позиционно. Вводные компоненты могут находиться в начале, середине или конце основного высказывания. Вставки не используются в его инициальной позиции (она возможна, однако, в художественном тексте).

В современной грамматике русского языка вставные компоненты, как

правило, считаются одним из видов осложнения простого предложения наряду с однородными и обособленными членами, вводными компонентами и обращениями. При этом отмечается наличие у них специфической интонации включения, не нарушающей интонационной целостности основного предложения. Однако в академических грамматиках [1970; 1980] отсутствуют специальные разделы, посвященные осложненному предложению. В «Русской грамматике» [1980] однородные и обособленные члены рассматривались как особые случаи распространения предложения.

В современных лингвистических исследованиях определены новые направления, ориентированные на изучение коммуникативной специфики вводных и вставных компонентов. Вводные компоненты принято рассматривать с позиции интерпретации категории модальности [Столярова 1985], Ю. С. Хельмянова раскрыла их роль в выражении категории кажимости [Хельмянова 2016].

Вводный компонент – это слово, словосочетание, предложение, выражающие рассудочное и (или) эмоциональное отношение говорящего к различным аспектам высказывания: его достоверности, композиционно-логической организации, содержанию. Среди вводных компонентов традиционно выделяются организующие высказывание (*следовательно, значит, так, во-первых* и др.); выполняющие контактирующую функцию (*видите ли, понимаете ли* и др.); оценочные (*к счастью, к несчастью, к сожалению* и др.); собственно-модальные, подчеркивающие реальность / ирреальность, достоверность / недостоверность сообщаемого, эту же функцию выполняет и ссылка на источник сообщения (*конечно, может быть, наверно, по-моему* и др.).

Вставные компоненты понимаются как особое синтаксическое явление, создающее двуплановость текста. Их использование позволяет реализовать коммуникативные намерения адресанта, прежде всего – привести в текст попутную информацию.

В синтаксической концепции С. Г. Ильенко, наиболее близкой нам,

вводные компоненты рассматриваются как коммуникативное средство осложнения предложения, а вставные – как композиционно-смысловое средство осложнения сверхпредложенческих единиц [Ильенко 2009: 228].

С. Г. Ильенко полагала, что вводные компоненты, представляющие собой слова, словосочетания, предложения, выражают оценочное отношение говорящего к сообщаемому. Они предназначены для актуализации внимания адресата, установления с ним контакта, композиционно-логической организации высказывания, выражения его модальности.

В отличие от вводных компонентов, вставные представляют собой высказывания в высказываниях, выражая дополнительную фактическую и событийную информацию. Вводные компоненты делают коммуникативный акт более эффективным и выразительным. Вставные же компоненты, добавляя к высказыванию разнообразную информацию, семантически обогащают его, а также могут способствовать организации текста [Ильенко 2017: 204-210].

По мнению Г. Н. Акимовой, между вводными и вставными компонентами нет непреодолимой границы [Акимова 1990: 55]. Вставки могут также выражать субъективно-модальное значение, которое является очевидным признаком вводных компонентов. Эту же точку зрения разделяли В. В. Бабайцева и Л. Ю. Максимов, подчеркивавшие существование широкой зоны переходности между вводными и вставными компонентами, прежде всего синтагматически связанными [Бабайцева, Максимов 1987: 172].

Несмотря на то что вводные компоненты чаще всего выделяются запятыми, а вставные — с помощью скобок, следует заметить, что вводные компоненты также могут выделяться скобками. В публицистике Ю. М. Лотмана функционируют вводные компоненты, которые трудно отграничить от вставных, особенно когда те и другие оформляются при помощи скобок. Во многих фрагментах публицистики Ю. М. Лотмана вводные компоненты мотивируют пунктуационно-графическую аранжировку высказываний, авторский выбор словоформы и т. п. В следующем примере вводный

компонент (выделенный при помощи скобок) выражает авторскую рефлексию о способе пунктуационного оформления высказывания:

«Много раз мне и прямо говорили, что задача вузовской подготовки учителя – «углубленно пройти» (беру эти слова в кавычки потому, что в своей речи никогда их не употребляю) школьную программу» («Учитель на пороге двадцать первого века»)

Вводные компоненты, прежде всего указывающие на способ выражения мысли, квалифицировались некоторыми учеными как вставные, выполняющие метатекстовую функцию [Онишко 1997; Бараночникова 2011 и др.]. Однако, опираясь на семантические исследования вводных и вставных компонентов, мы будем рассматривать их как вводные, выражающие авторскую рефлексию на форму высказывания.

Таким образом, анализ дефиниций вставных компонентов и обобщение опыта их исследования в структурном, семантическом, функциональном аспектах, их сопоставление с вводными компонентами позволяют дать определение, адекватно отвечающее цели и задачам нашего исследования.

Вставные компоненты — это словоформы, словосочетания, предложения, предикативные части, содружества высказываний, включенные в состав основного высказывания, синтагматически связанные и не связанные с ним, способные выразить разнообразную дополнительную информацию (о времени, месте, количестве, причине и др.), обладающие интонацией включения. Они являются средством композиционно-смыслового осложнения высказывания и/или сверхпредложенческих единиц. Для их оформления используются преимущественно скобки, а также тире, многоточие, абзацные отступы и пробелы.

1.3. Сопоставление понятий *публицистический стиль* и *публицистика*

Ю. М. Лотман блестяще владел разнообразными стилями изложения

(научным, разговорным, публицистическим). Для нашей работы принципиально важным является само разграничение понятий *публицистический стиль* и *публицистика*, которые нередко смешиваются. В результате анализа многочисленных лингвистических трудов [Кожина 1977; Ученова 1979; Прохоров 1984; Розенталь 1998; Валгина 2003; Караулов 2008 и др.] считаем необходимым подчеркнуть, что публицистический стиль, наряду с официально-деловым, научным, разговорным, является одной из функциональных разновидностей литературного языка, обслуживающей сферы политических, экономических, социальных, культурных отношений.

Ему присущи две основные функции: информирование и воздействие. Первая из них предполагает исключение того, что может вызвать затруднение в понимании сообщения. Вторая функция обуславливает эмоциональность и экспрессивность публицистического стиля, которые создаются различными средствами речевого воздействия [Ученова 1979; Валгина 2003 и др.].

Стиль, по мнению В. В. Виноградова, это «общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [Виноградов 1955: 73].

Выделяются две группы признаков функциональных стилей: экстралингвистические и лингвистические. В первую группу входят сферы употребления, задачи общения и т. д., во вторую входит стилистическая дифференциация языковых единиц.

Г. Я. Солганик определил три экстралингвистических признака функционального стиля: 1) отражение определенной стороны общественной жизни, особая сфера применения; 2) определенные условия общения; 3) общая установка, главная задача [Солганик 1997: 174]. Что касается

публицистического стиля, то он находит применение в устной и письменной форме (речи на собраниях, периодическая печать и др.) [Розенталь 1998: 33].

В лингвистическом отношении каждый функциональный стиль обуславливает отбор в литературном языке слов и выражений, форм и конструкций, помогающих выполнить внутреннюю задачу этого стиля. Так, публицистический стиль характеризуется большим количеством лексики общественно-политической сферы, таких приемов, как параллелизм, анафора, эпифора, риторические вопросы и др.

В отличие от публицистического стиля, под публицистикой понимается именно область литературы, предметом которой является рассмотрение актуальных вопросов общественной жизни. Ее социальное назначение – сформировать общественное мнение по той или иной проблеме.

Публицистика – наиболее открытый по сравнению с другими вид творчества, она играет важную идеологическую роль, выражая мнение членов общества по актуальным проблемам. Характерные особенности публицистики (актуальность, образность, острота содержания и его изложения) обусловлены ее целью – точно и доступно информировать читателей о важнейших событиях и фактах жизни, воздействовать на них эмоционально-экспрессивной формой изложения [Ученова 1979; Прохоров 1984; Валгина 2003 и др.].

1.4. Публицистический стиль Ю. М. Лотмана

Сократический риторический идеал, исповедуемый Ю. М. Лотманом, выражает сущность его языковой личности, в том числе особенности его публицистического стиля, проявившиеся в разножанровых произведениях его публицистики.

Индивидуальность публицистического стиля Ю. М. Лотмана демонстрирует его новогоднее пожелание читателям газеты «*Вестник Тарту*» (см. Приложение 2.33), в котором автор предстает как человек,

умудренный огромным жизненным опытом. Используя разнообразные языковые средства актуализации своего мнения, он стремился привить читателям *сдержанный оптимизм*. Абсолютное начало и конец текста показывают состояние общества в начале девяностых годов XX века и позицию автора, переход читателей от пессимизма к оптимизму.

Данный публицистический текст демонстрирует приметы разговорного стиля (*ведь, то-то, господи, дай бог* и др.). Немаловажно и то, что первоначально он был предназначен для слухового восприятия. Повтор синтаксической модели и ее лексико-грамматического наполнения является средством ритмизации текста и эмоционально-интонационного воздействия на адресата: «*Отделить себя от армян — нельзя, отделить себя от событий на Кавказе — нельзя, отделить себя от событий во всём мире — нельзя*» («Мы выживем, если будем мудрыми»).

Автор актуализирует свою точку зрения, используя личные местоимения *я, мы* и глаголы в форме первого лица единственного и множественного числа изъявительного наклонения, а также в форме мужского рода единственного числа изъявительного наклонения прошедшего времени и сослагательного наклонения.

Свободное варьирование субъекта помогает Ю. М. Лотману в выражении своей точки зрения и в создании контакта с адресатом. В начале текста автор использует местоимение *я*, актуализирующее его личный военный опыт. Обобщенно-личные предложения (*когда находишься...* и *когда приближаешься...*) используются Ю. М. Лотманом для убеждения читателей. В дальнейшем текстовом развертывании он нередко использует местоимение *мы* для их приглашения к совместному размышлению.

Следует подчеркнуть, что Ю. М. Лотман не навязывал свои взгляды читателям, а вовлекал их в совместное рассуждение. Он приходит к обобщению, опираясь на народную мудрость, цитируя «*Слово о полку Игореве*»: «*И начали князя на малое се большое говорить, половцы приходили со всех сторон войной на русскую землю*» («Мы выживем, если

будем мудрыми»).

Разнообразные повторы, средства выражения отрицания и долженствования (*не, нельзя, надо, нужно* и др.) воздействуют на адресата. В данном и других текстах используется отрицательная частица *не* в сочетании с противительным союзом *а* для того, чтобы адресат мог сделать выбор: *«Надо не считать, а прощать, надо быть умными»; «Я должен считать не тех, кто передо мной виноват, а тех, перед кем я виноват»* («Мы выживем, если будем мудрыми»).

Для того чтобы продемонстрировать особенности публицистического стиля Ю. М. Лотмана, мы обратились к произведениям близких ему по духу современников (И. Г. Эренбурга, С. А. Лурье). Они так же, как и Ю. М. Лотман, были деятелями культуры, чьи интересы не ограничивались какой-то одной сферой, и, самое главное, они были блестящими публицистами.

Сопоставляя произведения Ю. М. Лотмана и И. Г. Эренбурга, посвященные Великой отечественной войне, мы обнаружили, что, в отличие от Лотмана, Эренбург почти не использует вставные компоненты. Его статьи, написанные во время войны, требовали от адресата непосредственного отклика, поэтому в них, как правило, функционировали побудительные высказывания с глагольными предикатами в форме повелительного наклонения: *«Убей немца! — это кричит родная земля. Не промахнись. Не пропусти. Убей!»* (И. Г. Эренбург. «Убей!»).

При этом И. Г. Эренбург так же, как и Ю. М. Лотман, нередко использовал личное местоимение *мы*, чтобы выразить единство адресанта и адресата: *«Мы знаем, что весенние бои будут трудными. Они только начались. Мы знаем, что в этих боях могут быть отдельные неудачи.»* (И. Г. Эренбург. «Белоруссия борется»).

В отличие от Эренбурга, Лотман создавал свои произведения после войны, воспоминание о которой предполагало использование вставных компонентов для детализации изображаемого, мотивации поступка и др.:

«Я твердо решил на приближающейся войне не показать себя хлюпиком и все свободное время делил между французскими книгами и турником, так что к началу войны без большого труда сдал все спортивные нормы (бег и прыжки для меня никогда не были трудностью, а на турнике я натренировал себя до твердой армейской четверки)» («Не-мемуары»).

Данное сопоставление произведений, имеющих тематическую общность, наглядно демонстрирует обусловленность использования вставок не только индивидуальным стилем автора, но и принадлежностью текстов определенной эпохе и жанру, что особенно значимо для публицистики.

Другой автор, С. А. Лурье, был мастером публицистического и философского эссе. В его эссеистике многочисленные вставные компоненты выполняют функции пояснения или комментария:

«Затем, само собой, начались следственные действия: Евгению Привалову сломали на допросе три ребра — даже пришлось на время переправить его в тюремную больницу (где при осмотре обнаружили у него на теле многочисленные ожоги неизвестного происхождения)» (С. А. Лурье. «Триумф Миледи»).

Например, в тексте С. А. Лурье, объемом около 5000 слов, функционирует 41 вставной компонент (32 несут дополнительную информацию, 6 выполняют функцию пояснения):

«Оказывается, если гениальных людей (то есть тех, кого история признала таковыми, — это что-то около полутысячи особей) рассортировать по экстерьерно-конституциональным признакам: рост, телосложение, наследственные болезни, — получится сколько-то (не помню сколько) как бы пород» (С. А. Лурье. «Евангелие ежа»).

В произведениях Ю. М. Лотмана вставные компоненты функционально разнообразнее. Наряду с добавлением и пояснением информации, они актуализируют субъективную текстовую модальность, выражают авторскую иронию и самоиронию, сарказм:

«Я не возлагаю больших надежд на различные интервью и газетные

декларации, которые появляются в последнее время в таком количестве (хотя сам достаточно грешен многочисленными участиями в этом жанре)» («На пороге непредсказуемого»).

В дальнейшем (в главе III) будет продемонстрировано, как структурно-семантическая специфика вставных компонентов обуславливает наличие у них значительного функционального потенциала, который позволяет им участвовать в выражении текстовых категорий (целостности, связности, членимости, и др.), обладать разнообразным семантическим радиусом действия.

Выводы по главе I

В главе был обобщен опыт исследования вставных компонентов в структурно-семантическом, функциональном и антропоцентрическом аспектах.

Несмотря на разнообразие терминов, используемых исследователями, в нашей работе избирается термин *вставной компонент* для обозначения анализируемого синтаксического явления, обладающего разным объемом, от словоформы до содружества высказываний.

Вставные компоненты – это словоформы, словосочетания, предложения, предикативные части, содружества высказываний, включенные в состав основного высказывания, синтагматически связанные и несвязанные с ним, способные выражать разнообразную дополнительную информацию (о времени, месте, количестве, причине и др.), обладающие интонацией включения. Они являются средством композиционно-смыслового осложнения высказывания и/или сверхпредложенческих единиц. Для их оформления используются преимущественно скобки, а также тире, многоточие, абзацные отступы и пробелы.

Не все понятия, предложенные исследователями (*текстовая вставка, сложное вставное целое*), входят в терминологический аппарат данной

работы по причине своей дискуссионности.

Вставные компоненты отличаются не только структурным, но и семантическим разнообразием, они способны выразить уточняющую, поясняющую, причинную и другую семантику. Наиболее традиционными для них являются интер- и постпозиция в составе включающего высказывания.

Обобщение опыта исследования вставных компонентов в функциональном аспекте выявило их способность нарушать линейность высказывания и создавать его двуплановость, выразить текстовые категории, выполнять разнообразные функции (пояснения, уточнения, мотивации и др.) в художественном, публицистическом, научном, разговорном дискурсах.

Вводные компоненты являются коммуникативным средством осложнения предложения, а вставные – композиционно-смысловым средством осложнения основного высказывания и сверхпредложенческих единиц. Вставки преимущественно выражают дополнительную фактическую и событийную информацию, что отличает их от вводных компонентов; они различаются интонационно и позиционно. Вводные компоненты, в отличие от вставных, могут находиться в начале, середине или конце основного высказывания.

Вставные компоненты являются одним из средств характеристики индивидуального стиля языковой личности. Антропоцентрический аспект исследования предполагает учет их частотности, структуры и семантики, взаимодействия с основным высказыванием и окружающим контекстом.

Для понимания индивидуального стиля Ю. М. Лотмана, который по праву считается выразителем сократического риторического идеала, важны такие черты его личности, как интеллигентность, гуманистичность, демократичность.

Понятия *публицистика*, подразумевающее совокупность разножанровых произведений, и *публицистический стиль*, имеющее отношение к совокупности приемов выражения, отбору средств речевого

воздействия, не тождественны. Индивидуальность публицистического стиля Ю. М. Лотмана связана с его стремлением к диалогизованности общения с адресатом, реализуемого разнообразными языковыми средствами.

Сопоставление публицистической манеры Ю. М. Лотмана и стиля его литераторов-современников, близких ему по мировоззрению, продемонстрировало обусловленность использования вставок не только языковой личностью автора, но и принадлежностью текстов определенной эпохе, что особенно значимо для публицистики.

ГЛАВА II

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВСТАВНЫХ КОМПОНЕНТОВ, ФУНКЦИОНИРУЮЩИХ В ПУБЛИЦИСТИКЕ

Ю. М. ЛОТМАНА

Целью данной главы является анализ структуры и семантики вставных компонентов разного объема, функционирующих в публицистике Ю.М. Лотмана, имеющих различную пунктуационно-графическую аранжировку, но выделенных прежде всего при помощи скобок. Выявление структурно-семантических особенностей необходимо для определения их коммуникативного потенциала, текстовая реализация которого будет рассмотрена в следующей главе (3.3 – 3.5).

2.1. Структурная характеристика вставных компонентов

Вставные компоненты, вследствие своей структурной и семантической неоднородности, с трудом поддаются строгой систематизации. Давая структурную характеристику вставным компонентам, функционирующим в публицистике Ю.М. Лотмана, проанализируем их грамматические особенности, взаимодействие с вводными компонентами, их связь с основным высказыванием и средства ее выражения, а также их расположение.

2.1.1. Грамматические особенности вставных компонентов

Вставные компоненты, функционирующие в публицистике Ю. М. Лотмана, чрезвычайно разнообразны. Они могут являться словоформами, словосочетаниями, простыми или сложными предложениями разного вида, содружествами высказываний. Выявлены также самостоятельные высказывания, которые отмечены вопросительными и восклицательными

знаками, точкой, многоточием, и вставка, являющаяся конструкцией с прямой речью.

С. Г. Ильенко отметила, что вставные компоненты чаще всего представляют собой предложения, реже являются словоформами или словосочетаниями [Ильенко 2009: 227]. Проанализировав тексты А. С. Пушкина, Л. В. Бараночникова также обнаружила, что в них в большей степени встречаются вставные компоненты, выраженные простыми, осложненными и сложными предложениями [Бараночникова 2011: 17].

Подобное справедливо и для вставных компонентов, являющихся простыми или сложными предложениями, а также предикативными частями последних, функционирующими в публицистике Ю. М. Лотмана, что продиктовано их большей способностью передать добавочную информацию в сравнении со словоформами и словосочетаниями.

Для выражения вставных компонентов, выявленных в анализируемом материале, используются разнообразные синтаксические единицы и текстовые фрагменты.

1. Словоформа: *«Были введены нормы (количественные) для рядовых и сержантов...»* («Не-мемуары»). Подобные вставные компоненты немногочисленны, в основном это словоформы имен существительных.

2. Словосочетание: *«Мы отходили к Дону (лето сорок второго года)»* («Не-мемуары»).

3. Простое предложение: *«Кажется, первым ударом был (сейчас об этом мало помнят) разгром исторического краеведения в конце двадцатых годов»* («География интеллигентности: эскиз проблемы»).

4. Осложненное предложение

а) Осложнено вводным компонентом:

«Сейчас у нас, как мне кажется, в результате того, что очень долго, почти целый век, политическая деятельность не была профессией (вероятно, в России она никогда не была профессией), мы имеем исключительно много дилетантов» («Говоря о современности, я скажу вот

что...»).

б) Осложнено согласованным или несогласованным обособленным определением:

«Зато у нас была другая метода: после стрельбы на батарее остаются пустые медные гильзы (для наших снарядов это были большие, в половину человеческого роста, металлические стаканы)» («Не-мемуары»).

в) Осложнено однородными членами:

«Ночью (Зара Григорьевна и дети уже спали) я сидел у настольной лампы в темной комнате и ждал» («Не-мемуары»);

5. Сложное предложение. В публицистике Ю. М. Лотмана в роли вставных компонентов активно используются сложные предложения разных типов: бессоюзные (а), сложносочиненные (б), сложноподчиненные (в):

(а) *«Пожалуй, пришелец не столько изумился бы обилию научных текстов (они ему доступны: язык логики везде один), сколько морю беллетристики» («Азбука судьбы»);*

(б) *«Ну, с каким пятым параграфом, балда? (Мать Димки была русской, и по паспорту он был записан русским.)» («Не-мемуары»);*

в) *«Немцы не только не стыдились (все наши наблюдения шли через линию фронта, потому мое мнение нуждается в корректировке) расстегнутости, обнаженного тела, но даже, видимо, находили в этом особый стиль» («Не-мемуары»).*

6. Многокомпонентное сложное высказывание с разными видами связи: *«Сильно заикаясь (работая артиллеристом на телефоне, я выработал правильное дыхание и почти не заикался, но оказавшись после демобилизации «на гражданке», я вдруг обнаружил, что в разговоре с девушками или незнакомыми людьми заикаюсь так сильно, как никогда доселе; на заседании кружка я однажды должен был прервать доклад и уйти со сцены), я объяснил Заре Григорьевне, что рисую только за деньги» («Не-мемуары»).*

7. Текстовый фрагмент:

«В это время он переживал сильное любовное увлечение. (Его

возлюбленная Женя Зенова потом вышла замуж — это уже впечатления послевоенные — за человека, который, видимо, очень сильно ревновал ее к памяти погибшего Борьки и, видимо, внушил прежде ей совершенно чуждые антисемитские настроения и речи. До войны ничего подобного, конечно, не было)» («Не-мемуары»).

8. Конструкция с прямой речью:

«...Я буквально втащил [в загс. — Ч.С.] отчаянно сопротивляющуюся Зару Григорьевну, которая говорила, что... что семейная жизнь вообще мещанство (подруга Зары Григорьевны Люда резюмировала эти речи язвительной формулой: «Личное — назад, общественное — вперед!»)» («Не-мемуары»).

Вставные компоненты могут осознаваться отдельно от включающего высказывания, получая соответствующую пунктуационно-графическую аранжировку, преимущественном в художественном тексте. Однако в публицистике Ю. М. Лотмана они не обладают подобной относительной самостоятельностью.

Характеристика способов выражения вставных компонентов будет продолжена в дальнейшем (2.1.3), после дифференциации их разновидностей (синтагматически несвязанных и связанных).

2.1.2. Взаимодействие вставных и вводных компонентов

Одной из характеристик вставных компонентов в публицистике Ю. М. Лотмана является их взаимодействие с вводными. Среди 212 примеров вставных компонентов выделяются 46, в которых функционируют 54 вводных (в некоторых вставках вводные компоненты используются неоднократно):

«В декабре завернули неожиданно сильные морозы (вообще, годы войны были отмечены исключительно жестокими зимами, как, по словам местных жителей, давно уже прежде не было)» («Не-мемуары»).

В анализируемом материале их контаминация является закономерной. Диалогизируя изложение, Ю. М. Лотман использует вводные компоненты, при помощи которых устанавливается контакт с адресатом, выражается субъективная модальность, актуализируется точка зрения автора, для осложнения вставных. Они также повышают эффективность общения, создавая ощущение интонации живой разговорной речи.

Данные вводные компоненты представляет собой словоформу, словосочетание или предложение (см. Приложение 1.67, 79, 80, 82, 90, 102, 112, 122). В количественном отношении преобладают словоформы (37 примеров из 54) – модальные слова, наречия, глаголы, существительные с предлогами и без предлогов. Вводные компоненты, функционирующие во вставных, реже выражены словосочетаниями и предложениями (17 примеров из 54).

По семантике подобные вводные компоненты разнообразны, они способствуют организации высказывания, выражению порядка мыслей. Во вставных компонентах многократно используются такие вводные, как *естественно, кстати, конечно, к сожалению* и др., которые характерны для беседы. Они выражают отношение автора к сообщаемому, его достоверность / недостоверность, устанавливают контакт с адресатом.

Приведем в качестве примера многокомпонентное сложное высказывание, конец которого отмечен точкой, состоящее из шести предикативных частей. Данный вставной компонент выражает точку зрения Б. Л. Пастернака. Вводный компонент (*правда*), близкий по значению к союзу *но*, компенсируя делимитацию, организует связь вставки с основным высказыванием. Другой вводный компонент (*как указала тартуский ученый Надежда Пустыгина*) указывает на источник информации:

«Пастернак очень точно об этом сказал. (Правда, он сказал, что слова принадлежат Гегелю, а как указала тартуский ученый Надежда Пустыгина, слова принадлежат Шлегелю, но сама ошибка Пастернака очень характерна, потому что мысль тут гегелевская.)» («Говоря о

современности, я скажу вот что...»).

Таким образом, публицист, регулируя читательское восприятие текста, использует контаминацию вводных и вставных компонентов. Заметим, что она также характерна для стиля А. С. Пушкина [Бараночникова 2011], одним из виднейших знатоков творчества которого является сам Ю. М. Лотман. В его публицистике взаимодействие вводных и вставных компонентов выступает как одно из средств достижения речевого контакта, способствуя созданию образа автора, нетривиальное мнение которого вызывает интерес и доверие адресата.

2.1.3. Связь вставных компонентов с основным высказыванием и средства ее выражения

Как уже было отмечено в первой главе, вставные компоненты могут быть синтагматически несвязанными и связанными с основным высказыванием [Акимова 1990: 62; Вяткина 2009: 171 и др.]. Степень их связанности различна, в зависимости от отсутствия или наличия ее языковых показателей.

Синтагматически связанные вставки могут пониматься узко и широко. В первом случае имеются в виду только те вставные компоненты, которые грамматически связаны с основным высказыванием. Снятие скобок трансформирует вставной компонент в член предложения или предикативную часть / части основного предложения.

Во втором случае их синтагматическая связанность выражается лексическим повтором, синонимами и антонимами, в том числе контекстуальными, дейктическими элементами, принадлежностью лексем во вставке и включающем высказывании к одной тематической группе и др. Семантический радиус действия данных вставных компонентов, как правило, распространяется на включающее высказывание.

Существует и принципиально противоположная точка зрения: наличие

грамматической или лексической связи между вставкой и основным предложением лишает смысла само понятие *вставочности*. Тем не менее, ряд исследователей [Перфильева 2004; Кальниченко 2014 и др.] признает существование синтагматически несвязанных и связанных вставных компонентов. Согласимся с этой точкой зрения, считая возможной связь вставных компонентов с основным предложением-высказыванием.

Заметим также, что скобки (реже – другие знаки препинания) используются для выделения вставок независимо от того, являются ли они компонентами основного высказывания или нет. Данная пунктуационно-графическая аранжировка соответствует целеустановке автора, актуализирующего вставку при помощи скобок (в этой функции в публицистике Ю. М. Лотмана почти не встречается тире) и тем самым управляющего вниманием адресата.

Таким образом, изучая вставные компоненты в структурно-семантическом аспекте, следует анализировать лексические и грамматические средства выражения их связи с включающим высказыванием. К лексическим средствам относим повторы словоформы; слова, принадлежащие к одной лексико-семантической группе; синонимы и антонимы (в том числе контекстуальные); однокоренные слова и др. (см. Приложение 1.1, 15, 54, 171, 177).

В следующем примере взаимосвязь между основным высказыванием и вставным компонентом осуществляется при помощи повтора слова *письмо*: «Через незапертую дверь просунулась рука и на стол в прихожей упало письмо (в моем архиве это письмо должно быть)» («Не-мемуары»).

Повтор словоформы *в фольклоре* и принадлежность слов *русский* и *немецкий* к одной лексико-семантической группе связывают вставной компонент с контекстом: «Доклад посвящен был теме «Бой отца с сыном в русском фольклоре» (с параллелями в немецком фольклоре)» («Не-мемуары»).

Средством связи вставки и включающего высказывания являются слова, принадлежащие к одной лексико-семантической группе (*Закавказье*,

Литва, Латвия, Россия) и в другом примере:

«Сейчас, когда уже много дней льется в Закавказье кровь (только ли в Закавказье; а Литва, а Латвия?), интеллигенция России не очень торопится высказать свое мнение: как бы не осложнить свои собственные дела перед выборами президента республики» («Мир соскальзывает в безумие»).

Связь между вставным компонентом и основным высказыванием создается принадлежностью имен собственных к одному лексико-семантическому полю *Поэт*: *«Поэты (такие, как Ахматова и Цветаева) не стеснялись называть поэзию ремеслом» («Говоря о современности, я скажу вот что...»).*

Роль средств связи вставных компонентов и основных высказываний выполняют синонимы и антонимы (в том числе контекстуальные). В следующем примере эту функцию выполняют слова *милый* и *противный*:

«В нашей батарее командиром взвода управления был инженер с Донбасса, милый и интеллигентный человек Иващенко (у огневииков был свой Иващенко — тоже лейтенант, страшно противный)» («Не-мемуары»).

Средством связи вставки и включающего контекста выступают также однокоренные слова (*воспитательный / воспитывать / воспитание*) и формы слов:

«Думаю я также, что различные специально воспитательные мероприятия (особенно когда ученики заранее предупреждены, что сейчас их начнут воспитывать) играют в процессе воспитания наименьшую роль» («Воспитание души»).

Личные и указательные местоимения, используемые во вставных компонентах, создают связь не только с включающим высказыванием, но и с окружающим контекстом (см. также Приложение 1.80, 82, 106, 111, 157, 167):

«В этом полку (он менял название, превращался в гвардейский, потом в бригаду) под командованием командира полка К. Дольста я прослужил всю войну» («Не-мемуары»).

Местоимение *мы* во вставке не только соединяет ее с основным

высказыванием, но также объединяет *он* и *я*:

«Он был немножко пьян. Подсел ко мне и, рыдая (до этого между нами не было никакой близости) и утирая локтем сопли, заговорил со мной на ты» («Не-мемуары»).

В следующем примере связь вставного компонента с основным высказыванием поддерживается личным местоимением *они*, а вводный компонент со значением комментария актуализирует нарушение линейности изложения:

«...Новый фактический материал обработан традиционными филологическими методами (кстати, именно они ценны своей надежностью)» («О ценностях, которым нет цены»).

При этом личное местоимение *я*, выступающее на первое место во вставных компонентах (см. также Приложение 1.5, 79, 168), нарушает синтагматическую связность с включающим высказыванием: *«Ручаюсь, что вы все доживете (я, наверное, нет) до того, как он снова станет Кёнигсбергом» («Город и время»).*

В публицистике Ю. М. Лотмана нередко используются вставные компоненты, начинающиеся указательным местоимением *это*, связующим его с членом включающего высказывания или с высказыванием в целом (см. также Приложение 1.22, 25, 29, 35):

«Диссертация была фактически написана еще в студенческие годы, и сразу после окончания университета я подал ее на защиту (это, кажется, было воспринято как нахальство, но, честное слово, это была просто наивность)» («Не-мемуары»).

В приведенном примере местоимение *это* указывает на содержание основного высказывания в целом, в данном случае оно может быть заменено союзным словом *что*. Отношения включающего высказывания и вставного компонента подобны отношениям между предикативными частями сложноподчиненных предложений (*Она весело рассмеялась, что с нею редко бывало* и т. п.).

К грамматическим средствам связи принадлежат сочинительные и подчинительные союзы, союзные слова (см. Приложение 1.13, 45, 56, 83, 87, 89, 153, 160, 186). В начале вставки разнообразные сочинительные союзы (соединительные, противительные, разделительные) выражают связь между вставным компонентом и основным высказыванием:

«Шагая по топкому песку на самом берегу Дона, я увидел две черные фигуры в плащах, закрывающих знаки различия (но плащи были командирские), и услышал отрывок разговора...» («Не-мемуары»).

Отдавая себе отчет в сложности семантической интерпретации сочинительных союзов, предложенной в исследованиях Е. В. Урысон [2004; 2011], Т. М. Николаевой [1997] и других ученых, считаем это отдельной научной задачей.

Подчинительную связь с основным высказыванием демонстрируют прежде всего синтагматически связанные вставные компоненты, являющиеся придаточными частями, в начальной позиции которых находятся подчинительные союзы или союзные слова:

«Теперь, видимо, на следующем витке, придется заняться тем, что человек не только животное, или животное совершенно особого рода (что не отменяет предшествующего)» («На пороге непредсказуемого»).

Подчинительная связь между членом основного высказывания и вставным компонентом может выражаться не только подчинительными скрепами — она может представлять собой управление, примыкание или согласование, как в следующем примере (*количественные*):

«Были введены нормы (количественные) для рядовых и сержантов (кажется, шесть килограммов, но не помню, на какой срок), а высокие чины быстро перестали стесняться всякими нормами» («Не-мемуары»).

В роли средств связи вставных компонентов и основного высказывания выступают также словоформы, которые демонстрируют лексико-грамматическую зависимость от какого-либо слова в контексте:

«Я знаю ту войну, которая была у артиллериста, кадрового солдата

<...> *успевшего к ней психологически подготовиться и получить некоторые (не очень большие) профессиональные навыки; провоевавшего в 1941 – 1944 годах на южном фронте и только в 1944 – 1945-м попавшего на север – в Эстонию, Польшу, а затем – Германию» («У всех была разная война...»).*

В приведенном примере стимулом появления вставного компонента является семантическая недостаточность местоимения *некоторые*.

Вставные компоненты, являющиеся обособленными или однородными членами, также обнаруживают грамматическую или лексико-грамматическую зависимость от членов основного высказывания.

Таким образом, Ю. М. Лотман, создавая в своей публицистике связь вставного компонента с основным высказыванием и окружающим контекстом, использует разнообразные лексико-грамматические средства.

Проанализировав 212 вставных компонентов, используемых в публицистическом тексте Ю. М. Лотмана, мы определили, что в нем функционируют синтагматически связанные и синтагматически несвязанные вставные компоненты. Причем синтагматически несвязанные вставки составляют меньшинство (34 примеров). Для их выражения используются:

- словоформы – 4 примера (см. Приложение 1.2, 6, 9);
- словосочетания – 5 примеров (см. Приложение 1.10, 14, 17, 19, 20);
- простые предложения – 13 примеров (см. Приложение 1.28, 30, 41 и др.);
- 4 осложненных предложения (см. Приложение 1.78-79 и др.);
- сложные предложения – 6 примеров (см. Приложение 1.18, 93, 135 и др.);
- многокомпонентные сложные высказывания – 2 примера (см. Приложение 1.123, 172).

В публицистике Ю. М. Лотмана большинство вставных компонентов является синтагматически связанными (178 примеров). В проанализированном материале выявлено 62 примера вставных компонентов с грамматической связью с включающим предложением. По сути они

являются его членами, выраженными, как правило, словоформами или словосочетаниями:

- обстоятельством – 4 примера (см. Приложение 1.4,5, 16, 97);
- определением – 2 примера (см. Приложение 1.8, 12).

Члены включающего предложения могут быть однородными – 8 примеров (см. Приложение 1.140, 150, 184 и др.), причем однородный ряд может состоять из нескольких словоформ.

Они могут быть полупредикативными, чаще всего выраженными причастными и деепричастными оборотами, и уточняющими обособленными членами – 15 примеров (см. Приложение 1.2, 142, 143 и др.).

Вставные компоненты, представляющие собой придаточные части сложноподчиненных предложений, маркированы подчинительными средствами связи – 15 примеров. В определении их типов мы будем опираться на традиционную классификацию сложноподчиненных предложений. Среди них выявлены: 1 придаточное места (см. Приложение 1.84), 1 условное (см. Приложение 1.137), 3 придаточных причины (см. Приложение 1.44, 47, 134), 3 уступительных (см. Приложение 1.89, 92 и др.), 3 определительных (см. Приложение 1.83, 86, 90) и 4 присоединительных (см. Приложение 1.85, 87, 88, 91).

Выявлено 18 примеров, в которых включающее предложение-высказывание и вставные компоненты объединяют сочинительные союзы: соединительные, противительные, разделительные и присоединительные. Вставные компоненты могут представлять собой предикативные части сложносочиненного предложения (см. Приложение 1.45, 56) и сложные предложения с разными видами связи (см. Приложение 1.107, 125).

Синтагматически связанные вставные компоненты, связь которых с включающим предложением выражается лексически, насчитывают 116 примеров. Она выражается:

- лексическим повтором – 40 примеров (см. Приложение 1.15, 53, 65, 69, 77 и др.);

- синонимами, антонимами, в том числе контекстуальными – 13 примеров (см Приложение 1.1, 3, 115, 122 и др.);
- однокоренными словами – 4 примера (см. Приложение 1.132, 177 и др.);
- словами, относящимися к одной лексико-семантической группе – 11 примеров (см. Приложение 1.54, 98, 109 и др.);
- с местоименными словами в роли средств связи – 48 примеров (см. Приложение 1.24, 27, 33, 55, 106 и др.).

Вставные компоненты, связанные с включающим высказыванием лексическими средствами, не менее разнообразны по структуре. Они могут быть словоформами (Приложение 1.1), словосочетаниями (Приложение 1.5), простыми (Приложение 1.24), осложненными (Приложение 1.73), сложными предложениями (Приложение 1.77) и многокомпонентными высказываниями (Приложение 1.72). Обнаружены также 1 конструкция с прямой речью (Приложение 1.179) и 2 текстовых фрагмента (см. Приложение 1.16, 178).

Нередко в одном примере встречается несколько перечисленных средств связи. Например, в Приложении 1.21 связь между вставкой и включающим высказыванием осуществляют вариативный повтор формы слова *читать* и местоимение *ее*.

Возможна также комбинация грамматических и лексических средств (см. Приложение 1.11, 23, 44, 45, 56, 118, 137). В Приложении 1.155 вставной компонент представляет собой уточняющий обособленный член, в составе которого есть 3 однородных дополнения, выраженные словоформами, а также вводный компонент *скажем*. Связь с включающим высказыванием осуществляется также лексическим повтором слова *языки*. В Приложении 1.44 вставка представляет собой придаточное причины. Кроме того, местоимение *он* во вставном компоненте соединяет его с основным высказыванием.

Таким образом, среди 212 вставных компонентов, функционирующих в публицистике Ю. М. Лотмана, выявлены 34 синтагматически несвязанных и

178 синтагматически связанных вставных компонентов.

В публицистических текстах Ю. М. Лотман, как правило, использует синтагматически несвязанные вставные компоненты, являющиеся простыми и сложными предложениями или содружествами высказываний. Включение в текст данных вставных компонентов мотивировано их коммуникативным потенциалом, в отличие от словоформы и словосочетания.

Преобладание синтагматически связанных компонентов (более 80%) обусловлено целеустановкой автора на создание контакта с адресатом, уравнивание их фоновых знаний. Обособленные и однородные члены предложения, разнообразные придаточные части и другие способы их выражения необходимы ему для объяснения понятий и терминов, их конкретизации, мотивации содержания включающего высказывания. Предпочтение синтагматически связанных вставных компонентов отвечает также индивидуальному стилю Ю. М. Лотмана, не являвшегося поклонником аналитической манеры изложения.

2.1.4. Позиция вставных компонентов в основном высказывании

Вставные компоненты в связи со своим предназначением передавать добавочную информацию могут находиться в интер- или постпозиции основного высказывания (см. также Приложение 1. 3, 4, 10, 19):

«Нас не допекали занятиями (обычная мука солдата в небоевых условиях), мы были свободны» («Не-мемуары»);

«А мне и самому было что вспомнить, хотя я этого ему не рассказывал (это было запрято слишком глубоко)» («Не-мемуары»).

В рассмотренном материале они чаще всего располагаются в интерпозиции (126 из 212), второе место принадлежит вставным компонентам, находящимся в постпозиции (77 из 212).

Вставки, представляющие собой словоформу, словосочетание и простое предложение, располагающиеся в интерпозиции, составляют более

70%, а осложненные и сложные предложения — около 50%.

Выявленная закономерность может быть объяснена следующим: вставные компоненты, как правило, располагаются за тем, что они разъясняют, уточняют, поясняют. Это может быть основное высказывание в целом или его отдельный член. Ср.:

«Праздничных платьев у Зары Григорьевны не было вообще (мещанство!)» («Не-мемуары»);

«Например, можно просчитать и предсказать (приблизительно) определенные динамические процессы в области промышленности» («Говоря о современности, я скажу вот что...»).

Оба вставных компонента выражаются словоформой, первый из которых, представляя собой неоформленную цитату из речи персонажа, мотивирует описанное положение дел (не было праздничных платьев, потому что З. Г. Минц считала их проявлением мещанства), находится в конце высказывания. Второй, примыкая к предикату основного высказывания, располагается в интерпозиции высказывания.

Вставные компоненты располагаются в постпозиции тогда, когда комментируют финал целого высказывания. Постпозитивные вставные компоненты, относящиеся к нему, как правило, выражаются разнообразными сложными предложениями:

«Потом отворялась дверь (в ритуал входило, чтобы зала заседаний была густо накурена, поэтому, когда отворялась дверь, оттуда валил дым как из ада)» («Не-мемуары»).

Наряду с ними отмечено 8 вставных компонентов, которые являются отдельными высказываниями, заключенными в скобки (см. Приложение 1.94, 103, 113, 129): *«(... сама ошибка Пастернака очень характерна, потому что мысль тут гегелевская.)» («Говоря о современности, я скажу вот что...»).* Также выявлен 1 вставной компонент, представляющий собой отдельный абзац, который будет проанализирован в дальнейшем (3.4.). Подобные вставные компоненты, выражая попутную, добавочную информацию,

обладают меньшей зависимостью от основного высказывания.

Таким образом, позиция вставных компонентов зависит от того, к чему они относятся и какие функции выполняют. В публицистике Ю. М. Лотмана преимущественно используются интерпозитивные вставки, уточняющие или поясняющие компонент или часть основного высказывания. Вставные компоненты, которые функционируют в постпозиции основного высказывания, способны также выражать дополнительную информацию о высказывании в целом.

2.2. Семантическая характеристика вставных компонентов

Как было сказано ранее, вставные компоненты могут быть использованы для объяснения значения слов, уточнения времени и места события, определения его причины и т. д. Их основная функция — передача дополнительных сведений. Семантическая классификация вставных компонентов оказывается гораздо более сложной, чем классификация вводных компонентов, вследствие разнообразия их содержания.

Семантическая характеристика вставных компонентов осложняется тем, что они, нарушая непрерывность текста, являются высказыванием в высказывании, поэтому при анализе их семантики необходимо учитывать семантику включающего высказывания. В публицистике Ю. М. Лотмана вторжение вставных компонентов необходимо для того, чтобы дополнить, уточнить, исправить информацию:

«Лазая между брошенными ящиками с амуницией, снарядами и боеприпасами, мы обнаружили два больших ящика яиц (не знаю, сколько, но их было несколько тысяч)» («Не-мемуары»).

Это вторжение создает семантическую двуплановость основного высказывания, которое может быть понято без вставных компонентов, но не наоборот. Вставка в следующем примере уточняет словоформу *поэты*: *«Поэты (такие, как Ахматова и Цветаева) не стеснялись называть поэзию*

ремеслом» («Говоря о современности, я скажу вот что...»).

В публицистике Ю. М. Лотмана выявлены вставные компоненты, выражающие дополнительную причинную, временную, пространственную, условную, пояснительную, уточняющую, уступительную, комментирующую, сопоставительную и другую семантику (см. Приложение 1.1, 4, 14, 92, 95, 135, 136, 151). Их включение в анализируемый публицистический текст имеет разную мотивацию.

Функционирование вставных компонентов в публицистическом тексте Ю. М. Лотмана провоцируется семантикой предшествующих словоформ, словосочетаний, предложений, что частично было продемонстрировано в характеристике синтагматически связанных вставок (2.1.3). Данное суждение противоречит распространенному мнению о самодостаточности вставки, о том, что ее структура и семантика не обусловлены основным высказыванием [Бабайцева, Максимов 1987: 172].

Вставки способны выражать причинное обоснование (в данном случае проспективное) того, что утверждается в основном высказывании:

«Кстати, попутно скажу (поскольку газета обращена прежде всего к русскоязычному читателю), что положение в русских школах республики мне представляется неудовлетворительным» («Неюбилейные признания»).

Они мотивируют представления автора о компоненте основного высказывания. В следующем примере их стимулом является словоформа *мало*, причина использования которого была эксплицирована во вставном компоненте:

«Если же ситуация сложная, тогда только хранить информацию – мало, нужно ее вырабатывать (ведь неизвестно, окажется ли наша программа оптимальной)» («Азбука судьбы»).

Вставные компоненты используются Ю. М. Лотманом для хронологической или локальной конкретизации события основного высказывания:

«В дальнейшем, когда я уже был опытным сержантом и к нам начали поступать молодые из тыла (это было уже в конце войны), я регулярно брал

одного из них и шел туда, где казалось наименее приятно быть» («Немемуары»).

Вставной компонент может представлять собой добавочное замечание, цель которого – подчеркнуть значимость того, о чем говорится в основном высказывании:

«Это будет трудное дело, потому что нет контролера строже, чем сам человек (если нет такого внутреннего контролера, то нет высшего образования)» («Чему же учатся люди»).

Они способны выполнять функцию пояснения основного высказывания или его компонента. К пояснительным вставкам относятся и такие, которые дают перевод компонентов основного высказывания, что необходимо для его понимания читателем: *«Знаете немецкую поговорку: Wer hat Wahl hat auch Qual (Кто имеет выбор, тот имеет мучение)» («На пороге непредсказуемого»).* Они могут как пояснять, так и уточнять член основного высказывания:

«Но есть разница между описанием одного и того же процесса с разных точек зрения, соответственно – на разных языках (скажем, на языках математики, философии, искусства)» («Нам все необходимо. Лишнего в мире нет...»).

В публицистике Ю. М. Лотмана встречаются своеобразные вставные компоненты, в которых он уточняет, детализирует ситуацию включающего высказывания, предлагая особый ракурс ее восприятия. Показательно, что в инициальной позиции вставок такого типа, как правило, используется слово *особенно*:

«И о том, что область общения учителя и ученика (особенно в сельской местности, где это общение значительно теснее) не может и не должно ограничиваться программой» («Учитель на пороге двадцать первого века»).

Публицист также использует вставные компоненты, представляющие собой уступительные придаточные со значением обратного условия, при

этом в основном высказывании выражено противоположное следствие:

«Считалось, что общегосударственные интересы (хотя нередко под ними скрывались интересы тех или иных союзных министерств и ведомств) автоматически должны совпадать с интересами республик и их жителей» («Тут надо быть 1000 раз осторожным»).

Вставные компоненты, представляющие собой относительно-распространительные придаточные, используются для комментария, распространения содержания включающего высказывания или его компонента:

«Философия башни из слоновой кости была для Б. М. Гаспарова принципиальной (что, кстати, резко противоречило его таланту превосходного лектора, любящего и умеющего овладевать аудиторией)» («Не-мемуары»).

Выполняя эту функцию, вставки могут осложняться вводными компонентами со значением комментария (*кстати, должен отметить, необходимо подчеркнуть* и т. п.):

«В одних новый фактический материал обработан традиционными филологическими методами (кстати, именно они ценны своей надежностью)» («О ценностях, которым нет цены»).

Вставные компоненты способны выражать противопоставление или сопоставление их содержания с содержанием основного высказывания: *«Ручаюсь, что вы все доживете (я, наверное, нет) до того, как он снова станет Кёнигсбергом» («Город и время»).*

Ю. М. Лотман использует вставные компоненты для иллюстрации содержания включающего высказывания или его компонентов:

«Этим словом можно было обозначать почти все: спикировать могло означать украсть, могло означать удрать на какое-то мероприятие, например спикировать к бабам или же завалиться спать (пока вы чапали, я тут спикировал), уклониться от распоряжений начальства и т.д.» («Не-мемуары»).

Предоставляя читателю нравственный выбор или выбор поведения, вставные компоненты выражают позицию автора. Они могут быть использованы для актуализации не только авторской точки зрения, но и достоверности основного высказывания:

«Вообще (это не только мое чувство, я его проверял на других) основное внутреннее состояние — желание, чтоб она к чертовой бабушке кончилась, — жажда конца» («Не-мемуары»).

Таким образом, в публицистике Ю. М. Лотмана вставные компоненты разъясняют, уточняют, поясняют, комментируют основное высказывание или его составляющие, выражают причинные, временные, пространственные, уступительные, сопоставительные и другие отношения, подчеркивая субъективную авторскую позицию.

2.3. Пунктуационно-графическая аранжировка вставных компонентов

В письменной речи функционируют три вида вставок: маркированные вербальные (с помощью метапоказателей), маркированные пунктуационные и имплицитные [Перфильева 2004: 35]. В данном исследовании анализируются вставные компоненты, маркированные пунктуационно.

Для оформления вставок используются в основном скобки, реже тире и запятые. По мнению С. В. Вяткиной, у скобок и тире есть способность подчеркивать чуждость вставных компонентов основной мысли [Вяткина 2009: 170].

Запятые и тире не только отделяют друг от друга части сложного предложения, но также отделяют и выделяют однородные и обособленные члены предложения, обращения, вводные компоненты. Однако, отмечая активное развитие вставных конструкций, Г. Н. Акимова считала, что именно скобки актуализируют членение текста [Акимова 1990: 58]. Использование скобок для выделения вставных компонентов подчеркивает их

относительную самодостаточность, они способны «расслаивать единство словесного потока на несколько русел» [Эпштейн 2019: 371].

В публицистике Ю. М. Лотмана вставные компоненты, как правило, выделяются при помощи скобок и весьма редко тире. Запятые для их выделения автором не используются. Кроме того, в работе выявлены так называемые потенциальные вставные высказывания, которые маркированы выражением *замечу в скобках*:

«Я помнил названия сотен военных пунктов, места сражений Интернациональной бригады. Замечу в скобках, что Хемингуэя тогда мы уже знали <...> и зачитывались им <...> Вообще мы очень много читали, прямо как опьяненные» («Не-мемуары»).

В нашем исследовании, посвященном функционированию вставных компонентов, рассматриваются только те из них, которые выделены скобками. Данное решение обусловлено тем, что квалификация в качестве вставных компонентов, оформленных в анализируемом материале при помощи тире, небесспорна. Например, возможна их трактовка в качестве обособленных членов предложения:

«Люди входят в класс... Одни из них – маленькие люди – садятся за парты, другой – большой человек – садится за стол учителя» («Воспитание души»).

В редких случаях Ю. М. Лотман использует так называемые графические вставные компоненты (см. Приложение 1.2, 6, 149). В следующем примере три восклицательных знака в скобках актуализируют эмоциональное отношение автора к высказыванию:

«...Из библиотеки Академии наук – уже сгоревшей! – продолжают кражи, книги поступают в антиквариат, антиквариат сообщает об этом дирекции и дирекция два – три месяца (!!!) не может найти времени отреагировать» («География интеллигентности: эскиз проблемы»).

Вопросительный или восклицательный знаки внутри скобок экспрессивно усиливают значение вставного компонента. Комбинация

знаков (например, восклицательного знака и кавычек) актуализирует мнение не только автора, в данном случае ироничное, но и персонажа (учителя):

«Бывает так: урок идет гладко, вполне благополучно, ученики отвечают на вопросы («активность!»), учитель дает новый материал, повторяет старый («закрепление»), связывает с современностью» («Воспитание души»).

Выводы по главе II

Проанализированные вставные компоненты отличаются структурным разнообразием. Для их выражения используются словоформы, словосочетания, простые предложения, осложненные и сложные предложения, предикативные части последних, многокомпонентные сложные высказывания, содружества высказываний, конструкция с прямой речью, текстовые фрагменты.

Среди 212 вставных компонентов, функционирующих в публицистике Ю. М. Лотмана, выявлены 34 синтагматически несвязанных и 178 синтагматически связанных вставных компонентов.

В публицистических текстах Ю. М. Лотмана, как правило, используются синтагматически несвязанные вставные компоненты, являющиеся простыми и сложными предложениями или содружествами высказываний. Включение в текст подобных вставных компонентов мотивировано их большим коммуникативным потенциалом.

Большинство вставных компонентов — синтагматически связанные с включающим высказыванием грамматическими (62 примера) и лексическими средствами (112 примеров). Преобладание данных вставных компонентов (более 80%) обусловлено стремлением Ю. М. Лотмана к контакту с адресатом, к уравниванию фонового знания, а также отсутствием авторской установки на аналитическую манеру изложения.

В рассмотренном материале вставные компоненты чаще всего

располагаются в интерпозиции (126 из 212), второе место принадлежит вставным компонентам, находящимся в конечной позиции (77 из 212), что связано с их функцией и мотивировано тем, с каким членом основного высказывания они соотносятся.

Интерпозиционные вставки уточняют или поясняют компонент или часть основного высказывания. Вставные компоненты, которые функционируют в финальной позиции основного высказывания, способны также выражать дополнительную информацию о высказывании в целом.

Характерная особенность функционирования вставных компонентов в публицистике Ю. М. Лотмана — их взаимодействие с вводными компонентами, которые устанавливают контакт с адресатом, выражают субъективную модальность, актуализируют точку зрения автора. Среди 212 примеров вставных компонентов выделяются 46, в которых функционируют 54 вводных. Взаимодействие вводных и вставных компонентов способствует созданию образа автора, нетривиальное мнение которого вызывает интерес и доверие адресата.

Вставные компоненты разъясняют, уточняют, поясняют, комментируют основное высказывание или его составляющие, выражают причинные, временные, пространственные, уступительные, сопоставительные и другие отношения, подчеркивая субъективную авторскую позицию. Их включение провоцируется семантикой основного высказывания или его членов.

В рассмотренном материале вставные компоненты преимущественно выделяются при помощи скобок, весьма редко тире, запятые для их выделения не используются. При оформлении вставных компонентов скобки наиболее очевидно выражают прагматическую целеустановку автора, сигнализируя читателю об их функциональной специфике.

ГЛАВА III

ТЕКСТОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ВСТАВНЫХ КОМПОНЕНТОВ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Ю. М. ЛОТМАНА

В данной главе характеризуется публицистика как сфера функционирования вставных компонентов, определяется жанровое разнообразие, стратегии и тактики развертывания его публицистического дискурса; анализируются функции вставных компонентов, их способность выражать основные категории текста (членимость, связность, целостность, модальность); определяются различия между вставными компонентами и функционально подобными им подстрочными текстовыми комментариями.

3.1. Текстовое своеобразие публицистики Ю. М. Лотмана

Как уже подчеркивалось ранее (1.3), понятия *публицистический стиль* и *публицистика* не тождественны. Если первое имеет отношение к совокупности приемов выражения, отбору средств речевого воздействия, то второе подразумевает совокупность разножанровых произведений.

Публицистика Ю. М. Лотмана ставила читателя перед выбором жизненной позиции, свободы и ответственности, в ней наиболее значимыми являются слова *долг*, *выбор*, *совесть*, *честь*. В сложную эпоху перемен Ю. М. Лотман стал моральной опорой, учителем жизни для многих современников. Образование, проблемы гуманитарного знания, отношения науки и нравственности, острые политические вопросы — все это становилось темой анализируемых публицистических произведений.

Его научно-популярные и публицистические тексты, испытывавшие влияние устной речи, обнаруживают стилистическую близость. В письменной публицистике Ю. М. Лотмана использует разнообразные средства и приемы диалогизации (вопросы и вопросно-ответные комплексы, обращения, воспроизведение предполагаемой речи адресата и др.). Ученый

входит в творческий, иногда полемический диалог с адресатом. Его публицистика отмечена особым доверием к адресату, что связано с использованием коммуникативных тактик: совместного размышления и интимизации изложения, апелляции к личному опыту, солидаризирующей, комплиментарной и др. (см. 3.2).

В его публицистических выступлениях и статьях невозможно найти отношения к адресату (школьникам, студентам и др.) как к сосуду, который нужно наполнить. Для него даже невысокий уровень подготовки аудитории не становился причиной отказа от чужой точки зрения. Ему было важно вовлечь адресата в рождение истины — отсюда такая притягательность его публицистического слова:

«Ни для кого не секрет, что далеко не все, поступающие на первый курс (говорю о филологических факультетах, как более мне знакомых, но думаю, что приблизительно то же положение и на других), обладают и способностями, и простым желанием учиться» («Учитель на пороге двадцать первого века»).

В публицистике Ю. М. Лотмана, настроенной на совместное размышление с адресатом, доминирует стремление найти с ним контакт. Она демонстрирует удивительный талант ученого общаться с самой широкой аудиторией, чему способствовали разнообразные языковые средства (интонационные, лексические, морфологические, синтаксические). В его публицистике нередко используются разговорные, иногда просторечные слова (в следующем примере *сматывать*):

«Пока я протирал глаза, мне в уши накричали, что немцы прорвали фронт на запад от нас и ушли глубоко в тыл, что мы практически опять в окружении и надо срочно сматывать» («Не-мемуары»).

В публицистических текстах Ю. М. Лотман предстает как мудрый, терпеливый, ироничный гуманист, который имеет право учить людей мужеству, уверенности в себе. Он привлекал читателей к совместному размышлению, используя разнообразные языковые средства (разговорную и

книжную лексику, варьирование форм личных местоимений, вопросно-ответные комплексы, вводные и вставные компоненты). Например, для вовлечения адресата в совместное размышление он использовал личное местоимение *мы*:

«Когда мы стараемся понять его [город. — Ч. С.], мы складываем в своем сознании какую-то одну доминирующую структуру — скажем, пушкинский Петербург, <...> Петербург Достоевского или же Петербург нашего времени» («Город и время»).

Отличительная особенность публицистики Ю. М. Лотмана — жанровое разнообразие, которое обычно привлекает внимание литературоведов и критиков, но не лингвистов. Однако следует подчеркнуть, что современная лингвистика текста изучает не только текст вообще, но и его жанрово-коммуникативную специфику, связанную с изучением языковой личности автора.

Публицистика Ю. М. Лотмана, относящаяся в основном к семидесятым – девяностым годам XX века, во многом не потеряла актуальности и сегодня. Нарушая советскую официозность изложения, она, как уже говорилось, была посвящена образованию и воспитанию, размышлениям о культуре, смысле жизни, патриотизме и т. д. Ключевые слова его публицистических текстов — это *воспитание, совесть, размышление* и др.

Публицистическое наследие ученого характеризуется большим разнообразием жанров: статьи, заметки, выступления, интервью, поздравления и др. Так, сборник «Воспитание души» [2003] содержит 55 работ Ю. М. Лотмана, среди которых 33 представляют собой публицистические произведения разных жанров, послужившие материалом данного исследования:

- статьи («Учитель на пороге XXI века», «Воспитание души» и др.),
- заметки («У всех была разная война», «Готовимся к новому приему» и др.),
- тексты выступлений («Чему же учатся люди», «Мы выживем, если

будем мудрыми» и др.),

- интервью («Город и время», «Реабилитация совести», «Неюбилейные признания» и др.),

а также «Не-мемуары».

Большая часть его публицистических статей была адресована педагогам, студентам и школьникам. Он много писал о проблемах образования, духовного воспитания, придавал огромное значение педагогическому общению. Как говорил сам автор, *«обучение подразумевает, что один хочет учить, а другой хочет учиться»* («Воспитание души»).

Публицистические заметки Ю. М. Лотмана (*«О Натане Эйдельмане»*, *«У всех была разная война»*, *«Готовимся к новому приему»*, *«Два слова новым студентам»* и др.) отличаются от его публицистических статей (*«О ценностях, которым нет цены»*, *«Наука в современном мире»*, *«Мир соскальзывает в безумие»* и др.) меньшим объемом. Но и те, и другие демонстрируют оригинальность его мышления. Например, заметка *«У всех была разная война»* и сегодня представляет большой интерес благодаря парадоксальности высказываний Ю. М. Лотмана о войне.

Знакомство с текстовым наследием ученого обнаруживает его стремление к переосмыслению жанрового канона, что нашло, например, отражение в его приветственных речах, опубликованных в различных печатных изданиях. Этот жанр традиционно страдает штампами. В выступлении перед первокурсниками Тартуского университета (см. Приложение 2.24, 25) Ю. М. Лотман также использовал традиционные этикетные формулы, но он поздравлял студентов не с началом учебного года, а с началом совместной работы. Несмотря на то что Ю. М. Лотман не считал интервью своим жанром, он иронично и вместе с тем очень глубоко отвечал на вопросы журналистов, о чем свидетельствуют такие публикации, как: *«Город и время»*, *«Реабилитация совести»*, *«Неюбилейные признания»*, *«Угол зрения»*, *«Азбука судьбы»*, *«О ценностях, которым нет цены»*,

«Говоря о современности, я скажу вот что ...» и др. (см. Приложение 2.1, 2, 4, 13, 31, 32).

В публицистике Ю. М. Лотмана самое значительное место занимают его газетные и журнальные публикации, а также «*Не-мемуары*». Обращение к ним требует пояснения. Трудно спорить с тем, что мемуарам, как правило, присуще исповедальное начало, их авторы размышляют о себе, о становлении собственной личности, поэтому мемуары обычно не относятся к публицистике. Однако Ю. М. Лотман, давая своему произведению опровергающее название, парадоксально подчеркивал тот факт, что, несмотря на исповедальность, его главной целью является публичное высказывание по актуальным социальным и нравственным проблемам (образование и воспитание, смысл жизни, совесть и др.). Тем самым автор «*Не-мемуаров*», не отрицая фактическую сторону воспоминаний, подчеркивал их публицистический характер. Текстовое своеобразие «*Не-мемуаров*» обусловлено также тем, что первоначально они существовали в устной форме (диктофонные записи) и были не завершены из-за недостатка времени. В них автор, расширяя границы советской военной мемуаристики, предстает не генералом или офицером, а именно солдатом, прошедшим войну. Ю. М. Лотман глубоко осознавал свой долг перед памятью людей, «*не успевших ничего сказать*» («*Не-мемуары*»).

Таким образом, Ю. М. Лотман владел разнообразными жанрами публицистики (статьи, выступления, интервью и др.). Обращение к этому опыту сегодня, когда публицистика не потеряла своей значимости в общественной жизни, способно продемонстрировать тенденции ее развития. Специфика публицистического текста Ю. М. Лотмана выражается в осознанном использовании им риторических стратегий и тактик.

3.2. Стратегии и тактики развертывания публицистического текста Ю. М. Лотмана

Лингвориторические параметры идиостиля имеют большое значение

для характеристики языковой личности в целом [Дружинина 2004]. В свою очередь, анализ текстового поведения вставных компонентов в лингвориторическом аспекте [Чупашева 1992] предполагает привлечение понятий *коммуникативные стратегии и тактики*. Н. П. Перфильева, например, таким образом интерпретировала нарушение линейности художественного текста, средством которого выступают вставки [Перфильева 2003]. Использование понятий *коммуникативные стратегии и тактики* особенно оправдано по отношению к публицистике.

В нашей работе мы опираемся на концепцию О. С. Иссерс, в которой коммуникативная стратегия определяется как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс 2012: 54]. Автор дифференцирует общие и частные стратегии в соответствии с целями говорящего; вводится также разграничение основных и вспомогательных стратегий, которые делятся на прагматические, диалоговые и риторические. Основными считаются стратегии, наиболее значимые для достижения целей общения. Вспомогательные стратегии оказывают эффективное воздействие на адресата, служат организации диалогического взаимодействия [Иссерс 2012: 106].

В публицистике Ю. М. Лотмана основными являются аргументативная стратегия и стратегия призыва. Первая реализуется в тактиках апелляции к авторитету, к личному и общественному опыту, вторая – в тактике совета и предупреждения.

Ранее уже отмечалось (1.4.), что научно-популярный и публицистический дискурсы Ю. М. Лотмана, вследствие влияния устно-разговорной стихии и осознанной риторичности его речевого поведения, обнаруживают черты сходства и различия. Вспомогательные (адресные) стратегии используются им как в публицистическом, так и в научно-популярном дискурсе. Были выявлены также другие, общие для них стратегии: активизации внимания, установления и поддержания речевого контакта, самопрезентации (см. Приложение 2.2, 4, 15, 17, 27, 31). Каждая из

них представлена набором тактик, использование которых обеспечивало успех научно-популярным и публицистическим произведениям ученого.

Создавая их, Ю. М. Лотман активно оперировал тактиками совместного размышления, создания проблемной ситуации, интимизации изложения, а также полемической и солидаризирующей тактиками. Поиск истины здесь и сейчас обуславливал особую живость изложения, имитацию совместного с адресатом размышления при помощи разнообразных вопросов, вопросно-ответных комплексов, диалогических единств, других способов изображения чужой речи.

Как показало исследование К. А. Михеевой [2016], в публицистике Ю. М. Лотмана используются в основном аргументативная стратегия и стратегия призыва. Первая реализуется тактиками апелляции к авторитету, к личному и общественному опыту (см. Приложение 2.1 – 15). Вторая – тактиками совета и предупреждения (см. Приложение 2.19 – 23).

Аргументативная стратегия предполагает поиск разнообразных доводов, приводящих к убеждению адресата и достижению его согласия. В качестве аргументов нередко выступают сентенционные высказывания: *«Где выбор — там и ответственность»*; *«Тот, кто не меняется, тот и не остается»* («Воспитание души»).

В публицистике Ю. М. Лотмана выбор аргументов был мотивирован апелляцией к авторитету, историческому примеру, опыту, а не опорой на научные аксиомы, статистические данные и т. п. Ю. М. Лотман нередко обращался к мнению отечественных и зарубежных авторов: В.А. Жуковского, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, М. Ю. Лермонтова, М. А. Булгакова, У. Шекспира, Ж.-Ж. Руссо и др. Доказывая тезис о недостатках университетского образования, он цитирует А. С. Пушкина (Приложение 5.2); говоря о необходимости человеческого разнообразия, приводит высказывание Ж.-Ж. Руссо (Приложение 1.133).

Тактика апелляции к личному и общественному опыту позволяет адресату увидеть в публицисте не только учителя жизни, но и близкого себе

человека:

«Тридцать пять лет я занимаюсь педагогической деятельностью: готовлю учителей, много лет проводил занятия в школе, читаю лекции на всевозможных курсах повышения квалификации учителей, являюсь автором учебников для школы и пособий для учителей, методических разработок» («Университет, учитель, НТР»).

Используя стратегию призыва, Ю. М. Лотман реализует ее при помощи тактик совета и предупреждения:

«Вы пришли не как школьники, получить правильный ответ, вы пришли к коллеге посоветоваться, подумать вместе. А вместе думать действительно лучше» («Чему же учатся люди?»).

В публицистике Ю. М. Лотмана категоричное *нельзя* частотно для выражения предупреждения: *«Нельзя считать, что двоечник — это синоним бездарности»* («Учитель на пороге двадцать первого века»).

Внимание адресата привлекается не только вставными, но также вводными компонентами и вопросно-ответными комплексами, побудительными высказываниями и другими средствами речевого воздействия. Для установления и поддержания контакта, наряду с местоимением я, актуализирующим точку зрения и личный жизненный опыт автора, используется также местоимение *мы*, привлекающее адресата к совместному размышлению (см. Приложение 2.17, 27, 31).

Оригинальность публицистического текста Ю. М. Лотмана, его афористичное, парадоксальное звучание обусловлены объясняющей прагматической целеустановкой, смыслопорождающей ролью тропов и фигур. Его публицистическое наследие отмечено полифоническим звучанием лексики разных регистров, реализацией коммуникативного потенциала морфологических и синтаксических единиц, среди которых особая роль принадлежит вставным компонентам, функции которых будут рассмотрены в следующем разделе диссертации.

3.3. Функции вставных компонентов в публицистическом тексте

Ю. М. Лотмана

Основное назначение вставных компонентов заключается в том, чтобы передать дополнительную информацию, развивая тем самым содержание основного высказывания, его компонента или текста в целом. По мнению исследователей, вставные компоненты могут выполнять разнообразные функции (пояснения, уточнения, мотивации и др.) [Иванчикова 1954; Шапиро 1955; Студнева 1967; Акимова 1990; Вяткина 1987; Валгина 2003; Прияткина 1990]. Были сделаны выводы о том, что в художественной и публицистической литературе вставные компоненты используются для того, чтобы создать контакт адресанта и адресата, иерархию информации, предложить комментарий и т. д.

Для понимания специфики функционирования вставных компонентов в публицистике следует также обратиться к опыту их исследования в художественном и научном текстах. В художественном произведении вставки полифункциональны. Они служат для создания авторских отступлений, попутных замечаний, в том числе ассоциативных, организуют ретардацию текстового развертывания, выражают внутреннюю речь персонажей. Они усложняют характеристику персонажа, организуют пространственный и временной континуум, выполняют ремарочную функцию, создают разнообразные модальные и хронологические сдвиги и др. И. А. Мартыанова [2021] охарактеризовала изобразительную и монтажную функцию вставных конструкций в современной художественной прозе. Это далеко не полный перечень их текстовых функций, главными из которых являются эстетическая и композиционная [Перфильева 2004: 34].

Проанализированный материал подтверждает нашу гипотезу о специфике реализации коммуникативного потенциала вставных компонентов в художественном и публицистическом тексте. В последнем их использование не столь разнообразно, оно мотивировано прежде всего

установкой автора на диалогизацию текста, создание речевого контакта адресанта и адресата.

В публицистическом и научном текстах вставные компоненты, по мнению Н. П. Перфильевой, выполняют культурологическую функцию, создавая интеллектуальное равноправие адресанта и адресата [Перфильева 2004: 35]. Однако анализ их поведения в публицистике Ю. М. Лотмана убеждает в том, что диапазон их функций шире, чем в его же научных трудах. Создававшаяся в семидесятые – девяностые годы XX века, она отличается от официозного советского публицистического дискурса своей целеустановкой на разрушение идеологических стереотипов, демократическим характером общения с адресатом.

Сопоставление функций вставных компонентов в публицистике Ю. М. Лотмана с их функциями, установленными в советской публицистике второй половины XX века, продемонстрировало их различие. Наряду с функциями уточнения и объяснения включающего высказывания или его члена, выявленными в исследовании В. А. Шаймиева [1988: 124], вставные компоненты выполняют в анализируемом материале и другие функции.

Разумеется, как и в публицистике пятидесятых – восьмидесятых годов XX в., они содержат попутный комментарий, тем самым создавая иерархию информации, но при этом прежде всего диалогизируют текст. Они способны не только усиливать коммуникативное напряжение, но и организовывать контакт с адресатом, предвосхищая его сомнения или возражения. Вставные компоненты необходимы Ю. М. Лотману для создания равноправного общения между адресантом и адресатом:

«Там сидели Бердников, Федя Абрамов (до этого он был партийный деятель и громила первый номер, потом — известный писатель) и весь состав партбюро» («Не-мемуары»).

В данном примере вставка актуализирует информацию о Федоре Абрамове, малоизвестную современным читателям.

Уравнивая знания адресанта и адресата, вставные компоненты участвуют в создании интертекстуальных связей, содержат перевод иноязычных слов и выражений:

«Глухая пора бывает (пастернаковская глухая пора), и вдруг выплескиваются талантливые люди...» («На пороге непредсказуемого»);

«Отсюда вытекает установка на чудачества и странное поведение, — это средство сделать собственное бытие для себя осязаемым, по выражению Лафатера, am kräftigsten existieren (сильнее, осязаемее существовать)» («Разговор о пространстве»).

В публицистике Ю. М. Лотмана вставные компоненты актуализируют семантические разрывы и предлагают их текстовую компенсацию. Их характерной ролью является подчеркивание точки зрения автора. Еще одной функцией вставных компонентов является предвосхищение сомнения или возражения адресата. Автор, предвидя подобную реакцию читателей на основное высказывание, использует вставку для того, чтобы его развеять, подчеркивая при этом собственную точку зрения:

«Начало боевых действий воспринималось нами как давно ожидаемое и потому облегчающее событие. А кроме того, было весело (да, да, весело) пережить на практике то, что так долго переживалось в уме» («Немемуары»).

Во вставных компонентах, актуализирующих точку зрения автора, выражающих его субъективную оценку, публицист использует личное местоимение я и/или глагольные предикаты в форме первого лица единственного числа:

«Знаете, у Крылова, человека не просто умного – мудрого (я очень сожалею, что у нас Крылова очень редко читают, его надо читать, как Отче наш, раз в день), так вот у Крылова есть басня о том, как один человек решил побриться ...» («География интеллигентности: эскиз проблемы»).

Оказываясь в позиции между темой и ремой, вставные компоненты усиливают коммуникативное напряжение, удлиняя предрематическую паузу:

«Наш полк (преобразованный сначала в гвардейский, а затем многократно награждавшийся различными боевыми орденами и превращенный в бригаду, сохранив почти до самого конца войны свой дух и основной костяк командиров) закончил войну за два дня до того, как она кончилась официально, на Одере, встретившись с американцами» («Не-мемуары»).

Вставные компоненты диалогизируют публицистический текст, благодаря своей способности нарушать его линейность, представлять информацию в разных ракурсах. Понятие линейности присутствует в концепции Н. П. Перфильевой [Перфильева 2003: 134] и в определении категории последовательности, предложенной Н. Д. Бурвиковой (Зарубиной) [1981]. Создавая емкое по содержанию, неоднородное высказывание, вставные компоненты представляют свою информацию как отклоняющуюся от основной линии повествования:

«То, что мог награть (а теперь это уже было не присвоение сахарных мешков из немецких армейских запасов, а имущество гражданских людей), присвоить себе какой-нибудь солдат, совершенно несопоставимо было с возможностями генералов, которые пользовались ими достаточно широко» («Не-мемуары»).

При анализе текстовых функций вставных компонентов невозможно отрешиться от их структурно-семантических особенностей. Как уже отмечалось во второй главе, вставные компоненты в анализируемой публицистике разнообразны по структуре и семантике, по характеру отношения с основным высказыванием. Синтагматически несвязанные и связанные вставки выполняют как одинаковые, так и разные функции в публицистическом тексте Ю. М. Лотмана.

Представляя собой словоформу, вставные компоненты, соотносящиеся с членом основного высказывания, нередко предлагающие его

переименование, выполняют пояснительную функцию, а также функцию уточнения или характеристики (см. Приложение 1.1.3, 4, 7, 8). В данных примерах вставные компоненты, выраженные словоформой, являются синтагматически связанными, благодаря разнообразным лексико-грамматическим средствам.

Синтагматически несвязанные вставки, представляющие собой словоформы, имеющие оценочное значение, сталкивают точки зрения автора и персонажа. Подобные вставки часто оформляются знаками препинания, подчеркивающими их экспрессивность (см. Приложение 1.2, 6, 9).

Синтагматически связанные вставки, выраженные словосочетаниями, поясняя, уточняя, определяя, выделяют член основного высказывания (см. Приложение 1.11, 13, 15, 16, 19). Синтагматически несвязанные вставки, выраженные словосочетаниями, используются автором для указания на время события (см. Приложение 1.14, 17).

В публицистике Ю. М. Лотмана самую большую долю представляют вставные компоненты, выраженные предложениями разного типа (простыми, осложненными и сложными), способные выполнять разнообразные функции. Подобные вставные компоненты могут находиться в интер- и постпозиции основного высказывания. Интерпозиционные вставки, выраженные предложениями, уточняют, объясняют определенный член основного высказывания, характеризуют время, место, фон события, называют причину сообщаемого, иллюстрируют его, актуализируют точку зрения автора, выражают его иронию (см. Приложение 1.22, 25, 28, 29 33, 44, 49, 57 и др.). В публицистике вставные компоненты, выраженные предложениями, очень редко используются Ю. М. Лотманом в пояснительной функции или для перевода иноязычных слов и выражений (см. Приложение 1.32, 138).

Синтагматически несвязанные интерпозиционные вставки, выраженные предложениями, нарушая линейность повествования, организуют его двуплановость (см. Приложение 1.66, 114). Выявлены также синтагматически несвязанные вставки, создающие контакт адресанта с

адресатом, диалогизирующие текст (Приложение 1.79).

Однако в большинстве случаев в анализируемой публицистике функционируют синтагматически связанные интерпозиционные вставки, выраженные предложениями разного типа. Выявлены также редкие случаи, когда в подобных вставках отсутствуют лексические повторы, союзы, союзные слова и вводные компоненты, дейктические элементы, но при снятии скобок они идеально вписываются в контекст (см., например, Приложение 1.78).

Постпозиционные вставки, оформленные при помощи предложений, как правило, относятся к последнему члену основного высказывания, или к высказыванию в целом. В большинстве случаев это вставки, синтагматически связанные с основным высказыванием или его членом. Их функции не отличаются от вышеперечисленных функций интерпозиционных вставных компонентов.

Лотман-публицист нередко использует вставные компоненты, представляющие собой придаточные части. Они, очевидно являясь синтагматически связанными, выражают причину, оценку, уступку, дополняют содержание основного высказывания (см. Приложение 1.83 – 86, 88, 89, 92).

Функцию установления контакта с адресатом выражают, как правило, вставки, выраженные предложениями и придаточными частями с отмеченными значениями причины, комментария, уступки и др., осложненные вводными компонентами. Устанавливая равноправные отношения адресанта и адресата, диалогизируя текст, они тем не менее актуализируют авторскую позицию.

Прием повтора также способствует диалогизации текста в результате столкновения или сопоставления различных точек зрения. В исследуемых публицистических текстах вставные компоненты нередко используются попарно для противопоставления или сопоставления культурных концептов, событий, явлений. Например, два вставных компонента, комментируя

содержание основного высказывания, делают абстрактные понятия (*правдивый и лживый облики зеркала*) понятными для читателей:

«Зеркало не случайно фигурирует в двух обликах – и как правдивое (оно очень часто в старой иконологии – символ Богородицы), и как лживое (это древнейший магический предмет общения с потусторонней силой)» («Попытки предсказывать интересны в той мере, в какой они не оправдываются»).

Использование приема повтора во многом помогает развитию функций вставных компонентов. Повторы могут быть идентичными или с трансформацией, например с добавлением. Ю. М. Лотман в газетных и журнальных текстах повторяет не только собственно вставные компоненты, но и их составляющие:

«Люди на моделях реконструируют практические результаты (что будет, если я поступлю так?), выбирают стратегию поведения с учетом моральных норм (нравственно – безнравственно не менее сильно влияет на выбор, чем эффективно – неэффективно)» («Азбука судьбы»).

В данном примере автор использует два вставных компонента, во втором из них повторяются однокоренные слова: *нравственно* и *безнравственно*, *эффективно* и *неэффективно*. Они различаются приставками *без-* и *не-*, актуализируя противопоставление понятий. Встречается и другой вариант приема, когда повтор родственных слов необходим для экспрессивного сопоставления понятий *самовоспитание* и *воспитание*, *учитель* и *ученик*:

«Обучение подразумевает, что один хочет учить, а другой хочет учиться. То есть любому акту обучения обязательно сопутствует настройка учителя (самовоспитание) и настройка ученика (воспитание)» («Воспитание души»).

Разнообразные повторы являются средством не только смыслового, но и эмоционально-интонационного воздействия на адресата. Полагаем, что взаимосвязь устного и письменного слова, характерная для публицистики

Ю. М. Лотмана, способствовала развитию функций вставных компонентов и была обусловлена его стремлением к демократизации общения с адресатом, к установлению с ним речевого контакта, к открытому выражению своей авторской позиции.

Таким образом, проведенный анализ позволил охарактеризовать участие вставных компонентов, обладающих разными структурно-семантическими особенностями, в выполнении текстовых функций в публицистике Ю. М. Лотмана.

3.4. Участие вставных компонентов в выражении основных текстовых категорий

Вставные компоненты долгое время анализировались преимущественно в составе включающих высказываний. Характеристика их функционирования, как правило, сводилась к подчеркиванию участия вставных компонентов в резком, нередко спонтанном нарушении синтаксических связей. Отмечалась также их способность активизировать внимание адресата [Бабайцева, Максимов 1987: 171].

Как уже говорилось (1.1), В. А. Шаймиев определил особенности текстового поведения вставных компонентов (в его исследовании – вставных конструкций) на материале советской публицистики и художественной прозы 1950 – 80-х годов. Ученый продемонстрировал, что вставка способна сдвигать основную линию текстового развертывания, создавая лексико-грамматические связи не только с включающим высказыванием, но и с контекстом [Шаймиев 1988: 121–123]. На материале советской публицистики им были выявлены две связующие роли вставных конструкций:

1) по отношению к включающему высказыванию они выполняют функции уточнения, объяснения и т. п.;

2) по отношению к контексту они выступают как средства реализации категории связности текста, прежде всего такой ее разновидности, как когезия [там же: 124].

Опираясь также на другие исследования В. А. Шаймиева [1982; 1992; 1999], можно сделать более широкий вывод о том, что не только вставные конструкции, но и вставные компоненты в целом выполняют свои функции как внутри предложений, так и в тексте. Они являются средствами выражения категории членимости, модальности, а также категорий связности и целостности, реализуя такие признаки последних, как когезию, континуум, про- и ретроспекцию.

В работах профессора С. Г. Ильенко [2003; 2009] и ее учеников [Шаймиев 1982; Бараночникова 2011; Хельмянова 2016], а также Н. П. Перфильевой [2006] была выявлена реализация текстообразующего потенциала вставных компонентов в художественной прозе, поэзии и публицистике. Было также убедительно доказано, что вставные компоненты участвуют в выражении основных текстовых категорий. Заметим, однако, что в работе Г. Н. Манаенко [2004], посвященной исследованию функционирования осложненного предложения в современном публицистическом дискурсе, вставные компоненты не рассматриваются.

Выявление участия вставных компонентов в выражении текстовых категорий требует сделать несколько предварительных замечаний. В нашем исследовании из всех многочисленных определений текста принимается его следующая трактовка: «...содружество предложений-высказываний, объединенное тематически, интонационно, различными лексико-грамматическими средствами, имеющее в своей основе ту или иную тематическую организацию» [Ильенко 2003: 622-623]. Для нас также важны понятия *текстовая функция* и *семантический радиус действия*, разработанные профессором С. Г. Ильенко и членами ее научной школы [Ильенко 2003: 620-635].

В русистике состав текстовых категорий (последовательность,

пресуппозиция, континуум, интеграция, персональность, линейность и мн. др.), их количество и определение остаются дискуссионными. Например, в широко известной концепции И. Р. Гальперина [1981] связность, континуум, когезия, целостность определены непоследовательно, нередко эти понятия накладываются друг на друга. Ретро- и проспекция не являются самостоятельными текстовыми категориями, представляя собой частное проявление целостности или связности. Когезия также понимается нами как форма проявления категория связности текста, которая осуществляется при помощи различных лексико-грамматических средств. Континуум (временной, пространственный и др.) является одним из аспектов создания целостности текста.

Есть противоречия и в характеристике категории делимитации (членимости) текста. Например, сложное синтаксическое целое рассматривается в концепции И. Р. Гальперина как единица контекстно-вариативного членения, без учета типа тема-рематической прогрессии, лежащего в его основе.

Представляется, что в качестве основных текстовых категорий выступают целостность, связность, членимость и модальность. Проведенный анализ публицистики Ю. М. Лотмана продемонстрировал способность вставных компонентов участвовать в выражении прежде всего перечисленных категорий, несмотря на то что в целом ряде современных исследований состав основных текстовых категорий расширен (динамика, напряженность, последовательность и др.).

Не вызывает сомнения тот факт, что вставные компоненты членят предложение-высказывание: *«Нас не допекали занятиями (обычная мука солдата в небоевых условиях), мы были свободны»* («Не-мемуары»). Каким же образом они участвуют в выражении категории членимости текста, признаваемой многими исследователями [Гальперин 1981; Ильенко 2003; Дымарский 2001 и др.]?

И. Р. Гальперин [1981] дифференцировал два вида членения текста:

объемно-прагматическое и контекстно-вариативное. Вследствие того что вставные компоненты занимают интер- или постпозицию в составе высказывания, их участие в объемно-прагматическом членении текста обладает своей спецификой. В нашей выборке из публицистики Ю. М. Лотмана присутствует только 1 пример вставного компонента, оформленного как абзац (см. Приложение 1.16).

Абзац понимается нами как делимитационно-интегрирующая [Шубина 1999] и композиционно-стилистическая единица текста. Как продемонстрировал приведенный пример, в публицистике Ю. М. Лотмана абзац получает пунктуационно-графическую аранжировку не только при помощи красной строки, но и при помощи скобок, являющихся, на наш взгляд, в данном случае факультативными.

В анализируемой публицистике вставки (в составе основного высказывания), как правило, не используются в сильных позициях абсолютного начала или конца текста, вследствие своей подчеркиваемой спонтанности. Ю. М. Лотман предпочитал завершать текст не попутным замечанием, отступлением и т. п., а обобщением, пожеланием адресату, советом. Впрочем, выявлено и нарушение данной закономерности.

Обратимся к газетной заметке Ю. М. Лотмана (см. Приложение 5.1). В ее первом абзаце функционируют два вставных компонента. Для создания не только связности, но и целостности текста автор использует во вставных компонентах прием повтора, ценимый им как средство углубления смысла [Лотман 1970: 164]. В следующем фрагменте минимальное отличие двух вставок актуализирует противопоставление, которое акцентируется вариативным повтором, встречающимся не только во вставных компонентах (*те, кто не были на войне и те, кто были на войне*), но и в основном высказывании (*имеют о ней ясное представление и ясного представления о ней не имеют*). Избранный способ наименования слушателей используется также в конце заметки:

«На войне (и, подчеркиваю, на передовой) человек получает

одновременно ответственность и свободу. <...> На передовой – те, кто не были, мне могут не поверить – гораздо лучше, если, конечно, не считать того, что там чаще убивают» («У всех была разная война... »).

Предикативно-описательное наименование осуществляет дистанционный ретроспективный контакт с первым абзацем, участвуя также в создании целостности текста. Ю. М. Лотман создает эффект обманутого ожидания читателей, которые не были готовы получить от фронтовика хорошие воспоминания о войне.

У автора было глубоко личностное представление о войне, о чем свидетельствуют вставные компоненты второго абзаца заметки. Словосочетание *быть на войне* не было для Ю. М. Лотмана абстрактным. Вставные компоненты, включающие ключевое слово заметки и являющиеся предикативно-описательными наименованиями адресанта и адресата, способствуют читательскому осознанию уникальности военного опыта автора.

Участие вставных компонентов в контекстно-вариативном членении текста также специфично. Напомним, что этот вид членения предполагает дифференциацию монологической и диалогической речи, своей и чужой речевой сферы и др.

Контекстно-вариативное членение также получает реализацию в различных типах речи. Обращаясь к ним, И. Р. Гальперин [1981] и другие ученые [Нечаева 1975], как правило, имеют в виду функционально-смысловые типы речи (описание, повествование и рассуждение), выделение которых имеет давнюю исследовательскую и методическую традицию. Между тем сам И. Р. Гальперин неоднократно подвергал критике набор их языковых признаков и принцип их дифференциации. Тем не менее, Н.П. Перфильева полагает сферой функционирования вставок в художественном тексте именно фрагменты функционально-смысловых типов речи [Перфильева 2004: 35]. Уязвимость их лингвистической характеристики не позволяет рассматривать в данном исследовании функционирование

вставных компонентов в предлагаемом Н. П. Перфильевой аспекте (с опорой на функционально-смысловые типы речи) [Перфильева 2003: 134].

Не занимаясь этим вопросом специально, подчеркнем, что принимаем концепцию С. Г. Ильенко, положившей в основу выделения функционально-композиционных типов речи не смысловой, а темпоральный критерий [Ильенко 2003: 458]. В данной концепции выделены три функционально-композиционных типа речи: демонстрационный, информационный и сентенционный [там же: 458-461].

Демонстрационный тип речи создает иллюзию совпадения времени текста и времени его восприятия, благодаря не только глаголам настоящего времени, но и повышенной плотности глагольных рядов, изображающих фазы действия или состояния; рядом предметных и атрибутивных однородных членов, детализирующих изображаемую ситуацию. В нем используются разнообразные способы передачи чужой речи (конструкции с прямой речью, диалогические единства и др.), создающие эффект соприсутствия адресата в изображаемой ситуации.

В информационном типе речи время истории значительно больше времени текста: на сообщение о столетиях может быть потрачено одно высказывание. В нем доминируют глаголы прошедшего времени совершенного вида, используются временные и пространственные детерминанты, функционируют высказывания, рисующие смену событий, а не дающие подробное описание фаз действия или состояния. Конкретные по семантике, они тем не менее не изображают детали портрета, пейзажа, ситуации.

Сентенционный тип речи как будто останавливает течение событий. В нем говорится о вечном, закономерном, повторяющемся. Лексико-грамматическое наполнение высказываний отличается обобщенностью, в них доминирует настоящее время глаголов или глаголы других временных форм несовершенного вида. Для этого типа речи характерно использование предложений тождества, сложноподчиненных предложений со значением

обусловленности, разнообразных вводных компонентов. Развернутая характеристика функционально-композиционных типов речи представлена в работе С. Г. Ильенко [2003: 458-461].

Демонстрационный, информационный и сентенционный типы речи имеют жанрово-стилистическую специфику развертывания, в том числе в публицистике Ю. М. Лотмана. Охарактеризуем роль вставных компонентов в их создании. Могут ли они представлять собой текстовые фрагменты того или иного функционально-композиционного типа речи?

Вставки, как попутные, априорно спонтанные замечания, отличаются относительной лаконичностью, вследствие этого в анализируемом материале не было обнаружено вставных компонентов, представляющих собой текстовые фрагменты демонстрационного типа речи. Но в том случае, когда вставные компоненты являются содружествами высказываний, они могут развертываться как (а) информационный или (б) сентенционный тип речи:

(а) *«На первом курсе я увлекся фольклором, ходил на дополнительные занятия Марка Константиновича Азадовского и сделал очень удачный доклад на семинаре Владимира Яковлевича Проппа. (Пропп вел только семинарские занятия, лекции читал Азадовский — и то и другое было страшно интересно.)»* («Не-мемуары»);

(б) *«И на обычную, естественную и, казалось бы, всем понятную жизнь (кто же не знает, что такое жизнь: все мы утром просыпаемся, вечером ложимся, находимся внутри жизни, и смешно сказать, будто мы ее не знаем) можно смотреть как на единственно возможную и единственно данную»* («Попытки предсказывать интересны в той мере, в какой они не оправдываются»).

В публицистике Ю. М. Лотмана вставные компоненты не только членят текст, но и организуют его связность (сцепление высказываний при помощи лексико-грамматических средств) и целостность, или интеграцию, более сложное понятие, чем связность. Она предполагает объединение высказываний в единое целое на основе не только лексико-грамматической,

но и тематической, ассоциативной и других видов общности [Гальперин 1981: 8].

В исследованиях В. А. Шаймиева была предложена концепция разной плотности связности текстовых фрагментов, создаваемой вставными конструкциями (шире — вставными компонентами). Вставные компоненты способны создавать связи с основным высказыванием и окружающим контекстом на лексическом, морфологическом, синтаксическом уровнях. Специальной характеристики, не входящей в задачи нашей работы, требует интонационный уровень.

Связи создаются при помощи средств: лексических (когда вставной компонент и основное высказывание или контекст содержат слова одной тематической группы, ключевые слова, синонимы и антонимы, в том числе контекстуальные); морфологических (видовременной координации глаголов-сказуемых, повтора личных, указательных и других местоимений); синтаксических (используются повторяющиеся конструкции, синтаксический параллелизм и симметричность, неполнота высказывания и др.). Чем больше линий связи между вставным компонентом и другим высказыванием, тем выше плотность связности текстового фрагмента.

В следующем примере (Приложение 3.6) связность создается принадлежностью слов *исследование*, *наука* и *творчество* к одной тематической группе, а также их повтором.

В Приложении 3.8 слово *машина*, неоднократно повторяющееся, синонимичное в контексте слову *устройство*, создает связь первой вставки с другим высказыванием.

В Приложении 3.1 две вставки соединены с контекстом повтором слова *водка*. Первая вставка связана с предшествующим высказыванием также при помощи слов *графин* и *бутылка*, принадлежащих к одной тематической группе.

В следующем примере (Приложение 3.5) собственное имя *Борька* организует ретроспективную связь с контекстом, а словосочетание *остался в*

квартире один осуществляет проспективную связь со словосочетанием *пустая квартира*.

В Приложении 3.7 про- и ретроспективную связь с контекстом выполняет повтор слова *насекомое*, его соотнесенность со словами *энтомология, зоосемиотика, муравей*, относящимися к одной тематической группе.

В Приложении 3.2 функционируют 5 вставных компонентов, соединенных с контекстом личными местоимениями (*он* и *я*) и повтором имени собственного (*Пастушенко*). В последней вставке *орден* и *Герой Советского Союза* организуют ретроспективную связь с предыдущим абзацем.

Вставной компонент может быть связан с другими высказываниями не только лексическими и морфологическими, но и синтаксическими средствами. В Приложении 3.4 связь с контекстом организует ключевое слово *профессия*. Первая вставка соединяется с контекстом также при помощи личного местоимения *она*, повтора предиката и типа синтаксической конструкции.

Таким образом, в публицистическом тексте Ю. М. Лотмана вставные компоненты способны организовывать фрагменты разной плотности связности, с одной или несколькими линиями ее создания (лексическими, морфологическими, синтаксическими).

Проанализировав собранный материал, мы можем также сделать вывод о том, что связь между вставками и включающими высказываниями способна выражаться лексико-морфологическими и синтаксическими средствами, а связь с контекстом в большей степени выполняют разнообразные, нередко повторяющиеся лексические средства.

В. А. Шаймиев использовал термин *коннектор* для обозначения языкового элемента, соединяющего вставные компоненты с основным высказыванием или более широким контекстом [Шаймиев 1982]. В следующем примере (Приложение 3.9) коннекторами являются

словосочетание *у нас дома*, связывающее вставку с основным высказыванием, и словоформа *Лиды*, создающая связь между вставкой и соседним высказыванием.

В другом фрагменте три имени собственных (*Ге, Пушкин, Саша Данилевский*) соединяют вставной компонент как с основным высказыванием, так и с контекстом:

«До этого я собирался заниматься энтомологией. В этом меня поддерживал приятель Кукулевича Саша (Александр Сергеевич) Данилевский, в будущем профессор-энтомолог, который был праправнуком Пушкина, происходил по прямой линии от сестры Гоголя и был непосредственным родственником писателя Данилевского. В профиль он немного напоминал молодого Гоголя и того Пушкина, который нарисован на картине Н. Н. Ге <...> (у Ге странный Пушкин — мало похожий на Пушкина, но чуть-чуть на Сашу Данилевского)» («Не-мемуары»).

В ряде исследований В. А. Шаймиева [1982; 1988] убедительно доказана способность вставных компонентов создавать текстовые фрагменты высокой степени плотности связности. Данная способность обусловлена тем, что они обладают различным семантическим радиусом действия [Ильенко 2003: 352-358]: минимальным (на основное высказывание) и максимальным — на текст в целом.

Семантический радиус действия вставных компонентов зависит от их структурно-семантических особенностей. В публицистике Ю. М. Лотмана минимальным радиусом обладают синтагматически связанные с основным высказыванием вставные компоненты. Представляя собой словоформу, словосочетание, предикативную часть, они выполняют функции пояснения, уточнения, определения (см. Приложение 1.3, 4, 7, 11, 13, 15 и др.).

Большой семантический радиус действия в первую очередь присущ синтагматически несвязанным вставным компонентам, выраженными простыми и сложными предложениями, многокомпонентными сложными высказываниями, выполняющим функции актуализации позиции автора,

конкретизации события не только основного высказывания, но и более широкого контекста (см. Приложение 3.1, 2).

Вставные компоненты минимального семантического радиуса действия, как правило, имеют отношение только к отдельным членам основного высказывания:

«Перед палатками проходила линейка, по которой проходили только дежурные часовые и офицеры, находившиеся в этот день в наряде (она была усыпана желтым песочком)» («Не-мемуары»);

«Каждая профессия, особенно профессия популярная (а иногда даже выгодная), привлекает к себе людей, которым не надо этим заниматься» («Говоря о современности, я скажу вот что...»).

В публицистике Ю. М. Лотмана семантический радиус действия вставного компонента может быть более широким, он способен ретроспективно распространяться на целый абзац:

«Я колебался до девятого класса между литературоведением и энтомологией — наукой о жизни насекомых. Занимался энтомологией для школьника довольно серьезно и до сих пор продолжаю испытывать к ней нереализованную склонность. Если бы я жил достаточно долго, то к занятиям культурологией я бы присоединил занятия зоосемиотикой, языками животных (особенно интригуют меня формы общения насекомых)» («О Ценностях, которым нет цены»).

Более сложное текстовое развертывание представлено в другом примере, в котором функционируют два самостоятельных вставных компонента (см. Приложение 3.10). Имя собственное (*Пропи*) является микротемой, что позволяет ему выступать также в роли коннектора вставок с контекстом.

Вставка *жара стояла уже настоящая* ретроспективно связана не только с предшествующим высказыванием, но и проспективно с высказыванием в конце следующего абзаца (см. Приложение 3.12). Вставные компоненты, даже функционирующие в одном абзаце, могут иметь разный

семантический радиус действия. В следующем примере (см. Приложение 3.1 и 3.2) из 7 вставок 5 соотносятся с основным высказыванием, 1 организует проспективную связь со следующим абзацем и еще 1 – с предыдущим.

В анализируемой публицистике вставки организуют в тексте дистантную связь с другими вставными компонентами. Так, повтор существительного *школа* актуализирует связь между двумя вставками, весьма отдаленными друг от друга:

«Начался длительный период поисков работы. Протекал он по вполне стереотипному сценарию. Утром я отправлялся в одно из тех мест, где, как накануне я выяснил, есть вакантное место (как правило, это была школа).

<Пропущено 20 абзацев>

Однажды встретившись с Олей, мы заговорили о наших делах <...> (я тогда видел перед собой деревянную школу и заранее собирал побольше книг, которые можно было увезти)» («Не-мемуары»).

Анализируя связь вставных компонентов с основным высказыванием, необходимо подчеркнуть роль синонимов и антонимов в качестве средств ее выражения, однако они могут создавать также связь вставки с текстом в целом.

В примере (Приложение 3.13) во вставке присутствуют два ключевых словосочетания: *внутренний контролер* и *высшее образование*. *Внутренний контролер* противопоставлен *насильственному контролю* в предыдущем абзаце. Вставка, обладая семантическим радиусом действия, превышающим включающее ее высказывание, участвует в создании связности и целостности текста. В примере (Приложение 3.14) имя собственное *Горбаневская* организует дистантную связь между контекстом и вставным компонентом.

В примере (см. Приложение 3.8 и 3.11) темой текста является искусственный и человеческий интеллект. В нем функционируют 3 вставных компонента в двух дистантно расположенных абзацах. Тематическими словами двух вставок в первом высказывании являются *машина* и *программа*, характеризующие искусственный интеллект. Тематическими

словами третьей вставки в другом абзаце являются *художественный текст* и *культура*, характеризующие интеллект человека. Противопоставленные друг другу, эти 3 вставки развивают тему текста, создавая его целостность.

В примере (Приложение 3.16) также используются 3 вставных компонента, в которых функционируют однокоренные слова (*воспитывать, самовоспитание, воспитание*), выражающие тему данного текста и организующие его в целом. В примере (Приложение 5.1) функционируют 5 вставных компонентов, 4 из них содержат однотематические слова (*армия, передовая*), а в 2 из них повторяется ключевое слова *война*, соединяющее вставки с основным высказыванием и друг с другом. Так создаются тематическое единство текста и его целостность.

В примере (Приложение 3.3) используются 2 вставных компонента. В первом из них два слова *пожарный* и *стихи* ретроспективно соединяют его с соседними высказываниями и предыдущим абзацем. Кроме того, слово *стихи* и имена собственные (*Ахматова* и *Цветаева*) во второй вставке актуализируют тему *Культура*. В Приложении 3.6 ключевое слово *творчество* создает ретроспективную связь вставки с предыдущим высказыванием, а также с двумя дистантно расположенными абзацами при помощи повтора данного слова. Вставные компоненты могут выступать и как средство создания текстовой или ситуативной проспекции (см. Приложение 1.141). Собственно текстовая проспекция предполагает дальнейшее текстовое развертывание:

«Мы в касках, в подогнанных по росту шинелях, с трехлинейными винтовками <...> с гордостью проезжали (в дальнейшем движение все убыстрялось, и мы уже ехали и днем и ночью) через деревни<...>

<Пропущено 20 абзацев>

Немцы ночью не двигались, мы пользовались этим и за ночь пешком успевали оторваться от передовых немецких частей, перемещающихся на мотоциклах и бронетранспортерах, километров на тридцать» («Немемуары»).

Вставки также способствуют созданию временного и пространственного континуума. В примере (Приложение 3.15) связь осуществляется словосочетаниями *берег Днестра* и *днестровский берег*, повтором предиката *развернулись*. В примере (Приложение 1.17) вставка *лето сорок второго года* создает временной континуум с высказыванием, расположенным через 10 абзацев.

В Приложении 3.17 содружество высказываний во вставном компоненте, нарушая линейность повествования, характеризует персонажа, организует дистантную связь с началом произведения. Вставной компонент «*Он страдал пороком сердца и на фронт не попал*», обладая большим семантическим радиусом действия, ретроспективно связан с высказыванием «*На курсе остались три мальчика — двое других не попали в армию по здоровью...*» («Не-мемуары»).

Таким образом, целостность текста создается во многом при помощи ключевых слов, содержащихся во вставных компонентах, их дистантных про- и ретроспективных связей. Исследователи полагают, что в произведениях небольшого объема, которыми в основном являются публицистические статьи и заметки Ю. М. Лотмана, средства создания связности, особенно дистантной, и целостности текста во многом повторяют друг друга. Это подтверждается также проведенным анализом.

Вставные компоненты также участвуют в создании категории текстовой модальности. Модальность, выражающая отношение говорящего (пишущего) к действительности, по мнению И. Р. Гальперина, присуща каждому тексту, обладая различными средствами выражения [Гальперин 1981]. Категория модальности, являющаяся одним из основных коммуникативных аспектов высказывания, тесно связана с образом автора.

Публицистическое наследие Ю. М. Лотмана в основном относится к последнему периоду истории советской культуры (1970-е – 1990-е годы). Публицистика этого периода, несмотря на свою неизбежную официозность,

испытывала влияние устно-разговорной стихии, ей также была присуща авторская речемыслительная рефлексия [Романенко 2002: 118-119].

Термин *рефлексия* (от лат. *reflexio* – обращение назад) означает мыслительный процесс, имеющий отношение к разуму, душе, направленный на осмысление своих эмоций, состояний, чувств, действий и решений. Этот термин употребляется в философии, психологии, педагогике, филологии, литературоведении и других науках. Рефлексия определяется как самонаблюдение и самоосмысление [Жеребило 2010: 306].

Она важна для характеристики автора и персонажей художественных произведений в литературоведении. В ряде лингвистических работ речь идет также о художественной рефлексии, о ее роли в становлении творческой языковой личности [Бабенко 2015]. Однако традиционно лингвисты понимают рефлексию как метатекстовое явление, комментарий говорящего к своему высказыванию. Так, И. Т. Вепрева рассматривает рефлексию как особый речемыслительный механизм метаязыкового сознания [Вепрева 2002: 76].

Исследователей привлекает прежде всего языковая рефлексия, представляющая собой «осознание, осмысление своего языкового поведения и языковой жизни общества, а также устройства языка и отдельных языковых фактов...» [Шмелёва 2014: 799]. Она анализируется в метаязыковом [Борботько 2007; Вепрева 2002] и лексическом аспектах [Черняк 2014; Сальмин 2009]. Внимание лингвистов уделяется также способам ее проявления, которые могут выражаться графически (например, кавычками, скобками, другими знаками препинания), лексически, синтаксически (*как говорят, так сказать, говорю честно* и т. д.).

Таким образом, в лингвистике существуют разнообразные трактовки данного понятия, но в целом оно связано с самопознанием, самооценкой, самокритикой – с речемыслительным контролем над собой.

Субъективная модальность тесно связана с авторской речемыслительной рефлексией, выражаемой, наряду с другими средствами,

вставными компонентами. Вставные компоненты, внося в высказывания или текст разнообразную добавочную фактическую или событийную информацию, также демонстрируют результаты авторского самопознания и познания не только языка, но и культуры, науки, истории. Важно, что вставные компоненты способны не только выразить авторскую рефлексю, но и стимулировать рефлексю адресата [Перфильева 2004: 35].

Ранее (1.1) было отмечено, что нередко встречаются компоненты, которые трудно дифференцировать как вводные или вставные, так как они выполняют функции и тех, и других. Напомним, что вслед за С. Г. Ильенко рассматриваем вводные компоненты как факт коммуникативной адаптации высказывания, а вставные — как факт композиционно-смыслового осложнения высказывания и текста [Ильенко и др. 2009: 228-229].

Все сказанное имеет отношение также к трудным случаям разграничения вводных и вставных компонентов, служащих для выражения речемыслительной рефлексии в публицистике Ю. М. Лотмана. Например, следующее высказывание в скобках мотивирует авторский выбор словосочетания *гениальный политик*, что позволяет причислить его к вводным компонентам. Однако *гениальный политик*, как словосочетание-стимулятор, также актуализирует разграничение понятий *политическая гениальность* и *нравственность*, что соответствует функции вставных компонентов:

«Бесспорно, гениальным политиком был Наполеон. (Я не говорю, что он был нравственный человек, что мне нравится его политическая линия.) Талейран был гениальный политик. О России труднее сказать, потому что там, где нет спроса, там плохо получается с предложением» («Говоря о современности, я скажу вот что...»).

Особенную трудность представляет разграничение вводных и вставных компонентов, когда они используются для проявления авторской рефлексии, если они оформлены при помощи скобок. Тем не менее их дифференциация возможна.

Вводные компоненты осуществляют метадискурсивную рефлексию о способе языкового выражения семантики высказывания (см. примеры в первой главе, 1.2). Развертывание содержания рефлексивных вводных компонентов обусловлено семантикой синтаксических единиц, стимулирующих их появление.

Рефлексия предполагает общение человека с самим собой, публицистика же ориентирована на общение с аудиторией. Рефлексивные вводные компоненты диалогизируют публицистику Ю. М. Лотмана, так как подразумевают не только внутренний диалог, но и диалог с адресатом, ответ на его возможные сомнения и возражения:

«Если это стадо (я не ругаюсь, я просто определяю ситуацию, когда собрано вместе много животных), то все в этом стаде ведут себя одинаково» («Говоря о современности, я скажу вот что...»).

О рефлексивной функции вводных компонентов Ю. М. Лотмана свидетельствуют также их предикаты (*беру, говорю, определяю*), подчеркивающие личный выбор автора. Авторская рефлексия, выраженная при помощи вводных компонентов, чаще всего эмоциональна, экспрессивна, что подчеркивается в следующих примерах лексико-грамматическим повтором (идентичным или вариативным), а также графически (восклицательным знаком):

«И тот, кто пропагандирует великую (действительно великую!) русскую культуру, должен помнить и о великой украинской и армянской, грузинской и эстонской и других культурах» («Тут надо быть 1000 раз осторожным»);

«И все же, рискуя разойтись с традицией, я сказал бы, что жизнь студента отличается (должна отличаться!) в первую очередь дисциплиной» («Два слова новым студентам»).

Вставные компоненты, в отличие от вводных, также выражающих авторскую рефлексию, разнообразнее структурно-семантически и функционально, что связано с их способностью содержать разнообразные

дополнительные сведения. При этом их появление в анализируемом публицистическом тексте так же, как и включение вводных, может провоцироваться семантикой предшествующих словоформ, словосочетаний, высказываний (см. пример в Приложении 1.12).

В данном примере вставка актуализирует причинную семантику предыдущего высказывания, а предикат главной части (*знаю*) – личный опыт автора. В другом примере (Приложение 1.171) стимулом появления вставного компонента является синтаксема *жизнь*, сам же компонент используется не для проявления рефлексии на языковую форму, а для выражения авторской иронии. Рефлексивную функцию, как правило, выполняют вставки, актуализирующие точку зрения автора (см. примеры в Приложении 1.54, 136 и др.).

В рефлексивной функции используются преимущественно вводные компоненты, с помощью которых автор мотивирует выбор способа языкового выражения. В этой функции также используются вставные компоненты, демонстрирующие результаты самопознания и познания не только внутреннего мира языка, но и мира культуры, истории, науки.

Анализ публицистики Ю. М. Лотмана позволил выявить специфику участия вставных компонентов в выражении основных текстовых категорий (членимости, связности, целостности и модальности) и речемыслительной рефлексии. Данная специфика обусловлена не только сферой их функционирования, но также их структурно-семантическими особенностями, выявленными нами в предыдущей главе.

Далеко не все вставные компоненты, выраженные словоформой, обладают текстообразующим потенциалом. Представляющие собой наречия, имена прилагательные или существительные (*приблизительно, валиком, количественные, душе*), относящиеся к отдельным членам основного высказывания, выполняя функции их пояснения, уточнения, определения только отдельного члена, не участвуют в выражении текстовых категорий (см. Приложение 1.3, 4, 5, 7, 8).

Однако в публицистике Ю. М. Лотмана вставные компоненты, представляющие собой словоформы, являющиеся ключевыми словами текста, способны организовать его связность и целостность (Приложение 1.1). Имея оценочное значение, выражая точку зрения автора или персонажа, они участвуют в создании субъективной модальности (см. Приложение 1.2, 6, 9). Неоднократный вариативный повтор ключевых слов, их контекстуальные синонимы связывают вставки с другими участками текста, тем самым организуя его целостность. В данных примерах имена существительные *активность*, *закрепление*, *бдительность*, *мещанство*, подытоживая основное высказывание, дают ему оценку, что позволяет им участвовать в реализации категории текстовой модальности.

Значимые для реализации комплекса текстовых категорий ключевые слова, функционирующие во вставках Ю. М. Лотмана, как правило, являются абстрактными существительными, обладающими семантической емкостью. В Приложении 1.1 словоформы *самовоспитание* и *воспитание* во вставных компонентах со значением пояснения не только соотносятся с определенными членами основного высказывания, но и являются ключевыми словами текста.

В публицистике Ю. М. Лотмана способность вставок, представляющих собой словосочетания, выражать текстовые категории не столь очевидна. В ней используются вставные компоненты, выраженные разнообразными словосочетаниями (*не очень большие, величиной опасности, очень помогает, с параллелями в немецком фольклоре* и др.): атрибутивными, объектными, релятивными, простыми и сложными (см. Приложение 1.10 – 15, 18 – 20). Их тип зависит от отдельного члена основного высказывания, который они поясняют, уточняют, определяют. Как правило, участвуя в выражении связности текста, они не создают его целостности (см. Приложение 1.12, 13, 15, 16). Модальность может быть выражена тогда, когда во вставках, представляющих собой словосочетания, актуализируется авторская точка зрения (Приложение 1.19).

Ю. М. Лотман использует словосочетания во вставных компонентах, когда они соотносятся не с членами основного высказывания, а с ним в целом, оценивая или конкретизируя его. Приложение 1.17 демонстрирует единственное в наших материалах словосочетание, у которого более широкий семантический радиус действия. Данная вставка (*лето сорок второго года*) хронологически конкретизирует основное высказывание и окружающий контекст.

Вставные компоненты, выраженные простыми или сложными предложениями, прежде всего членят текст в связи с их способностью нарушать когезию и создавать двуплановость изложения. Кроме того, они более способны создавать связность текста, чем вставки, выраженные словоформами и словосочетаниями, благодаря своей коммуникативной природе и большому семантическому радиусу действия (см. Приложение 3.5, 12 – 14 и др.).

Для их полного понимания нередко надо обращаться к соседним высказываниям. В Приложении 1.41 вставной компонент *Горбаневская уже уехала в Москву*, конкретизируя словосочетание *через несколько недель* в основном высказывании, также организует связь с контекстом.

В публицистике Ю. М. Лотмана вставные компоненты, представляющие собой простое предложение, передающие ту или иную дополнительную информацию, выполняют функции конкретизации времени или места события, указания причины, пояснения речи персонажа, иллюстрации, выражения авторской иронии, актуализации его точки зрения.

В публицистике Ю. М. Лотмана текстовые категории также реализуются при помощи вставных компонентов, выраженных сложными предложениями, содружествами высказываний, текстовыми фрагментами, что мотивировано их большим семантическим радиусом действия. С. Г. Ильенко в свое время отметила, что величина радиуса действия языковых единиц обусловлена их структурно-семантической организацией и лексическим наполнением [Ильенко 2003: 355].

Создавая вставные компоненты, Ю. М. Лотман использует разные типы сложных предложений: бессоюзное, сложносочинённое, сложноподчиненное с разнообразными придаточными (см. Приложение 1.93, 108, 115 и др.). Содержащаяся в них дополнительная информация подчеркивает мнение автора, уточняет место, содержит примеры, указывает причину события и др.

Ю. М. Лотман использует также синтагматически связанные вставные компоненты, представляющие собой разнообразные придаточные части основного предложения. В логико-грамматической классификации они квалифицируются как придаточные места и определительные (Приложение 1.83, 84, 86). Они используются для конкретизации основного высказывания, но не создают целостности текста. Вставки с уступительным значением, выражающие авторскую иронию, участвуют в создании субъективной текстовой модальности (Приложение 1.89, 92, 189). Более многочисленные, по сравнению с ними, вставные компоненты, являющиеся присоединительными придаточными, выражают оценочные авторские комментарии (см. Приложение 1.85, 87, 88, 91).

В публицистике Ю. М. Лотмана вставки, представляющие собой содружества высказываний, участвуют в объемно-прагматическом и контекстно-вариативном членении текста (Приложение 1.16). Данный пример, выражающий позицию автора, демонстрирует способность вставных компонентов участвовать в выражении не одной, а нескольких текстовых категорий, в данном случае членимости и модальности.

В выражении категории модальности участвуют прежде всего вставные компоненты, представляющие собой предложения, осложненные вводными, в связи с их функцией выражать эмоциональное отношение автора к сообщаемому (см. Приложение 1.112, 116, 131). В этой роли выступают также вставки, которые используются для актуализации точки зрения автора.

Таким образом, в выражении членимости наиболее очевидно участвуют синтагматически несвязанные с основным высказыванием

вставки, в которых отсутствуют союзы, союзные слова или другие непосредственные средства связи. Данные вставные компоненты способны резко членить текст, диалогизируя его, создавая двуплановость основного высказывания, в большинстве случаев они представляют собой предложения разного типа, содружества высказываний и текстовые фрагменты.

В создании связности принимают участие прежде всего синтагматически связанные вставные компоненты, выраженные словоформами, словосочетаниями, придаточными частями, относящиеся к основному высказыванию в целом или к его отдельному члену, уточняющие, поясняющие их, актуализирующие их значение.

Связность с более широким текстом создают синтагматически несвязанные вставки, выраженные простыми или сложными предложениями. Подобная закономерность выявлена и по отношению к категории целостности, предполагающей прежде всего создание дистантных связей про- и ретроспективной направленности. При этом особая текстообразующая роль принадлежит вставным компонентам, выраженным словоформами, являющимися ключевыми словами текста.

В создании категории модальности принимают участие вставные компоненты, выражающие речемыслительную рефлексию и точку зрения автора. Это вставные компоненты, являющиеся простыми, осложненными, сложными предложениями и содружествами высказываниями, синтагматически несвязанными с основным высказыванием, в которых используется местоимение я или глагольные предикаты в форме первого лица единственного числа.

3.5. Сопоставление вставных компонентов и подстрочных текстовых комментариев

В русистике были глубоко исследованы средства создания метадискурсивности, необходимой создателю текста для его адекватного

читательского восприятия [Шаймиев 1999: 15]. В этом аспекте В.А. Шаймиевым были проанализированы не только вводные и вставные компоненты, но также текстовые примечания, комментарии и сноски, которые понимаются им как дополнительные замечания [Шаймиев 1992: 17]. Это соответствует роли подстрочных комментариев, создающих дополнительный план повествования в публицистике Ю. М. Лотмана.

По мнению В. А. Шаймиева, данные комментарии и сноски в основном подобны вставным компонентам, также выражающим разнообразную дополнительную информацию. Однако если мы определяем вставку как характерную особенность письменной речи, то в работе В. А. Шаймиева она рассматривается как характерная черта прежде всего устной речи или речи, имитирующей ее особенности, тогда как комментарии или сноски являются чертой письменной речи [там же: 18].

Согласимся с В. А. Шаймиевым в том, что структура, семантика и текстовые функции комментариев изучены недостаточно. Не изучены также их взаимоотношения с основным высказыванием, несмотря на то что комментарии могут прагматически его обслуживать, развивать побочную линию его содержательного развертывания [там же 1992: 19]. Исследователь выявил способность подстрочных комментариев создавать пространственно-временной и социальный континуум. Было установлено также, что подстрочные комментарии могут характеризовать способ высказывания (что аналогично функции вводных компонентов) и актуализировать смысл основного текста в целом, что отличает их от большинства вставных компонентов.

В публицистике Ю. М. Лотмана автор вводит добавочную информацию внутри основного текста, используя вставные компоненты, или убирает ее в подстрочный комментарий. Вставные компоненты, нарушая связность основного текста Ю. М. Лотмана, входят тем не менее в его состав, тогда как комментарии остаются за его пределами.

Подстрочные комментарии неоднократно используются в «Не-

мемуарах». Как уже говорилось, данный текст не был завершен, что сделало необходимым его дополнение комментариями, которые не всегда являются авторскими (из 25 комментариев 8 не принадлежат Ю. М. Лотману). В своем анализе сосредоточимся на тех из них, которые принадлежат самому автору.

Мы выявили несколько текстовых фрагментов, в которых Ю.М. Лотман предпочитает использовать подстрочный комментарий (см. Приложение 4). Вставные компоненты менее велики по объему, чем комментарии, вследствие чего в меньшей степени нарушают континуум. Комментарии характеризуются большим объемом, до страницы печатного текста (Приложение 4.4), нередко включают в себя поэтические фрагменты (см. Приложение 4.1, 4.5).

Вставные компоненты и комментарии создают разный содержательный баланс анализируемого текста. Вставки выражают как необходимую, так и второстепенную информацию:

Мы с Борькой даже пробовали пробраться в питерский порт (откуда тогда корабли отправлялись в Испанию), чтобы пролезть в трюм и удрать. Но нас, конечно, поймали и, подвергнув тщательному допросу (бдительность!), все же с миром отпустили (Не-мемуары).

В данном примере первая вставка, уравнивая знания автора и читателей, необходима для понимания изображаемого события. Вторая вставка, иронично мотивирующая тщательность допроса, менее значима. Комментарий же, как правило, детализирует событийную информацию, которая не столь важна для главной линии развертывания текста.

Вставные компоненты не только противопоставлены комментариям, но и взаимодействуют с ними. Комментарии могут относиться к вставным компонентам, сами же вставки могут функционировать не только в основном тексте, но и в комментариях. В следующем примере к вставному компоненту относится комментарий, в составе которого обнаруживаются две вставки:

«После этого мы устроили брачный пир, пригласив Шаныгина, работавшего в университете на кафедре доцентом. (В его комнате я провел несколько месяцев, пока не получил небольшое отдельное помещение.)¹

¹Шаныгин был убежденный холостяк. Мы никогда не убрали — пол был по щиколотку засыпан мусором. Он обзванивал знакомых дам, произнося при этом всегда один и тот же текст: «Юленька (или Танечка, Сашенька и проч.)! Я не спал три ночи (он отличался завидным сном и ужасно храпел). Я раскрыл перед собой свою душу и понял: нет-нет, я вас не достоин. Вы — чистая и святая!»

В основном тексте вставка мотивирует приглашение Шаныгина на свадьбу. Развернутый комментарий дает персонажу ироничную характеристику, а вставки, прерывающие его речь, демонстрируют ее стереотипность, подчеркивая авторскую точку зрения.

Таким образом, между вставными компонентами и функционально близкими к ним комментариями есть различия. Они отличаются объемом и характером связности с основным высказыванием. Кроме того, они по-разному дозируют информацию. Вставки выражают как необходимую, так и второстепенную информацию, комментарии же прежде всего предназначены для детализации последней.

Творчески реализуя коммуникативный потенциал вставных компонентов и комментариев, Ю. М. Лотман регулирует читательское восприятие своего публицистического текста.

Выводы по главе III

Публицистике Ю. М. Лотмана присуще жанрово-коммуникативное разнообразие (газетные и журнальные статьи, выступления, интервью и др.). В основе ее текстового развертывания лежат коммуникативные стратегии (призыва, аргументации, создания и поддержания контакта, активизации внимания) и сопутствующие им тактик. Выбор аргументов мотивируется

апелляцией к авторитету, историческому примеру, к личному и общественному опыту.

В проанализированном материале вставные компоненты выполняют следующие текстовые функции: содержат попутный комментарий, создают иерархию информации, диалогизируют текст, нарушают его линейность, актуализируют семантические разрывы и их компенсацию в тексте, усиливают коммуникативное напряжение, подчеркивают точку зрения автора, создают его контакт с адресатом, предвосхищая его сомнения или возражения и организуя с ним равноправное общение, чему способствует их участие в создании интертекстуальных связей.

Развитие функций вставных компонентов обусловлено стремлением автора к демократизации общения с адресатом, к установлению с ним речевого контакта, к открытому выражению своей позиции.

Вставные компоненты ограниченно участвуют в объемно-прагматическом членении публицистического текста Ю. М. Лотмана, так как в составе основного высказывания они не располагаются в сильных позициях абсолютного начала или конца. Отмечен только 1 пример абзацного выделения вставного компонента.

Вставные компоненты также обладают функциональной спецификой в аспекте контекстно-вариативного членения текста. Только являясь содружествами высказываний, они способны представлять собой информационный и сентенционный, но не демонстрационный функционально-композиционный тип речи.

Вставные компоненты обладают текстообразующей способностью: с их помощью организуются фрагменты разной степени плотности связности, с одной или несколькими линиями ее создания (лексическими, морфологическими, синтаксическими).

Контактные и дистантные связи про- и ретроспективной направленности позволяют вставным компонентам участвовать в развертывании временного и пространственного континуумов.

Семантический радиус действия, выходящий за рамки основного предложения, обуславливает роль вставных компонентов в создании целостности текста.

Выражая авторскую речемыслительную рефлексию, вставки участвуют в создании субъективной текстовой модальности. В отличие от вводных компонентов, также способных выражать авторскую рефлексию, они разнообразнее в структурно-семантическом и функциональном отношении.

Проведенный анализ выявил структурно-семантическую и позиционную обусловленность участия вставных компонентов в выполнении текстовых функций и выражении основных текстовых категорий.

В выражении членимости участвуют прежде всего синтагматически несвязанные с основным высказыванием вставки, представляющие собой предложения разного типа, содружества высказываний и текстовые фрагменты.

В создании связности принимают участие преимущественно синтагматически связанные вставные компоненты, выраженные словоформами, словосочетаниями, придаточными частями, уточняющие, поясняющие, актуализирующие значение основного высказывания или его члена.

Целостность текста создают синтагматически несвязанные вставки, выраженные простыми или сложными предложениями, а также словоформами, являющимися ключевыми словами текста.

В создании категории модальности принимают участие синтагматически несвязанные вставные компоненты, выражающие речемыслительную рефлексию, различные точки зрения автора, являющиеся простыми, осложненными, сложными предложениями и содружествами высказываний, в которых используется местоимение я или глагольные предикаты в форме первого лица единственного числа.

Вставные компоненты и функционально близкие им подстрочные комментарии различаются объемом, характером связности с основным

высказыванием и контекстом, типом передаваемой информации. Вставные компоненты менее велики по объему, чем комментарии, они выражают как необходимую, так и второстепенную информацию. Комментарии детализируют событийную информацию, не столь важную для главной линии развертывания текста. Комментарии могут относиться к вставным компонентам, сами же вставки могут функционировать не только в основном тексте, но и в комментариях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование функционирования вставных компонентов в публицистике Ю. М. Лотмана подтвердило, что она не потеряла своей актуальности, благодаря парадоксальности его мышления, стремлению разрушать стереотипы, его таланту взаимодействия с аудиторией.

В диссертации было принято следующее рабочее определение вставных компонентов: это словоформы, словосочетания, предложения, предикативные части, содружества высказываний, включенные в состав основного высказывания, синтагматически связанные и несвязанные с ним, способные выразить разнообразную дополнительную информацию (о времени, месте, количестве, причине и др.), обладающие интонацией включения. Они являются средством композиционно-смыслового осложнения высказывания и/или сверхпредложенческих единиц. Для их пунктуационно-графического оформления используются преимущественно скобки, а также тире, многоточие, абзацные отступы и пробелы.

Цель исследования потребовала последовательной дифференциации терминов *вводные* и *вставные компоненты*, *публицистика* и *публицистический стиль*. Были обобщены представления об интонационных, семантических, позиционных и функциональных признаках, отличающих вставные компоненты от вводных, также способных выразить оценочное значение. Их главное отличие заключается в том, что вводные компоненты являются коммуникативным средством осложнения предложения, а вставные – композиционно-смысловым средством осложнения основного высказывания или содружества высказываний.

В качестве одной из особенностей функционирования вставных компонентов в публицистике Ю. М. Лотмана было выявлено их взаимодействие с вводными компонентами. Оно способствует созданию образа автора, нетривиальное мнение которого вызывает интерес и доверие адресата. Вставные компоненты, в отличие от вводных, также выражающих

авторскую рефлексию, разнообразнее структурно-семантически и функционально, что связано с их способностью выражать дополнительную информацию.

Сопоставление публицистической манеры Ю. М. Лотмана и стилей его современников-публицистов, близких ему по мировоззрению, продемонстрировало обусловленность использования вставок не только языковой личностью автора, но и принадлежностью текстов определенной эпохе.

Обобщение опыта разноаспектного исследования вставных компонентов в русистике позволило охарактеризовать их структурно-семантическую специфику в публицистике Ю. М. Лотмана. В результате сплошной выборки из текстов его 33 публицистических произведений было выявлено 212 вставных компонентов, отличающихся структурным и семантическим разнообразием.

Было установлено, что для выражения синтагматически несвязанных вставок, составляющих меньшинство, используются словоформы, словосочетания, простые и осложненные предложения, сложные предложения, многокомпонентные сложные высказывания, содружества высказываний, конструкция с прямой речью, текстовые фрагменты. Преимущественно используются вставные компоненты, являющиеся простыми и сложными предложениями или их предикативными частями, а также содружествами высказываний (около 80%), что обусловлено их коммуникативным потенциалом.

Большинство вставных компонентов является синтагматически связанными с основным высказыванием грамматическими (34 примера) и лексическими (118 примеров) средствами. Преобладание синтагматически связанных вставных компонентов обусловлено целеустановкой автора на создание контакта с адресатом, его индивидуальной, отнюдь не *рубленой* манерой изложения.

В публицистике Ю. М. Лотмана вставные компоненты разъясняют,

уточняют, поясняют, комментируют основное высказывание или его составляющие, выражают временные, пространственные, уступительные, сопоставительные и другие отношения. Включение вставных компонентов могло провоцироваться значением основного высказывания или его членов.

Семантика вставок имеет позиционную обусловленность в составе основного высказывания. Интерпозиционные вставки (125 примеров) уточняют или поясняют его компоненты; вставки, функционирующие в его конечной позиции (77), способны выражать дополнительную информацию о высказывании в целом.

Проведенный анализ выявил структурно-семантическую обусловленность участия вставных компонентов в выполнении текстовых функций и выражении категорий членимости, связности, целостности и модальности.

Специфика публицистической текстовой зоны их функционирования обусловлена осознанным авторским использованием коммуникативных стратегий: призыва, активизации внимания, установления и поддержания контакта, аргументации, – а также сопутствующих им тактик.

В ходе исследования были выявлены разнообразные текстовые функции вставных компонентов: попутный комментарий, диалогизация текста, нарушение его линейности, актуализация семантических разрывов и их компенсация в тексте, создание коммуникативного напряжения, организация контакта с адресатом, предвосхищение его сомнения или возражения, установление равноправного общения адресанта и адресата, подчеркивание точки зрения автора. Их сопоставление с функциями, выявленными в советской публицистике второй половины XX в., продемонстрировало тенденции изменения публицистического дискурса. Развитие функций вставных компонентов в публицистике Ю. М. Лотмана обусловлено его стремлением к демократизации общения с адресатом, к установлению с ним речевого контакта, к открытому выражению своей позиции.

Проведенный анализ позволил раскрыть участие вставных компонентов в выражении основных текстовых категорий (членимости, связности, целостности и модальности). В публицистике Ю. М. Лотмана вставки, как правило, не функционируют (в составе основного высказывания) в абсолютном начале или конце текста. Являясь содружествами высказываний, они способны представлять собой информационный и синтаксический функционально-композиционные типы речи.

Выявлено, что в проанализированных текстах вставные компоненты способны организовывать фрагменты разной степени плотности связности, с одной или несколькими линиями ее создания (лексическими, морфологическими, синтаксическими). Они обладают разным семантическим радиусом действия. Выражая контактные и дистантные связи про- и ретроспективной направленности, способствуют созданию временного и пространственного континуума.

В публицистике Ю. М. Лотмана наряду со вставными компонентами используются функционально близкие им подстрочные комментарии, которые, несмотря на свой превосходящий объем, выражают преимущественно второстепенную событийную информацию. В отличие от них, вставные компоненты способны выразить также информацию, необходимую для основной линии развертывания текста. Особенностью публицистики Ю. М. Лотмана является семантическое взаимодействие вставок и подстрочных комментариев.

Таким образом, исследование вставных компонентов позволило увидеть в них одно из средств характеристики индивидуального стиля языковой личности Ю. М. Лотмана. Для ее понимания важны такие черты его личности в целом, как интеллигентность, гуманистичность, демократичность.

Ю. М. Лотман по праву считается выразителем сократического риторического идеала, диалогичного по форме и по существу.

Индивидуальность его публицистической манеры обусловлена стремлением к свободному, диалогизированному общению с адресатом, к установлению с ним речевого контакта, к открытому выражению своей авторской позиции, что конгениально функциональному потенциалу вставных компонентов.

Анализ вставных компонентов, осуществленный в функциональном, структурном, семантическом, и антропоцентрическом аспектах, позволил полнее раскрыть своеобразие индивидуального стиля автора – не только выдающегося ученого и преподавателя, но и общественного деятеля, публициста. Сделанные выводы и материалы послужат дальнейшему изучению языковой личности Ю. М. Лотмана и публицистического дискурса в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Научные источники

1. Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1990. – 168 с.
2. Аникин А. И. Функции вставных конструкций в современном русском языке // Ученые записки Московского гос. педагогического института им. В. И. Ленина. – 1967. – № 259. – С. 5 - 44.
3. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1981. – № 4. – С. 356 - 367.
4. Бабайцева В. В. Вводные, вставные и присоединенные компоненты // Русский язык в школе. – 2011. – №7. – С. 67 - 73.
5. Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. Синтаксис. – М.: Просвещение, 1987. – 256 с.
6. Бабайцева В. В. Синтаксис русского языка: монография. – М.: Флинта; Наука, 2015. – 576 с.
7. Бабенко И. И. Художественная рефлексия как фактор становления творческой языковой личности // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2015. – №4. – С. 107 - 111.
8. Балягина И. Я. О связи вставных конструкций с основным высказыванием (на материале романов И. С. Тургенева 1850-х гг.) // Самарский научный вестник. – 2015. – № 1. – С. 34 - 38.
9. Бараночникова Л. В. Функционирование вводных и вставных компонентов в поэзии и прозе А. С. Пушкина: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2011. – 21 с.
10. Богин Г. И. Современная лингводидактика. – Калинин: Издательство Калининского гос. университета, 1980. – 61 с.
11. Богин Г. И. Концепция языковой личности: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Л., 1982. – 31 с.

12. Борботько В. Г. Языковая рефлексия в метаязыке лингвистики // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2007. – №10. – С. 18 - 26.
13. Бурвикова (Зарубина) Н. Д. Закономерности линейной структуры монологического текста: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – М., 1981. – 44 с.
14. Валгина Н. С. Современный русский язык: Синтаксис. – М.: Высшая школа, 2003. – 416 с.
15. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – Екатеринбург: Издательство Уральского гос. университета, 2002. – 380 с.
16. Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. – 1955. – № 1. – С. 60 - 87.
17. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: Издательство АН СССР, 1963. – 253 с.
18. Виноградов В. В. О теории художественной речи. – М.: Высшая школа, 1971. – 240 с.
19. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1990. – 360 с.
20. Виноградов В. В. Избранные труды: Язык и стиль русских писателей. От Гоголя до Ахматовой. – М.: Наука, 2003. – 390 с.
21. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. – М.: Наука, 1993. – 172 с.
22. Вяткина С. В. К вопросу о становлении вставных конструкций в русском литературном языке // Вестник Ленинградского гос. университета. – 1987. – Вып. 2 (№ 9). – С. 100 - 102.
23. Вяткина С. В. Становление и развитие вставных конструкций в русском литературном языке XVIII – XX веков: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ленинград, 1987. – 17 с.
24. Вяткина С. В. Динамика развития вставных конструкций в русском

- литературном языке // Тенденции развития русского языка: Сб. статей к 70-летию профессора Г. Н. Акимовой. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского гос. университета, 2001. – С. 46 - 97.
25. Гаврилова Е. И. Вставки в текстоцентрическом и антропоцентрическом аспектах: : Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2003. – 23 с.
 26. Гаврилова Е. И. Вставка и включающий контекст: к проблеме синтаксической связи // Формирование филологической компетенции в обучении русскому языку и литературе: материалы XVII Кудрявцевских педагогических чтений. – Иркутск, 2009. – С. 101 - 107.
 27. Гаврилова Е. И. Вставка и линейность речи // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2016. – № 1. – С. 104-109.
 28. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 140 с.
 29. Глушакова С. О. Функционирование вводных и вставных конструкций в научных текстах 18 – 20 веков. – Пермь: Издательство Пермского гос. университета, 1994. – С. 44 - 81.
 30. Голубева И. В. Опыт создания коллективного речевого портрета: На материале экспрессивного синтаксиса мемуарной прозы: дисс. ... докт. филол. наук. – Краснодар, 2002. – 308 с.
 31. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 767 с.
 32. Грудева Е. В., Чурилина Л. Н. и др. Текст в современном образовательном пространстве: теория и технологии: коллективная монография. – Магнитогорск: Издательство Магнитогорского гос. технического университета им. Г. И. Носова, 2019. – С. 284-291.
 33. Даниэль С. М., Григорьев Р. Г. Парадокс Лотмана // Лотман Ю. М. Об искусстве. – СПб.: Искусство, 1998. – С. 5 - 8.
 34. Долинин К. А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1985. – 288 с.
 35. Дружинина В. В. Лингвориторические параметры идиостиля как

- выражение менталитета языковой личности ученого (А. Ф. Лосев): дисс. ... канд. филол. наук. – Сочи, 2004. – 215 с.
36. Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX – XX вв.). – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 328 с.
37. Егоров Б. Ф. Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 384 с.
38. Загоруйко А. П. Осложненные вставные конструкции в современном русском языке : Автореферат дисс. ... канд. филол. наук.– Ростов-на-Дону, 2005. – 16 с.
39. Залевская А. А. «Рефлексия» и «языковое сознание»: вопросы терминологии // Вестник Тверского гос. университета. Серия: Филология. – 2015. – №4. – С. 29 - 36.
40. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Наука, 1998. – 524 с.
41. Иванова Е. Ю. Вставные конструкции как элемент экспрессивного синтаксиса (на материале болгарского языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1987. – 19 с.
42. Иванчикова Е. А. Вставные предложения, слова и сочетания слов, конструкции / Грамматика русского языка. Т. 2. – М: Издательство Академии Наук СССР, 1954. – С. 167 - 176.
43. Иванчикова Е. А. Лексический повтор как экспрессивный прием синтаксического распространения // Мысли о современном русском языке. – М.: Наука, 1969. – С. 126 - 139.
44. Ильенко С. Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. – СПб.: Издательство Российского гос. педагогического университета им. А. И. Герцена, 2009. – 398 с.
45. Ильенко С. Г. Русистика: Избранные труды. – СПб.: Издательство Российского гос. педагогического университета им. А. И. Герцена, 2003. – 674 с.

46. Ильенко С. Г., Дымарский М. Я., Мартьянова И. А., Столярова И. В. Современный русский язык. Синтаксис. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – 391с.
47. Ильясова С. В. Вставные конструкции как черта современной прозы (на материале прозы Л. Петрушевской) // Синтаксическая семантика: проблемы и перспективы: Тезисы докладов к конференции. – Орел: , 1997. – С. 37 - 39.
48. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: URSS: ЛКИ, 2012. – 288 с.
49. Кальниченко Ю.О. Своеобразие функционирования многокомпонентных сложных высказываний с вставными конструкциями в повести В. В. Набокова «Другие берега» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 6. – С. 69 - 72.
50. Каминский П. П. Принципы исследования публицистики на современном этапе // Вестник Томского гос. университета. Филология. – 2007. – №1. – С. 97 - 105.
51. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
52. Ковалев В. П. Вставные конструкции // Русская речь. – 1971, – № 5. – С. 11 - 17.
53. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1977. – 223 с.
54. Кузовкина Т. Д. Один день профессора Ю. М. Лотмана // Новый мир. – 2015. – № 3. – С. 140 - 153.
55. Кулаковский М. Н. Типы и функции вставных конструкций в русской художественной прозе 20 – 30-х годов XX века: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 1996. – 20 с.
56. Кулаковский М. Н. Вставные конструкции в современном художественном тексте: традиции и новые тенденции функционирования // Ярославский педагогический вестник. – 2013. –

№2. – С. 138 - 142.

57. Логинов А. В. Использование вопроса и вопросно–ответного комплекса во внутренней речи персонажа // Текстовый аспект в изучении синтаксических единиц: Межвузовский сборник научных трудов. – Л.: Издательство Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена, 1990. – С. 136 - 143.
58. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
59. Ляпон М. В. Вставная конструкция. // Русский язык: Энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 79.
60. Ляпун С. В. Газетная публицистика в парадигме лингвистических исследований XXI века // Вестник Адыгейского гос. университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2011. – №1. – С. 109 - 115.
61. Манаенко Г. Н. Функционирование осложненного предложения в публицистическом тексте: информационно-дискурсивный подход Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2004. – 42 с.
62. Мартыанова И. А., Ефремов В. А., Семенец О. П. Риторика. – М.: Кнорус, 2019. – 199 с.
63. Мартыанова И. А. Синтаксическая интерпретация современного прозаического дискурса. – СПб.: Издательство Российского гос. педагогического университета им. А. И. Герцена, 2021. – 112 с.
64. Михальская А. К. Основы риторики. Мысль и слово. – М.: Просвещение, 1996. – 416 с.
65. Михеева К. А. Языковая личность Ю. М. Лотмана (способы объяснения понятий) // Слово. Словарь. Словесность: Динамические процессы в языке, речи и словаре (к 50–летию издания академического «Словаря современного русского литературного языка»). Материалы Всероссийской научной конференции. – СПб.: САГА, 2016. – С. 258 - 262.
66. Морова О. Л. Средства речевого контакта в различных функциональных

- стилях: дисс. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1997. – 148 с.
67. Нефедов С. Т. Текстово-семантические функции и прагматический потенциал вставных конструкций эпистемической семантики в «Евангелической гармонии» Отфрида // Известия Российского гос. педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – №10. – С. 153 - 160.
68. Нечаева О. А. Функционально-смысловые типы речи: описание, повествование, рассуждение: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – М., 1975. – 45 с.
69. Николаева Т. М. и др. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – 479 с.
70. Николаева Т. М. Сочинительные союзы *a, no, и*: история, сходства и различия // Славянские сочинительные союзы. – М.: Институт славяноведения РАН, 1997. – С. 3 - 24.
71. Одинцов В. В. Стилистика текста. – М.: Наука, 1980. – 263 с.
72. Онишко С. Г. Вставные элементы в функции средства метаязыкового комментирования номинаций: Автореф. дисс.... канд. филол. наук. – Воронеж, 1997. – 19 с.
73. Пантелеева Е. А. Коммуникативно–прагматические свойства вводных и вставных элементов в современном русском языке (на материале художественных и публицистических текстов): Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Волгоград, 2005. – 18 с.
74. Парсамова В. Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах (на материале писем Ю. М. Лотмана): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2004. – 23 с.
75. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.
76. Перфильева Н. П. Вставка и текст // Проблемы интерпретационной лингвистики: сборник научных трудов. – Новосибирск: Издательство Новосибирского гос. педагогического университета, 2000. – С. 100 -

77. Перфильева Н. П. Линейность текста и ее "слом": различные коммуникативные стратегии // Сибирский филологический журнал. – 2003. – №1. – С. 137 - 145.
78. Перфильева Н. П. Вставки в аспекте дискурсивных категорий // Man and the word. – 2004. – №3. – С. 27–35.
79. Прияткина А. Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения: учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.
80. Прохоров Е. П. Искусство публицистики. Размышления и разборы. – М.: Советский писатель, 1984. – 359 с.
81. Пятницкий В. Д. О вариантах пунктуации при вводных и вставных единицах // Русский язык в школе. – 1996. – № 6. – С. 85 - 90.
82. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. – М.: Высшая школа, 1987. – 402 с.
83. Романенко А. П. Советская словесная культура: отечественная история ее изучения // Вопросы языкознания. – 2002. – №6. – С. 118 - 139.
84. Романова Н. В. Юрий Михайлович Лотман: личность, творчество, человек // Начальная школа. – 2012. – №2. – С.102 - 106.
85. Рубашкин А. И. Прямая речь: О советской писательской публицистике. – Л.: Советский писатель, 1987. – 400 с.
86. Русская грамматика: В 2-х т.– М.: Наука, 1980. Т. II. –1980. – 709 с.
87. Сагирян И. Г. Функциональные особенности вставок в языке прозы М. А. Булгакова: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 1999. – 23 с.
88. Сальмин Е. А. Авторская рефлексия как знак освоения новых явлений в лексике (на материале публицистики М. А. Булгакова 1920-х годов) // Вестник Санкт-Петербургского гос. университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2009. – №4. – С. 133 - 139.
89. Сидорова М. А. Публицистический вариант речевого жанра "портрет

- человека": дисс. ... канд. пед. наук. – Омск, 2005. – 238 с.
90. Ситникова Ю. В. Ю. М. Лотман о просвещении // Вестник Омского гос. университета. – 2004. – № 4. – С.91 - 94.
91. Солганик Г. Я. Стилистика текста. – М.: Флинта, Наука, 1997. – 256 с.
92. Старовойтова И. А. Вставные конструкции как явление коммуникативного синтаксиса: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2000. – 16 с.
93. Столович Л. Воспоминания о Юрии Михайловиче Лотмане // Семь искусств. – 2012. – №1. – 12 с.
94. Столярова И. В. Модальная характеристика вводного компонента в современном русском литературном языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук – Л., 1985. – 19 с.
95. Студнева А. И. Из наблюдений над функционально–семантическим соотношением вводных и вставных предложений // Ученые записки Московского областного педагогического института. – 1967. – Вып. 13. – С. 259 - 268.
96. Сулименко Н. Е. О лингвистической проблематике текста (от Герцена к Лотману) // Слово. Словарь. Словесность: (к 200–летию со дня рождения А. И. Герцена). Материалы Всероссийской научной конференции. – СПб.: САГА, 2012. – С. 125 - 130.
97. Суровцев Ю. О публицистике и публицистичности // Знамя. – 1986. – №4. – С. 208 - 224.
98. Троицкая Т. Б. Тактики реализации полемической стратегии в публицистическом дискурсе // Вестник Башкирского университета. – 2008. – №3. – С. 530 - 534.
99. Трофимова О. В., Кузнецова Н. В. Публицистический текст. Лингвистический анализ. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 302 с.
100. Урысон Е. В. Союзы А и НО и фигура говорящего // Вопросы языкознания. – 2004. – №6. – С. 64 - 82.

101. Урысон Е. В. Опыт описания семантики союзов: Лингвистические данные о деятельности сознания. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 336 с.
102. Ученова В. В. Публицистика и политика. – М.: Политиздат, 1979. – 271 с.
103. Хельмянова Ю. С. Категория кажимости и её реализация в прозаическом наследии А.С. Пушкина: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2016. – 24 с.
104. Черняк В. Д. Рефлексия над словообразовательными потенциями слова в современной беллетристике // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2014. – №1. – С. 158 - 165.
105. Чупашева О. М. Риторический аспект вставных конструкций // Проблемы экспрессивной стилистики. Вып. 2. – Ростов-на-Дону, 1992. – С. 136 - 139.
106. Шаймиев В. А. Вставные конструкции в аспекте их текстового изучения: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1982. – 19 с.
107. Шаймиев В. А. Роль вставных конструкций в реализации текстовых категорий // Текстовые реализации и текстообразующие функции синтаксических единиц: Межвузовский сборник научных трудов. Л.: Издательство Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена, 1988. – С. 117 - 126.
108. Шаймиев В. А. Прагматические функции примечаний // Синтаксис текста и текст синтаксиса: Межвузовский сборник научных трудов. – СПб.: Образование, 1992. – С. 17 - 21.
109. Шаймиев В. А. Метадискурсивность научного текста (на материале лингвистических произведений). – СПб.: Издательство Российского гос. педагогического университета им. А. И. Герцена, 1999. – 280 с.
110. Шапиро А. Б. Основы русской пунктуации. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1955. – 398 с.

111. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 624с.
112. Шубина Н. Л. Пунктуация в коммуникативно–прагматическом аспекте и ее место в семиотической системе русского текста. – СПб.: Издательство Российского гос. педагогического университета им. А. И. Герцена, 1999. – 298 с.
113. Эпштейн М. Н. Постмодернизм в России. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. – 608 с.

Словари и справочники

114. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
115. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.
116. Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. – М.: Московская международная школа переводчиков, 1994. – 400 с.
117. Русский язык: Энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – 704 с.
118. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. – Москва: Флинта, 2011. – 480 с.

Источники языкового материала

1. Лотман Ю. М. Воспитание души. – СПб.: Искусство-СПБ, 2003. – 624 с.
2. Ю. М. Лотман и Тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994. – 547 с.
3. Лурье С. А. Такой способ понимать. – М.: Класс, 2007. – 333 с.

4. Эренбург И. Г. Война. 1941– 1945. М.: ООО «АСТ», 2016. – 950 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Структурно-семантическое разнообразие вставных компонентов в публицистике Ю. М. Лотмана

1. Обучение подразумевает, что один хочет учить, а другой хочет учиться. То есть любому акту обучения обязательно сопутствует настройка учителя (**самовоспитание**) и настройка ученика (**воспитание**) (Воспитание души);

2. Бывает так: урок идет гладко, вполне благополучно, ученики отвечают на вопросы (**активность!**), учитель «дает» новый материал, повторяет старый (**«закрепление»**), «связывает с современностью» (**задав, например, вопрос: «Чем отличается образ современного молодого человека от Онегина?»**) – все в порядке (Воспитание души);

3. Древнегреческий философ Гераклит говорил, что психее (**душе**) присущ самовозрастающий логос (Азбука судьбы);

4. Например, можно просчитать и предсказать (**приблизительно**) определенные динамические процессы в области промышленности (Говоря о современности, я скажу вот что...);

5. Правда, некоторые девчонки (**я забегаю на год с лишним вперед и, перескочив время испанской войны, вспоминаю об эпизоде, когда Риббентроп приехал в Москву**) вдруг начали носить прическу арийских дев (**валиком**), и одна из однокурсниц Лиды у нас в доме говорила, что у Риббентропа «неотвратно влияющие глаза» (Не-мемуары);

6. Но нас, конечно, поймали и, подвергнув тщательному допросу (**бдительность!**), все же с миром отпустили (Не-мемуары);

7. Нас пополнили и направили в район Моздока (**Чечено-Ингушетия**) (Не-мемуары);

8. Были введены нормы (**количественные**) для рядовых и сержантов (**кажется, шесть килограммов, но не помню, на какой срок**), а высокие чины быстро перестали стесняться всякими нормами (Не-мемуары);

9. Праздничных платьев у Зары Григорьевны не было вообще (**мещанство!**) (Не-мемуары);

10. То, что получалось, только отдаленно напоминало образцы, с которых я срисовывал (**особенно вначале**) (Не-мемуары);

11. Доклад посвящен был теме «Бой отца с сыном в русском фольклоре» (с параллелями в немецком фольклоре) (Не-мемуары);

12. Я знаю ту войну, которая была у артиллериста, кадрового солдата (я был призван в армию со второго курса Ленинградского университета еще в 1940 году), успевшего к ней психологически подготовиться и получить некоторые (не очень большие) профессиональные навыки; провоевавшего в 1941 - 1944 годах на южном фронте и только в 1944 - 1945-м попавшего на север - в Эстонию, Польшу, а затем - Германию (У всех была разная война...);

13. Город, который находится, как Москва, в центре, тяготеет к замкнутости и к концентричности, а город, который на краю или за пределами, он эгоцентричен, он агрессивен (и не только в военном смысле), он выходит из себя, ему еще нужно найти пространство, в котором он будет центром (Город и время);

14. Так, в одном лишь не полностью еще раскопанном административном здании древнесирийского города Эбла (конец третьего тысячелетия до н. э.), несколько условно именуемого «царским дворцом», обнаружены десятки тысяч клинописных документов управленческого характера (Учитель на пороге двадцать первого века);

15. Глухая пора бывает (пастернаковская глухая пора), и вдруг выплескиваются талантливые люди... (На пороге непредсказуемого);

16. Это необходимо для того, чтобы убедить человека, что страх рождается не объективными условиями (величиной опасности), а нашим к ним отношением.

(Кстати, это прекрасно демонстрируют фильмы ужасов. Если дешевые фильмы порождают страх зрителя чудовищными кадрами, то Хичкок блестяще показал, что любой предмет, бытовой и безопасный, можно снять так, что зритель окажется на краю инфаркта от ужаса.) (Не-мемуары);

17. Мы отходили к Дону (лето сорок второго года) (Не-мемуары);

18. В ингушских домах прямо на берегу (население убежало в горы, и деревня была совершенно пустой) мы устроили ПНП (передовой наблюдательный пункт) и ожидали со дня на день начала новой волны немецкого наступления (Не-мемуары);

19. Бывала усталость, проклятья, иногда энергию и силу приходилось поддерживать длинной и изоциренной матерщиной (очень помогает) (Не-мемуары);

20. Нас не допекали занятиями (обычная мука солдата в небоевых условиях), мы были свободны (Не-мемуары);

21. Толстого к этому времени я уже прочел всего (издание с черными томами – приложение к журналу «Огонек») (Не-мемуары);

22. В этом году еще (это был последний год) в университет не принимали детей

служащих (**это называлось «из нерабочих семей»**) без предварительной производственной практики (Не-мемуары);

23. С крыла ее (**особый шик был в том, чтобы ехать не внутри, а стоя на крыле машины: кроме шика, это давало возможность вовремя замечать пикирующие самолеты, но шик тоже был важен**) соскакивает командир дивизиона и лихо, громовым командным голосом произносит: «Молодцы, первая (**то есть первая батарея — это мы!**)! По вам стреляют, и вы стреляете, и получается — что получается? — артиллерийская дуэль» (Не-мемуары);

24. Перед палатками проходила «линейка», по которой проходили только дежурные часовые и офицеры, находившиеся в этот день в наряде (**она была усыпана желтым песочком**) (Не-мемуары);

25. В дальнейшем, когда я уже был опытным сержантом и к нам начали поступать «молодые» из тыла (**это было уже в конце войны**), я регулярно брал одного из них и шел туда, где казалось наименее приятно быть (Не-мемуары);

26. Шагая по топкому песку на самом берегу Дона, я увидел две черные фигуры в плащах, закрывающих знаки различия (**но плащи были командирские**), и услышал отрывок разговора: речь шла о необходимости переправить через Дон лошадей (Не-мемуары);

27. Противник, видимо, даже не подозревал, сколь скудны были наши средства, и усиленно накапливал резервы (**мы это прекрасно видели**), готовясь к прорыву (Не-мемуары);

28. Однажды (**жара стояла уже настоящая**) мы увидели, что часовой, охранявший вход в штаб, стоит на посту совершенно голый, в чем мать родила, только в сапогах и с автоматом на шее (Не-мемуары);

29. Когда я много лет спустя (**это было в Норвегии**) заметил своему уже немолодому другу, ходившему на морозе с обнаженной головой, не холодно ли ему без шапки, то получил ответ: «Но это же так молодит» (Не-мемуары);

30. К счастью, в конце сорок первого или в начале сорок второго (**не помню точно**) было найдено верное средство (Не-мемуары);

31. Они выдумали игру: «топить петуха» (**заливают бутылку водкой**) — «спасать петуха» (**выпивают эту водку**) (Не-мемуары);

32. В том красноречии, которое передать на бумаге затруднительно, но которое мне по телефону регулярно приходилось слышать (**он даже привык узнавать меня по голосу**), кричал спьяна: «Это ты, Лотман (**называть фамилии было не положено**), так-так-так! Скажи своим (**речь шла о начальнике штаба дивизиона Пастушенко**), чтобы

они так-так-так высотку заняли так-так-так-так к следующему звонку (**то есть к следующему “петушку”**)» (Не-мемуары);

33. Читатель (**если он когда-нибудь будет**) может не понять ситуации: командир дивизиона понимал, что, потеряв своих прекрасно обученных солдат ради орденов пьяного дурака, он обессилит батарею или дивизион (Не-мемуары);

34. Он был немножко пьян. Подсел ко мне и, рыдая (**до этого между нами не было никакой близости**) и утирая локтем сопли, заговорил со мной на «ты» (Не-мемуары);

35. А мне и самому было что вспомнить, хотя я этого ему не рассказывал (**это было запряпано слишком глубоко**) (Не-мемуары);

36. Пришло время распределения. Проходило оно так: комиссия собиралась в главном здании ночью (**начинали работать обычно в двенадцатом часу**) (Не-мемуары);

37. По тогдашней простоте нравов в клуб, в котором Абакумов должен был выступить перед избирателями, нас беспрепятственно пропустили на наши обычные места (**за мной числилось еще и освещение зала**) (Не-мемуары);

38. Могу, стараясь сохранить объективность, сказать, что Бердников был не глуп, жесток только в той мере, в какой это было необходимо ему для карьеры (**в этой ситуации он был беспощаден**), уничтожал людей по холодному расчету, но без удовольствия, — а это, знаете, очень много (Не-мемуары);

39. Через незапертую дверь просунулась рука и на стол в прихожей упало письмо (**в моем архиве это письмо должно быть**) (Не-мемуары);

40. В конце шестидесятых годов в Тарту часто приезжала Наталья Горбаневская с сыном (**он ровесник Леше**) (Не-мемуары);

41. Не помню через сколько недель (**Горбаневская уже уехала в Москву**) рано утром позвонили, я открыл двери, и в квартиру, не представляясь и не спрашивая разрешения, вошло человек двенадцать (Не-мемуары);

42. Между прочим, в детской на столе лежал свежий продукт романтических игр Алеши, которому было лет десять, и его приятеля, сына рижского профессора Сидякова (**он в это время жил у нас постоянно**) (Не-мемуары);

43. Когда шли первые дебаты об атомной бомбе, у многих физиков (**а мне приходилось со многими видными физиками беседовать**) появилась соблазнительная возможность проверить теоретические знания (Реабилитация совести);

44. Главное, что я вижу в личности Сахарова, — это не его облик ученого, тоже достаточно значительный, а даже не его, не будет преувеличением сказать, героическую деятельность (**ведь умер он как солдат — в бою**), главное — это реабилитация совести как основного принципа жизни (Реабилитация совести);

45. *И если речь заходит о перегрузке студентов, эту часть можно и сократить (и ведь сокращают!)* (Учитель на пороге двадцать первого века);

46. *Вот тут-то перед учителем встанет жесткая альтернатива: тот, кто способен вести лишь средние и типовые уроки по заранее разработанным раз и навсегда планам может оказаться списанным ранее пенсионного возраста (для нынешних студентов – около 2020-х годов)* (Учитель на пороге двадцать первого века);

47. *Кстати, попутно скажу (поскольку газета обращена прежде всего к русскоязычному читателю), что положение в русских школах республики мне представляется неудовлетворительным* (Неюбилейные признания);

48. *В сравнительно простых ситуациях она станет действовать по программе (в блоке памяти машины хранится определенный объем информации)* (Азбука судьбы);

49. *Вы переписываете цитату за цитатой (с ксерокопией пока что у нас плохо), накапливаете карточки, выписки, а потом вдруг оказывается, что они никуда в дело не пойдут* (О Ценностях, которым нет цены);

50. *Если бы я жил достаточно долго, то к занятиям культурологией я бы присоединил занятия зоосемиотикой, языками животных (особенно интригуют меня формы общения насекомых)* (О Ценностях, которым нет цены);

51. *Однако вдруг оказывалось, что очередное административное начинание вызывало (подчас неожиданно и для его инициаторов) негативную реакцию у местного населения, и вроде бы чисто хозяйственная проблема «вдруг» превращалась в национальную* (Тут надо быть 1000 раз осторожным);

52. *Кажется, первым ударом был (сейчас об этом мало помнят) разгром исторического краеведения в конце двадцатых годов* (География интеллигентности: эскиз проблемы);

53. *Если бы не было международных показателей по линии ЮНЕСКО и если бы в 1913 году (сопоставление ведется с тринадцатым годом) в России не выходило много «Ученых записок», то их, видимо, вообще закрыли бы* (География интеллигентности: эскиз проблемы);

54. *А хорошее исследование (я науку тоже отношу к творчеству) от серенького как отличить?* (География интеллигентности: эскиз проблемы);

55. *Зеркало не случайно фигурирует в двух обликах – и как правдивое (оно очень часто в старой иконологии – символ Богородицы), и как лживое (это древнейший магический предмет общения с потусторонней силой)* (Попытки предсказывать интересны в той мере, в какой они не оправдываются);

56. *А вот стихи могли бы быть хорошие (и пожарный такие стихи никогда не*

напишет) (Говоря о современности, я скажу вот что...);

57. Но вместе с тем как историк (**а я все же историк**) я вижу чрезвычайный дилетантизм в области политики (Говоря о современности, я скажу вот что...);

58. А. С. Пушкин в очень тяжелую для него минуту, когда умер А. А. Дельвиг – единственный близкий друг из лицеистов (**два других были в Сибири**), писал П. А. Плетневу: «Но жизнь все еще богата; мы встретим еще новых знакомцев, новые созреют нам друзья... мы будем старые хрычи, жены наши – старые хрычовки, а детки будут славные, молодые, веселые ребята; а мальчики станут повесничать, а девчонки сентиментальничать; а нам то и любо» (Мы выживем, если будем мудрыми);

59. Но разница между наукой и техникой в том, что техника (**блестящий пример – Жюль Верн**), техника делает предсказуемое (На пороге непредсказуемого);

60. Дома у нас бывало столовое вино (**отец понимал в винах и любил хорошие**), но водка появлялась только на праздники для гостей (Не-мемуары);

61. В нашей батарее командиром взвода управления был инженер с Донбасса, милый и интеллигентный человек Иващенко (**у огневиков был свой Иващенко — тоже лейтенант, страшно противный**) (Не-мемуары);

62. Может быть, это сыграло решающую роль в том, что, когда необысканной осталась одна только печка, на которой лежал архив Горбаневской, начальник, пробурчав что-то не очень печатное, что можно передать формулой «ничего нет», предложил мне подписать протокол, что я сделал только после того, как они согласились вписать фразу, что ничего запретного обнаружено не было, и представить полный список изъятых бумаг (**изъяты были пишущая машинка и машинописи уже опубликованных статей по семиотике**) (Не-мемуары);

63. Посмотрев на меня (**в моей длинной шинели, думаю, вид у меня был совсем не марциальный, пользуясь выражением Петра I**), он поздоровался и сказал: «Постойте-постойте. Вы — брат Лиды Лотман. Нет, вы сами — Лотман» (**Здесь, конечно, не только моя заслуга — Пропп обладал поразительной памятью и, видимо, помнил большинство студентов.**) (Не-мемуары);

64. Обернувшись невзначай, я увидел, что заяц тоже бредет, но вприпрыжку, с трудом вытягивая ноги из грязи (**думаю, зоологи никогда не видели зайца в таком виде**) (Не-мемуары);

65. В профиль он немного напоминал молодого Гоголя и того Пушкина, который нарисован на картине Н.Н. Ге «Пушкин в Михайловском» (**у Ге странный Пушкин – мало похожий на Пушкина, но чуть-чуть на Сашу Данилевского**) (Не-мемуары);

66. На фронте один только раз, протянув связь в не помню какой, но очень

высокий штаб, я видел маршала Тимошенко: он сидел в блиндаже под тремя накатами (наша землянка была прикрыта еловыми ветками, присыпанными сверху землей) и еле мог выдавить из себя слово — губы его тряслись, хотя никакой реальной опасности вокруг не было (Не-мемуары);

67. Постепенно возобладал совсем другой, не предусмотренный военной теорией принцип: те, кто обладали большей скоростью передвижения, оказывались впереди (так, например, штабы, автомобильные колонны, снабжение и танки оказались дальше всего в тылу), часто совершенно теряя связь с разбросанными воюющими частями (Не-мемуары);

68. Они охотно разъезжали по фронту голые на мотоциклах, на немецких воинственных плакатах фронтовой немецкий офицер всегда изображался в расстегнутой на груди форме и с закатанными рукавами (вероятно, в немецкой армии все это воспринималось как «марциальный шик») (Не-мемуары);

69. Навалив на себя катушки и аппарат (в нашей практике, как правило, две катушки около восьми килограммов в каждой), телефонист идет пешком, догоняет своих, наконец находит в том беспорядке, который образуется при ночном перемещении армии (Не-мемуары);

70. Зато у нас была другая метода: после стрельбы на батарее остаются пустые медные гильзы (для наших снарядов это были большие, в половину человеческого роста, металлические стаканы) (Не-мемуары);

71. То, что мог награбить (а теперь это уже было не присвоение сахарных мешков из немецких армейских запасов, а имущество гражданских людей), присвоить себе какой-нибудь солдат, совершенно несопоставимо было с возможностями генералов, которые пользовались ими достаточно широко (Не-мемуары);

72. Я побежал по линии (проклятая судьба связиста — когда все поглубже затираются в ровики, он бежит по линии и связывает перебитые провода) (Не-мемуары);

73. Его пасынок Толя по совершенно пустяковой истории (будучи студентом перед войной, он издавал рукописную газетку под названием «Уря!») попал в лагерь (Не-мемуары);

74. Когда события непосредственно вошли в университетские стены и начались разгромные заседания и проработки Эйхенбаума, Гуковского, Жирмунского и других профессоров, я долго не мог понять, в чем дело (во время проведения кампании из Пушкинского Дома в университет был прислан для «подкрепления» Бабкин, корректор, ставший профессором) (Не-мемуары);

75. Утром я отправлялся в одно из тех мест, где, как накануне я выяснил, есть вакантное место **(как правило, это была школа)** (Не-мемуары);

76. Через некоторое время он стал появляться на кафедре с машинописью этого романа **(это был не первый экземпляр, но с карандашной авторской правкой)** (Не-мемуары);

77. Елена Сергеевна взволнованно сообщила нам, что экземпляр «Мастера и Маргариты» выкраден, что она крайне тревожится, поскольку ведет переговоры с Симоновым о публикации **(переговоры довольно безнадежные и затянувшиеся, но не прекращавшиеся)** и что если рукопись ускользнет за границу и там будет опубликована, то это навсегда **(тогда казалось, что навсегда)** закроет возможность издания ее в СССР (Не-мемуары);

78. Ночью **(Зара Григорьевна и дети уже спали)** я сидел у настольной лампы в темной комнате и ждал (Не-мемуары);

79. Ручаюсь, что вы все доживете **(я, наверное, нет)** до того, как он снова станет Кёнигсбергом (Город и время);

80. В одних новый фактический материал обработан традиционными филологическими методами **(кстати, именно они ценны своей надежностью)** (О Ценностях, которым нет цены);

81. А между тем каждый исторический путь **(а иначе история не носила бы никакой информации и давным-давно была бы исчерпана)** есть выбор на развилке (Попытки предсказывать интересны в той мере, в какой они не оправдываются);

82. Сейчас у нас, как мне кажется, в результате того, что очень долго, почти целый век, политическая деятельность не была профессией **(вероятно, в России она никогда не была профессией)**, мы имеем исключительно много дилетантов (Говоря о современности, я скажу вот что...);

83. Я начал изучать греческий язык **(который я сейчас, к сожалению, совершенно забыл)** (Не-мемуары);

84. Мы с Борькой даже пробовали пробраться в питерский порт **(откуда тогда корабли отправлялись в Испанию)**, чтобы пролезть в трюм и удрать (Не-мемуары);

85. Это «Юнкерс-87» — пикирующий одномоторный, очень хороший самолет, пикирует прямо вертикально со страшным ревом и очень точно бросает бомбы **(что нас совершенно не радует)** (Не-мемуары);

86. Это, а также его частые бывания у нас дома, его женитьба на Тане Вановской, прелестной, милой девушке, подруге и однокурснице Лиды **(к которой я, помню, был равнодушен)**, придавали некоторый оттенок нашим отношениям даже

тогда, когда он начал свой головокружительный карьерный путь (Не-мемуары);

87. Один из них, подававший большие надежды, очень способный молодой человек из местных русских, но с детства алкоголик и клептоман (**что нам было неизвестно**), был участником этих занятий (Не-мемуары);

88. Философия «башни из слоновой кости» была для Б. М. Гаспарова принципиальной (**что, кстати, резко противоречило его таланту превосходного лектора, любящего и умеющего овладевать аудиторией**) (Не-мемуары);

89. Считалось, что общегосударственные интересы (**хотя нередко под ними скрывались интересы тех или иных союзных министерств и ведомств**) автоматически должны совпадать с интересами республик и их жителей (Тут надо быть 1000 раз осторожным);

90. Общая идея такова: излагаются некоторые постулаты (**которые, в общем, могут браться произвольно**) и на них строится мир, замкнутый в своей логике и совершенно логичный внутри себя (Попытки предсказывать интересны в той мере, в какой они не оправдываются);

91. Теперь, видимо, на следующем витке, придется заняться тем, что человек не только животное, или животное совершенно особого рода (**что не отменяет предшествующего**) (На пороге непредсказуемого);

92. Я не возлагаю больших надежд на различные интервью и газетные декларации, которые появляются в последнее время в таком количестве (**хотя сам достаточно грешен многочисленными участиями в этом жанре**) (На пороге непредсказуемого);

93. Расстрел отца и ссылка матери и сестры (**Борька остался в квартире один, его не тронули**) не повлияли на нашу дружбу (Не-мемуары);

94. На первом курсе я увлекся фольклором, ходил на дополнительные занятия Марка Константиновича Азадовского и сделал очень удачный доклад на семинаре Владимира Яковлевича Проппа. (**Пропп вел только семинарские занятия, лекции читал Азадовский — и то и другое было страшно интересно.**) (Не-мемуары);

95. За минуты — не могу сказать, сколько их было, может быть пятнадцать, может быть сорок, — убило двух трактористов, на их место садились новые (**тракторист не мог прижаться к земле, находился практически без защиты на своей медленной, шесть-восемь километров в час, и неуклюжей машине**) (Не-мемуары);

96. В этом полку (**он менял название, превращался в гвардейский, потом в бригаду**) под командованием командира полка К. Дольста я прослужил всю войну (Не-мемуары);

97. Выстроенные с полной боевой выкладкой, мы выслушали объявление (**произнес**

его комиссар Рубинштейн — Дольст отправился в штаб армии получать боевое задание), что мы отправляемся в точном соответствии с учебным планом, на новый этап боевой подготовки (за три дня до войны — 19-го), что тот этап обучения, который предстоит пройти, называется «подвижные лагеря», — двигаться будем только ночью, днем — маскироваться в лесах и придорожных кустах (Не-мемуары);

98. *Мы в касках, в подогнанных по росту шинелях, с трехлинейными винтовками (автоматы мы только видели издали — ими обвешивались штабные начальники) с гордостью проезжали (в дальнейшем движение все убыстрялось, и мы уже ехали и днем и ночью) через деревни, и девушки из приграничных деревень забрасывали нас цветами и кричали (это точно, так оно было): «Не пускайте к нам немцев!» (Не-мемуары);*

99. *Сообщив, сколько выстрелов он делает в минуту, он добавил: «Семь танков сожгу, прежде чем меня раздавят!» (формула эта звучала не ернически, а естественно — мы все так просчитывали) (Не-мемуары);*

100. *Вообще (это не только мое чувство, я его проверял на других) основное внутреннее состояние — желание, «чтоб она к чертовой бабушке кончилась», — жажда конца (Не-мемуары);*

101. *Зимой ждешь, пока кончатся морозы, трешь уши, затыкаешь лопнувшие ботинки (в сорок третьем году нам дали американские ботинки, они были как железные, до конца войны им сносу не было, но ноги они стирали до крови), зато немецкие танки и самолеты на своем эрзац-бензине наших морозов не выдерживали (Не-мемуары);*

102. *Он попал в плен, но, по счастью, когда фронт развалился, из пленных был призван в армию (это бывало очень редко, как правило, их ссылали сразу в лагеря) и демобилизовался как солдат (Не-мемуары);*

103. *Я дождался, пока Зара Григорьевна и другие дамы покинули убежище, и навязался провожать их до дому. (Эпизод этот мы позже вспоминали как критерий полного идиотизма, он стал одной из наших семейных легенд.) (Не-мемуары);*

104. *Зара Григорьевна переехала в Тарту (мне пришлось при этом преодолеть ее отчаянное сопротивление: она не хотела бросать свою школу и собиралась, как я ей ехидно говорил, «строить социализм в одном отдельно взятом классе») (Не-мемуары);*

105. *Письмо сообщало, что рукопись уже отправлена Елене Сергеевне (деталь: бандероль он отправил незаказную, хотя тогда разница в стоимости исчислялась ничтожными копейками, зато незаказные часто терялись) (Не-мемуары);*

106. *Пожалуй, пришелец не столько изумился бы обилию научных текстов (они*

ему доступны: язык логики везде один), сколько морю беллетристики (Азбука судьбы);

107. **Здесь мыслится, что цивилизация – это нечто, связанное с техникой или же с поверхностным (но тут уже дело оценок, можно ставить знак плюса одной стороне, можно другой), с внешним научно-техническим прогрессом, а культура – это нечто глубинное, стихийное, находящееся в основах высших человеческих ценностей (Говоря о современности, я скажу вот что...);**

108. **У нас дома начали бывать студенты (у Лиды был круг друзей и подруг, и они готовились к экзаменам у нас дома) (Не-мемуары);**

109. **Я твердо решил на приближающейся войне не показать себя «хлюпиком» и все свободное время делил между французскими книгами и турником, так что к началу войны без большого труда сдал все спортивные нормы (бег и прыжки для меня никогда не были трудностью, а на турнике я натренировал себя до твердой армейской «четверки») (Не-мемуары);**

110. **Когда мой приятель, веселый циник Димка Молдавский (до войны мы с ним были на одном курсе, но он страдал пороком сердца и на фронт не попал; к этому времени он был уже аспирантом при Наумове и занимался Маяковским) при первой же встрече спросил меня: «Ты кем вернулся?» — я не понял вопроса. «Ну, с каким пятым параграфом, балда?» (Мать Димки была русской, и по паспорту он был записан русским.) (Не-мемуары);**

111. **В дальнейшем отношения наши исправились, и накануне ее госэкзамена я был приглашен как консультант, который должен был за ночь «накачать» Зару, Вику и Люду Лакаеву сведениями по XVIII и XIX векам (они были поклонницами Д. Е. Максимова, занимались Блоком и ничего, кроме Блока, знать не считали достойным, зато Блока знали в совершенстве) (Не-мемуары);**

112. **Диссертация была фактически написана еще в студенческие годы и сразу после окончания университета я подал ее на защиту (это, кажется, было воспринято как нахальство, но, честное слово, это была просто наивность) (Не-мемуары);**

113. **После этого мы устроили брачный пир, пригласив Шапыгина, работавшего в университете на кафедре доцентом. (В его комнате я провел несколько месяцев, пока не получил небольшое отдельное помещение.) (Не-мемуары);**

114. **Немцы не только не стыдились (все наши наблюдения шли через линию фронта, потому мое мнение нуждается в корректировке) растегнутости, обнаженного тела, но даже, видимо, находили в этом особый стиль (Не-мемуары);**

115. **Это будет трудное дело, потому что нет контролера строже, чем сам человек (если нет такого внутреннего контролера, то нет высшего образования)**

(Чему же учатся люди);

116. *Фильм кончался праздником победы после войны: с экрана на нас смотрели популярные актеры (на войне, которая шла на экране, конечно, никто из них не погиб), а за спиной у них пылал фейерверк победы (Не-мемуары);*

117. *Фронт еще не вышел к старой границе (на днестровский берег, где мы развернулись) (Не-мемуары);*

118. *Но это не индивидуальный акт, а каким-то образом возникающие стихийно диалекты, которые зависят от появления некоторых доминирующих слов, как правило связанных с доминирующими элементами быта (а быт складывается очень быстро, даже если он подвижный, как, например, в отступлении) (Не-мемуары);*

119. *Этим словом можно было обозначать почти все: «спикировать» могло означать «украсть», могло означать «удрать на какое-то мероприятие», например «спикировать к бабам» или же «завалиться спать» («пока вы чапали, я тут спикировал»), «уклониться от распоряжений начальства» и т. д. (Не-мемуары);*

120. *Помню, как лихо он держал наотмашь где-то добытую немецкую сигару (это был такой шик, что он даже не затягивался, чтобы подольше протянуть) (Не-мемуары);*

121. *В начале войны нам стали выдавать знаменитые «наркомовские» сто грамм, то есть сто грамм водки (должен отметить, что в дальнейшем в отступлениях и окружениях бывали перебои с едой, почти мы не получали месяцами, снаряды нам доставляли относительно регулярно, но наркомовские сто грамм мы получали постоянно без перебоев) (Не-мемуары);*

122. *В декабре завернули неожиданно сильные морозы (вообще, годы войны были отмечены исключительно жестокими зимами, как, по словам местных жителей, давно уже прежде не было) (Не-мемуары);*

123. *У нас было принято стыдиться своего тела (я не помню, чтоб кто-нибудь из нас, особенно из крестьянских ребят, раздевался для того, чтобы загорать) (Не-мемуары);*

124. *Видимо, совершенно одурев, он, брызгая водой и грязью, побежал прямо на меня и встал, почти упершись носом в мой нос (очень может быть, что глаза у меня были скошены, как у него) (Не-мемуары);*

125. *В последние месяцы войны, когда, казалось бы, должно было быть легче (и немец был уже не тот, хотя авиация его продолжала господствовать в воздухе, но это была уже совсем не та авиация — три, девять самолетов), потери мы продолжали нести очень большие, и главное, «дуром» (Не-мемуары);*

126. Или, разбрызгивая слюну, пьяным голосом: *«Пастушенко, Пастушенко, поднимай дивизион в наступление, Одера больше не будет!»* (Это многократно повторяемое выражение означало, что нельзя пропускать такую возможность получить Героя Советского Союза или по крайней мере хороший орден) (Не-мемуары);

127. Выгоняли пушки на расстояния, слишком для них близкие, практически лишая их эффективности (например, за время, которое требуется тяжелой артиллерии, чтобы сделать выстрел, танк может сделать их десяток) (Не-мемуары);

128. Вдруг около нашего провода, в том самом месте, где я его завязал, я увидел лужу крови (потом мне женщины говорили, что они утащили ребенка в дом, а мать была, конечно, убита на месте) (Не-мемуары);

129. Так же, как оно позже пришло и к Фадееву. (Замечу в скобках, что не могу не уважать Фадеева за то, что он оказался честным должником, а я нет.) (Не-мемуары);

130. Меня вызвали, я зашел, на меня посмотрели, хотя они меня знали и я их знал как облупленных, и сказали: *«Выйдите, обождите, еще рано»* (зачем они меня вызвали, я так и не понял) (Не-мемуары);

131. Я продолжал писать диссертацию (я написал большую статью о Пнине, которая нигде не была опубликована, хотя, как мне казалось, она имела смысл) (Не-мемуары);

132. Думаю я также, что различные специально «воспитательные» мероприятия (особенно когда ученики заранее предупреждены, что сейчас их начнут «воспитывать») играют в процессе воспитания наименьшую роль (Воспитание души);

133. Философ Руссо, написавший самую откровенную книгу в истории человечества, где не просто рассказал о себе, о своих положительных и плохих качествах (ими тоже можно гордиться, если такой характер), рассказал о своих стыдных поступках, открыл всего себя, написав сверху: *«и без кожи и в коже»* (Чему же учатся люди);

134. Если же ситуация сложная, тогда только хранить информацию – мало, нужно ее вырабатывать (ведь известно, окажется ли наша программа оптимальной) (Азбука судьбы);

135. Люди на моделях реконструируют практические результаты (что будет, если я поступлю так?), выбирают стратегию поведения с учетом моральных норм («нравственно - безнравственно» не менее сильно влияет на выбор, чем «эффективно - неэффективно») (Азбука судьбы);

136. Знаете, у Крылова, человека не просто умного – мудрого (я очень сожалею,

что у нас Крылова очень редко читают, его надо читать, как «Отче наш», раз в день), так вот у Крылова есть басня о том, как один человек решил побриться и «У зеркала сквозь, слез так кисло морщит рожу, /Как будто бы с него содрать собирались кожу» (География интеллигентности: эскиз проблемы);

137. *Поэтому у элементарных одноклеточных (если мы их правильно понимаем, в чем я не очень уверен) нет выбора – все-таки они моральным судом не судимы, вряд ли можно представить ад для одноклеточных (На пороге непредсказуемого);*

138. *Знаете немецкую поговорку: «Wer hat Wahl hat auch Qual» («Кто имеет выбор, тот имеет мучение») (На пороге непредсказуемого);*

139. *И о том, что область общения учителя и ученика (особенно в сельской местности, где это общение значительно теснее) не может и не должно ограничиваться программой (Учитель на пороге двадцать первого века).*

140. *Из них делали самое элементарное устройство: брали бочку, выжигали или вымывали из нее остатки содержимого (мазута, смазочного масла, горючего) (Не-мемуары);*

141. *Кроме Лиды и Нелли там был молодой парень Наумов (потом женившийся на Нелли, которая после замужества преподавала и писала статьи под фамилией Наумова) – бойкий, интересовавшийся советской литературой, что тогда казалось не наукой, чем-то слишком новым для науки (Не-мемуары);*

142. *Когда мы говорили: «Слава Богу, началась война!» — он добавлял: «Теперь и Сталин, и Гитлер полетят...» (не уточняя, куда) (Не-мемуары);*

143. *Наш полк (преобразованный сначала в гвардейский, а затем многократно награждавшийся различными боевыми орденами и превращенный в бригаду, сохранив почти до самого конца войны свой дух и основной костяк командиров) закончил войну за два дня до того, как она кончилась официально, на Одере, встретившись с американцами (Не-мемуары);*

144. *Так, например, сделавшись потом директором театрального института (не имея ровно никакого отношения ни к театру, ни к научному направлению института, но обладая статусом, при котором он мог быть директором не важно уже чего), он постарался вернуть на работу кое-кого из выгнанных в эпоху борьбы с космополитизмом, например Я. С. Билинкиса, и даже прослыл в ленинградских театрально-гуманитарных кругах прогрессистом (Не-мемуары);*

145. *Но на мне все-таки был «лекционный» костюм (на семейном языке называвшийся «дым и мрак» — левый рукав его был закапан стеарином, потому что по вечерам выключали свет и работать приходилось при свечке) (Не-мемуары);*

146. На Зару Григорьевну неожиданно напал приступ смеха (*отнюдь не истерического, ей действительно была очень смешна эта «мещанская» процедура*) (Не-мемуары);

147. О войне рассказывать очень трудно, потому что все слушатели (*те, кто не были на войне*) имеют о ней ясное представление, а рассказывающие (*те, кто были на войне*) ясного представления о ней не имеют: для того чтобы иметь ясное представление, надо видеть на расстоянии, а наше поколение видело войну слишком вблизи (У всех была разная война...);

148. На войне (*и, подчеркиваю, на передовой*) человек получает одновременно ответственность и свободу (У всех была разная война...);

149. И сколько раз за это время мне приходилось слышать: «Вы далеки от практики (*в том числе, от людей, никогда не давших в школе ни одного урока!*), учителям это не нужно» (Учитель на пороге двадцать первого века);

150. Стремление делать добро «своим» (*будь то ваша семья, народ или страна*) оправдано лишь в том случае, если не причиняет вреда соседу (Тут надо быть 1000 раз осторожным);

151. Стихотворение (*как любой художественный текст, да и культура вообще*) после своего рождения живет самостоятельной жизнью (Азбука судьбы);

152. Ведь и уклад жизни многих групп внутри одной национальности (*скажем, казаков или архангельских поморов*) не менее самобытен и нуждается в бережном отношении (Тут надо быть 1000 раз осторожным);

153. И в этом смысле внутреннюю вариативность и скрытые возможности мира нашего ограниченного бытового опыта могут гораздо успешнее раскрыть как раз так называемые реалистические фильмы (*но, конечно, хорошие*), которые, берут реальную бытовую или реальную жизненную ситуацию, но при этом представляют ее как одну из возможностей (Попытки предсказывать интересны в той мере, в какой они не оправдываются);

154. Поэты (*такие, как Ахматова и Цветаева*) не стеснялись называть поэзию ремеслом (Говоря о современности, я скажу вот что...);

155. Но есть разница между описанием одного и того же процесса с разных точек зрения, соответственно – на разных языках (*скажем, на языках математики, философии, искусства*) (Нам все необходимо. Лишнего в мире нет...);

156. Когда мы имеем дело с историческими предметами (*конечно, и с биологическими тоже*), мы сталкиваемся с одной любопытной вещью (Нам все необходимо. Лишнего в мире нет...);

157. *В основе таких прогнозов (особенно в форме, в которой они предлагаются массовому читателю) лежит предпосылка безусловной или очень вероятной предсказуемости (На пороге непредсказуемого);*

158. *Трудно сказать (да и бессмысленно гадать), в какие формы отольется учебный процесс XXI века (Учитель на пороге двадцать первого века);*

159. *Каждая профессия, особенно профессия популярная (а иногда даже выгодная), привлекает к себе людей, которым не надо этим заниматься (Говоря о современности, я скажу вот что...);*

160. *Эта мысль очень глубокая (и старая), и ее обычно истолковывают, что «хлеб» - это низменное, а человек живет возвышенным чем-то (На пороге непредсказуемого);*

161. *Я не помню, о чем мы говорили, но в центре, видимо, был «Один день Ивана Денисовича» и вопрос о возможности устройства в эстонскую обсерваторию или физический институт блестящего астронома NN, который после лагеря хотел эмпирически проверить теоретические расчеты о выделении элементов воздуха (или каких-то газов?) на Луне и о возможности каких-то форм простейшей жизни — он тогда был без работы (Не-мемуары);*

162. *«Войну и мир» прочел несколько раз (до сих пор читаю ее непрерывно и не знаю, сколько раз читал, хотя, наверное, помню уже наизусть) (Не-мемуары);*

163. *Я поспешил сдать экзамены за весь второй курс вперед (тогда это казалось невероятной глупостью, но потом, когда я вернулся, странным образом оказалось очень кстати) (Не-мемуары);*

164. *Лазая между брошенными ящиками с амуницией, снарядами и боеприпасами, мы обнаружили два больших ящика яиц (не знаю, сколько, но их было несколько тысяч) (Не-мемуары);*

165. *Однажды, зайдя к Мордовченко (каждое посещение для меня было событием, и прежде чем звонить в дверь, я долго стоял на лестнице и волновался), я застал его испуганно-встревоженным (Не-мемуары);*

166. *Потом отворялась дверь (в ритуал входило, чтобы зала заседаний была густо накурена, поэтому, когда отворялась дверь, оттуда валил дым как из ада) (Не-мемуары);*

167. *Там сидели Бердников, Федя Абрамов (до этого он был партийный деятель и громила первый номер, потом — известный писатель) и весь состав партбюро (Не-мемуары);*

168. *Однажды встретившись с Олей, мы заговорили о наших делах, и она, узнав,*

что я долго и безуспешно ищу работу, что мне это в высшей мере обрыдло, что я хочу плюнуть и уехать куда-нибудь из Ленинграда (я тогда видел перед собой деревенскую школу и заранее собирал побольше книг, которые можно было увезти), предложила мне позвонить в Тарту, в тот же учительский институт, куда была назначена она и где, как она знала, было незанятое место по русской литературе (Не-мемуары);

169. Я уже знал от Елены Сергеевны, что вопрос исчерпан (ее задело, что отправлено было простой почтой, а мне, как невольному соучастнику всей этой грязной истории, потом было тяжело с ней встречаться, хотя никаких упреков или обвинений с ее стороны я никогда не слышал) (Не-мемуары);

170. Госкомиздат под видом якобы коммерческих соображений (а какие коммерческие соображения, эти люди никакого отношения к этому не имеют и не умеют заниматься коммерцией) каждый том «Ученых записок» приказал представлять в виде отдельного сборника (География интеллигентности: эскиз проблемы);

171. И на обычную, естественную и, казалось бы, всем понятную жизнь (кто же не знает, что такое жизнь: все мы утром просыпаемся, вечером ложимся, находимся внутри жизни, и смешно сказать, будто мы ее не знаем) можно смотреть как на единственно возможную и единственно данную (Попытки предсказывать интересны в той мере, в какой они не оправдываются);

172. Сейчас, если события у нас не сорвутся (помните, как говорил Салтыков-Щедрин про то, как некие любезные культурные деятели чирикали, а потом пришел генерал-майор Отчаянный и всех слопал), - так вот, если это салтыковское предсказание с нами не произойдет, то я думаю, что у нас сложится и политика, и появятся политики (Говоря о современности, я скажу вот что...);

173. Пастернак очень точно об этом сказал. (Правда, он сказал, что слова принадлежат Гегелю, а как указала тартуский ученый надежда Пустыгина, слова принадлежат Шлегелю, но сама ошибка Пастернака очень характерна, потому что мысль тут гегелевская.) (Говоря о современности, я скажу вот что...);

174. Ни для кого не секрет, что далеко не все, поступающие на первый курс (говорю о филологических факультетах, как более мне знакомых, но думаю, что приблизительно то же положение и на других), обладают и способностями, и простым желанием учиться (Учитель на пороге двадцать первого века);

175. Сильно заикаясь (работая артиллеристом на телефоне, я выработал правильное дыхание и почти не заикался, но оказавшись после демобилизации «на гражданке», я вдруг обнаружил, что в разговоре с девушками или незнакомыми

людьми заикаюсь так сильно, как никогда доселе; на заседании кружка я однажды должен был прервать доклад и уйти со сцены), я объяснил Заре Григорьевне, что рисую только за деньги (Не-мемуары);

176. *Я перешел на работу в университет (количество студентов росло, и появилось добавочное вакантное место; ректор Ф. Клемент предложил мне его) (Не-мемуары);*

177. *Я сделал театральный жест и произнес голосом шиллеровского героя: «Вам нужны эти книги? Я вам их дарю!» (конечно, надо было себя вести проще, но тогда я себя повел так; видимо, именно эта театральность произвела некоторый эффект) (Не-мемуары);*

178. *В это время он переживал сильное любовное увлечение. (Его возлюбленная Женя Зенова потом вышла замуж — это уже впечатления послевоенные — за человека, который, видимо, очень сильно ревновал ее к памяти погибшего Борьки и, видимо, внушил прежде ей совершенно чуждые антисемитские настроения и речи. До войны ничего подобного, конечно, не было) (Не-мемуары);*

179. *Мы пришли в загс. «Пришли» — это не то слово: я буквально втащил отчаянно сопротивлявшуюся Зару Григорьевну, которая говорила, что, во-первых, она не собирается переезжать в Тарту и бросать своих школьников Волховстроя, во-вторых, что семейная жизнь вообще мещанство (подруга Зары Григорьевны Люда резюмировала эти речи язвительной формулой: «Личное — взад, общественное — вперед!») (Не-мемуары);*

180. *И уж вне всяких сомнений каждый руководящий работник, приехавший в республику (естественно, не как гость) обязан изучить язык ее народа, и в этом ему надо помогать (Тут надо быть 1000 раз осторожным);*

181. *Мимо нас на самую передовую линию проехали в дальнейшем совершенно бесполезные сорокопятки (45-миллиметровые, или противотанковые пушки) (Не-мемуары);*

182. *Но зато с утра до вечера по небу ползают «юнкеры» (87 и 88) (Не-мемуары);*

183. *Однако запас послевоенного оптимизма (может быть, глупости?) был во мне настолько велик, что настроение у меня в этот момент было боевое и веселое (Не-мемуары);*

184. *В доме, в котором мы жили (я, Зара Григорьевна и дети), по тогдашней тартуской манере двери никогда не запирались (Не-мемуары);*

185. *Можно быть честным человеком (считать себя таковым) и быть участником очень черного дела (Реабилитация совести);*

186. *На хуторе здесь с гордостью говорят: наш сосед (или наш брат, или наш сын) университетский профессор, или художник в Таллине (География интеллигентности: эскиз проблемы);*

187. *А кроме того, было весело (да, да, весело) пережить на практике то, что так долго переживалось и уме (Не-мемуары);*

188. *Сейчас, когда уже много дней льется в Закавказье кровь (только ли в Закавказье; а Литва, а Латвия?), интеллигенция России не очень торопится высказать свое мнение: как бы не осложнить свои собственные дела перед выборами президента республики (Мир соскальзывает в безумие).*

Я не видел никогда Юрия Николаевича Тынянова, не было такого счастья, но считаю себя его учеником (хотя, может быть, это с моей стороны самонадеянно) (О Ценностях, которым нет цены).

Приложение 2

Стратегии и тактики развертывания публицистического дискурса

Ю. М. Лотмана

1. *Ведь Петербург, это очень интересно, был задуман как военная столица, помните: «Люблю, военная столица / Твоей твердыни дым и гром»?* (Город и время).

2. *Понимаете ли, в чем дело: все повторения отличаются одной особенностью, что они не повторяются. Как сказал как-то Короленко: в Петербурге каждый год случается что-то такое, чего не помнят старожилы* (Город и время).

3. *Будущее готовится сегодня. Как говорил философ Лейбниц, «настоящее беременно будущим»* (Учитель на пороге двадцать первого века).

4. *В чем зачастую вред детективов? В абсолютной пассивности читательского восприятия. Я детективы люблю: это интересное чтение, но почти всегда - отдых для активно работающего мозга. Так же, как убаюкивающие фильмы - варианты Голливуда тридцатых годов про Золушку. Или как сидение, на манер забастовки, перед телевизором. Это своеобразный наркотик. Помните, как Твардовский сказал про любителей забивать «козла»: «Уж за стол как сел, так сел, / Разговаривать не надо, / Думать незачем совсем»* (О ценностях, которым нет цены).

5. *Другие работы долго ждали публикации - у всех на памяти судьба Михаила Михайловича Бахтина. Без ссылки на него нет сейчас ни одной работы ни за рубежом, ни у нас. И очень часто цитатами из Бахтина, как пирог сахарной пудрой, посыпают те, кто лет пять назад молчал о нем, а лет десять назад ругательски ругал. Все это принадлежит к поверхности науки, как сказано у Шекспира: «Земля, как и вода, содержит газы, / и Это были пузыри земли»* (О ценностях, которым нет цены).

6. *В каждый из нас может дать другому немножко тепла. В Евангелии сказано: «Аще кто речет, яко люблю Бога, а брата своего ненавидит, ложь есть»* (Мы выживем, если будем мудрыми).

7. *Желаю здоровья, здоровье очень важно. Но здоровье тоже зависит от нашей бодрости. Знаете поговорку: «На печального и вошь лезет?»* (Мы выживем, если будем мудрыми).

8. *С одной стороны, искусство должно уметь говорить со всеми и быть... ну вот как Ахматова говорила: «Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда...»* (Попытки предсказывать интересны в той мере, в какой они не оправдываются).

9. Однако чтобы вопросы межнационального общения не становились трудноразрешимыми, необходимо терпение, особое внимание к каждой «мелочи», квалифицированный подход к возникающим разногласиям. И, бесспорно, прежде всего огромный такт. Как замечал В.И. Ленин, «тут надо быть 1000 раз осторожным» (Тут надо быть 1000 раз осторожным).

10. Я помню слова декабриста Пуцина, друга Пушкина, сказанные им в разговоре с царем. Человек, у которого руки были скованы, на вопрос Николая: как вы решились на такое дело? - отвечал: иначе я бы считал себя подлецом. Этим он говорил, у меня есть совесть, есть выбор - либо эти руки в цепях, либо я сам себя буду считать подлецом. История показала, что высокая нравственность этих людей помогла перенести им самые тяжкие испытания, выпавшие на их долю в Сибири (Чему же учатся люди?).

11. У Лермонтова в «Песне» о купце Калашникове есть прекрасная фраза, точно выражающая дух допетровской Руси: нужен высокий забор, чтобы не увидели «злые соседюшки» (Нам все необходимо. Лишнего в мире нет...).

12. Я как историк знаю, что книги не умирают, в этом смысле Булгаков прав, «рукописи не горят» (Нам все необходимо. Лишнего в мире нет...).

13. Легкого времени нет. Как писал Карамзин, что хорошо для дурачков – это поздний Карамзин, его интонация... что хорошо для дурачков, недурно и для воришек, а нам-то, князь, что?.. Человеку, который мыслит, и человеку, который имеет совесть, не может быть и не будет легко. Он все время находится, с одной стороны, под властью сомнений, а, с другой стороны, - под властью раскаянья (На пороге непредсказуемого).

14. Внешний и плохо разбирающийся в сущности высшего образования наблюдатель скажет: «Разница в том, что у студента больше свободы, самостоятельности, меньше контроля». Однажды мне даже пришлось слышать такое определение: «Студент – это школьник, вырвавшийся на волю» (Два слова новым студентам).

15. Я – старый человек. Пережил солдатом большую войну, исходил пешком и Россию, и Европу. Среди моих близких друзей были и есть и армяне, и азербайджанцы, и грузины, и эстонцы, и немцы, и многие другие. И теперь, на пороге смерти, я вынужден наблюдать то клиническое безумие ненависти, которое охватывает целые пространства нашей земли. Я не могу скрыть, что все мои симпатии сейчас на стороне армян. Но и азербайджанцам я не враг. Я жалею тех из них, кто ослеплен ненавистью. Неужели же они не видят, что ими играют и что те, кто сейчас, из-за кулис, разжигает кровавый туман, завтра направят удар против них? То, что делают их руками, очень скоро сделают с ними чьими-нибудь третьими. А те, кто стоит за кулисами, выступят

как миротворцы, когда сочтут, что обе стороны пролили достаточно крови (Мир соскальзывает в безумие).

16. Я распечатал конверт с волнением. Я ждал такого письма и очень на него надеялся. <...> Однако по мере того как я читал, во мне росло недоумение (Мир соскальзывает в безумие).

17. В молодые годы я всю войну был на фронте, я – артиллерист. И я знаю, что когда находишься в 30 километрах от передовой, откуда идёт сплошной гул, - то очень страшно. Когда приближаешься на расстояние в 10 или даже в 8 км, то уже не так страшно. Оказывается, разряды идут не сплошным рядом: снаряды падают то там, то здесь, перелетают, недолетают. Главное для того, чтобы избавиться от страха, идти ему навстречу. Мы очень часто переживаем страх заранее, видим его в гораздо худших формах, чем он есть на самом деле, - и падаем духом (Мы выживем если будем мудрыми).

18. Сейчас уже не вызывает сомнений, что основным в переживаемой нами перемене будет широкое вторжение во все сферы жизни электроники, вычислительной техники, «думающих машин». Решающим делается вопрос: каково будет место человека в этом мире? (Учитель на пороге двадцать первого века).

19. Нам нужно не обиды свои перебирать – обид у нас у всех от Адама полно, - а нужно научиться прощать и помогать (Мы выживем, если будем мудрыми).

20. Главное, надо уважать другого (На пороге непредсказуемого).

21. Помните, что для этого нужно и упорство в постоянно тренировке, без которого нет музыканта, и особая музыкальность души, педагогический слух”, чуткость (Воспитание души).

22. Искусство это по сути своей Книга Памяти и Совесть. Нам надо только научиться читать эту книгу. Я надеюсь, что мы для этого и собрались здесь (Чему же учатся люди?).

23. Самое горькое, что может быть в жизни – это когда педагогу нечего дать своим ученикам (Два слова новым студентам).

24. Прежде всего, позвольте поздравить вас с тем, что вы находитесь в стенах университета, и с началом нашей с вами работы (Чему же учатся люди?).

25. Университетское образование, как и всякое высшее образование, означает иную ступень по сравнению со средней школой. И одна из особенностей этой ступени в том, что здесь уже нет верха и низа – учителей и учеников – здесь все коллеги, т.е. люди, которые работают вместе. Ведь работа высшего учебного заведения состоит в

сотрудничестве, т.е. когда одни хотят учиться, а другие им помогают в этом (Чему же учатся люди?).

26. *Отношение преподавателей к вам будет иное. Это будет отношение коллеги к младшему коллеге. Но это не означает, что станет легче, станет труднее (Чему же учатся люди?).*

27. *Посмотрите, кто мы с вами такие? Можно сказать, что мы очень умные и хорошие машины. Мы умеем делать много разных вещей. Но какая особенность у каждой машины? У всех разные лица. А зачем? Казалось бы, было бы проще, чтобы у всех были одинаковые лица (Чему же учатся люди?).*

28. *Я не считаю, что можно разделять обучение и воспитание, видя в них две различные педагогические задачи. Думаю я также, что различные специально «воспитательные» мероприятия <...> играют в процессе воспитания наименьшую роль (Воспитание души).*

29. *Дай Бог не потерять, дай Бог сохранить то, что имеем. Дай нам Бог принести кому-то пользу, кого-то утешить, кому-то помочь. Только это нас спасет – всех вместе и каждого в отдельности (Мы выживем, если будем мудрыми).*

30. *Начинается осень – наша педагогическая посевная. Мы сеем сейчас – жатва в будущем. Будем работать для будущего (Воспитание души).*

31. *Представьте себе, мы с вами оба абсолютно одинаковы, как технические устройства. а если мы разные – значит, допущен конструктивный дефект. С этой точки зрения очень хорошо, что мы одинаковы, потому что в результате вы меня абсолютно, полностью понимаете... Но извините, тогда мне с вами не о чем разговаривать (Университет, учитель, НТР!).*

32. *Я думаю, говорить о том, нужно ли изучать Пушкина в эстонской школе или нет, это уже все равно что воевать с ветряными мельницами. Ясно, что нужно. Хотя в свое время вокруг этого вопроса приходилось ломать копыя. Но все-таки зачем? Я бы хотел сказать только одно: изучение языка невозможно без эстетического переживания этого языка (Неюбилейные признания).*

33.

Мы выживем, если будем мудрыми

Сейчас по телевидению, на радио и в газетах господствует то, что я назвал бы несдержанным пессимизмом. Я же хотел бы выразить сдержанный оптимизм. Я полагаю, что, как говорится в поговорке: «Страшен сон, да милостив Бог», и что ожидающие нас трудности, возможно, не так страшны, как нам кажется.

Почему я так думаю? В молодые годы я всю войну был на фронте, я — артиллерист. И я знаю, что когда находишься в 30 километрах от передовой, откуда идет сплошной гул, — то очень страшно. Когда приближаешься на расстояние в 10 или даже в 8 км, то уже не так страшно. Оказывается, разряды идут не сплошным рядом: снаряды падают то там, то здесь, перелетают, недолетают.

... Главное для того, чтобы избавиться от страха, идти ему навстречу. Мы очень часто переживаем страх заранее, видим его в гораздо худших формах, чем он есть на самом деле, — и падаем духом. Стоит посмотреть страху в лицо, и выясняется, что он не так и страшен. Поэтому первое, что я пожелал бы всем, — БОДРОСТИ. Основной способ сохранить бодрость — это утешать другого. Нельзя сохранить бодрость в одиночку. В одиночку вообще спастись нельзя. Поэтому второе, что бы я пожелал, — это КОНСОЛИДАЦИИ.

Земля, на которой мы живем, совсем невелика. Это прежде она представлялась огромной. Еще во времена моей молодости казалось, что ей нет конца. А сейчас мы видим, что она маленькая. Поэтому отделить себя от армян — нельзя, отделить себя от событий на Кавказе — нельзя, отделить себя от событий во всем мире — нельзя. Мы все плывем в одной лодке: или мы все вместе утонем, или мы все вместе спасемся. Спастись же в одиночку не удастся никому. Единственный способ спастись — быть бодрым и помогать ближнему.

В Эстонии, я думаю, судьбы всех нас — и эстонцев, и русских — в значительной степени будут зависеть от того, насколько мы научимся понимать друг друга. Нам нужно не обиды свои перебирать — обид у нас у всех от Адама полно, — а нужно научиться прощать и помогать. Если же мы начнем искать первую обиду, мы все равно ее найдем, но этот поиск станет для нас школой ненависти, — и мы все потонем. Поэтому, когда к нам бывают несправедливы, — конечно, это очень обидно, — надо все время помнить о том, что и мы бываем несправедливы. И надо не считать, а прощать, надо быть умными.

Мы выживем, если будем даже не умными, а мудрыми. Мы уже не дети, которые столько тысячелетий играли в войны, и живем мы не в каменном веке. Может быть, сейчас эпоха войн уже подходит к концу. Только бы не случилось по украинской поговорке: «Поки сонце зійде, роса очі виїст». Только бы роса не выжгла очи. Что для этого нужно? Помните, как говорил автор "Слова о полку Игореве: «И начали князья на малое се большое говорить, половцы приходили со всех сторон войной на русскую землю». Тдк вот войны приходят, когда люди начинают «на малое се большое говорить». Поэтому я желаю всем МУДРОСТИ и ТЕРПЕНИЯ.

Надо помнить, что если я запрусь и буду считать, сколько, кто и когда меня обижал, жить мне будет горько, а мир вокруг меня будет представляться несправедливым. А это не так. Я должен считать не тех, кто передо мной виноват, а тех перед кем я виноват. Мы все виноваты друг перед другом: перед нашими близкими, перед нашими родителями, перед нашими соседями. Мы все время — даже не желая этого — приносим зло. Поэтому еще я желаю запастись ТЕРПЕНИЕМ и СНИСХОЖДЕНИЕМ. Желаю всем СЧАСТЛИВОЙ ЛЮБВИ, без которой тоже жить нельзя. Желаю ЗДОРОВЬЯ, здоровье очень важно. Но здоровье тоже зависит от нашей бодрости. Знаете поговорку: «На печального и вошь лезет». Не нужно быть печальными. Господи, ведь сейчас не блокада, не война. Ведь смотря от какого конца вести отсчет. Если считать от идеала, то у нас много чего нет. А если от конца последнего, то у нас много есть чего терять. Дай Бог, не потерять, дай Бог сохранить то, что имеем.

Приложение 3

Текстовые фрагменты, в которых функционируют вставные компоненты

1. Именно таков был дух нашего нового командира бригады Пономаренко. Во время наступления он с начальником артиллерии армии и каким-то писателем, который, видимо, переживал восторг от того, что испытывает опасности передовой, сидел в блиндаже. У него был немецкий графин для водки, где к дну был приделан стеклянный петушок. Они выдумали игру: «топить петуха» (заливают бутылку водкой) — «спасать петуха» (выпивают эту водку) (Не-мемуары);

2. С утра пьяный, он звонил в те или иные наступающие части. В том красноречии, которое передать на бумаге затруднительно, но которое мне по телефону регулярно приходилось слышать (он даже привык узнавать меня по голосу), кричал спьяна: «Это ты, Лотман (называть фамилии было не положено), так-так-так! Скажи своим (речь шла о начальнике штаба дивизиона Пастушенко). чтобы они так-так-так высотку заняли так-так-так-так к следующему звонку (то есть к следующему “петушку”»». Или, разбрызгивая слюну, пьяным голосом: «Пастушенко, Пастушенко, поднимай дивизион в наступление, Одера больше не будет!» (Это многократно повторяемое выражение означало, что нельзя пропускать такую возможность получить Героя Советского Союза или по крайней мере хороший орден) (Не-мемуары);

3. Я думаю: если человек пишет плохие стихи, то он не принадлежит к культуре, а если он занимается политикой, касаясь самых глубинных сущностей жизни, то это не есть что-то, от чего можно отмахнуться.

Тут сложность состоит в том, что, во-первых, есть разные виды деятельности. В такие сложные периоды типа революционных периодов или общих бедствий... Когда горит дом, вы не говорите людям, сбежавшимся на пожар, что вы не специалист по тушению огня, что вы пишете стихи. Вы тушите огонь. Это, конечно, не всегда правильно. Потом может оказаться, что огонь вы тушили плохо, создали суету и не принесли пользы пожарным. А вот стихи могли бы быть хорошие (и пожарный такие стихи никогда не напишет). Я полагаю, что важных и неважных профессий не существует. Есть профессиональная работа. Поэты (такие, как Ахматова и Цветаева) не стеснялись называть поэзию ремеслом (Говоря о современности, я скажу вот что...);

4. Я полагаю, что важных и неважных профессий не существует. <...>

Я думаю, что каждый человек талантлив. Неталантливых людей просто нет. Но есть люди, которые занимаются тем, к чему у них нет таланта. Сейчас у нас, как мне кажется, в результате того, что очень долго, почти целый век, политическая

деятельность не была профессией (вероятно, в России она никогда не была профессией), мы имеем исключительно много дилетантов. Людей которые занимаются политикой, как будто это не требует специального таланта, и специальной подготовки, и специальных знаний. Правда, политика — вещь такая... Каждая профессия, особенно профессия популярная (а иногда даже выгодная), привлекает к себе людей, которым не надо этим заниматься» (Говоря о современности, я скажу вот что...);

5. Был арестован и вскоре расстрелян отец моего лучшего друга Борьки Лахмана. Он был видным партдеятелем и директором Института слабых токов. В доме у них висел большой портрет Рыкова, как говорил Борька, подаренный им самим. Расстрел отца и ссылка матери и сестры (Борька остался в квартире один, его не тронули) не повлияли на нашу дружбу. Мы продолжали встречаться по вечерам на его теперь уже пустой квартире или дома у нас и оба с радостью говорили, что скоро будет война» (Немемуары);

6. Этот механизм самовоспроизведения серости работает и приносит нашей науке и культуре такие же последствия, как промышленности и сельскому хозяйству. И результаты те же. Но творчество — самая хрупкая, самая уязвимая и самая трудно контролируемая сторона. Если на поле ничего не выросло, можно, конечно, приписать, но рано или поздно видно. А хорошее исследование (я науку тоже отношу к творчеству) от серенького как отличить?» (География интеллигентности: эскиз проблемы);

7. Я колебался до девятого класса между литературоведением и энтомологией — наукой о жизни насекомых. Занимался энтомологией для школьника довольно серьезно и до сих пор продолжаю испытывать к ней нереализованную склонность. Если бы я жил достаточно долго, то к занятиям культурологией я бы присоединил занятия зоосемиотикой, языками животных (особенно интригуют меня формы общения насекомых). Я думаю, вопросы общения с обитателями космоса пока что малоактуальны. Научиться бы нам с муравьями общаться. Это гораздо ближе и, мне кажется, гораздо труднее...» (О Ценностях, которым нет цены);

8. Но под машиной, даже самой совершенной, мы привыкли понимать серийное устройство. Чем больше один образ похож на другой, тем выше качество производства. Если у одного из них есть отклонения выше допустимой нормы, это уже брак. Серийная машина, превосходя человека в отдельных качествах, всегда будет уступать ему в главном - индивидуальности. В сравнительно простых ситуациях она станет действовать по программе (в блоке памяти машины хранится определенный объем информации). Если же ситуация сложная, тогда только хранить информацию — мало, нужно ее вырабатывать (ведь известно, окажется ли наша программа оптимальной). А

чтобы устройство само вырабатывало информацию, оно должно быть «личностью» (Азбука судьбы);

9. *Лида поступила в университет. У нас дома начали бывать студенты (у Лиды был круг друзей и подруг, и они готовились к экзаменам у нас дома). В этом году еще (это был последний год) в университет не принимали детей служащих (это называлось «из нерабочих семей») без предварительной производственной практики. Надо было минимум два года отработать на производстве. Поэтому в группе Лиды только она и ее подруга Нелли Рабкина были непосредственно из школы. Лида, как правило, готовилась к экзаменам вместе с небольшой группой в нашей большой квартире на Невском (Не-мемуары);*

10. *На первом курсе я увлекся фольклором, ходил на дополнительные занятия Марка Константиновича Азадовского и сделал очень удачный доклад на семинаре Владимира Яковлевича Проппа. (Пропп вел только семинарские занятия, лекции читал Азадовский — и то и другое было страшно интересно.) Доклад посвящен был теме «Бой отца с сыном в русском фольклоре» (с параллелями в немецком фольклоре). Проппу он, кажется, очень понравился. По крайней мере, когда после войны в солдатской шинели и немецких сапогах я пришел в университет, то в коридоре перед деканатом увидел В. Я. Проппа и поздоровался с ним. Посмотрев на меня (в моей длинной шинели, думаю, вид у меня был совсем не марциальный, пользуясь выражением Петра I), он поздоровался и сказал: «Постойте-постойте. Вы — брат Лиды Лотман. Нет, вы сами — Лотман». (Здесь, конечно, не только моя заслуга — Пропп обладал поразительной памятью и, видимо, помнил большинство студентов.) Среди разных наград и поощрений, которыми меня щедро и, боюсь, не всегда заслуженно дарила жизнь, слова Проппа я запомнил как одну из ценнейших (Не-мемуары);*

11. *Что еще, имеющее эти признаки, можно поставить рядом с интеллектом человека? Я считаю: только два объекта — культуру и художественный текст. Поэтому высокоразумное устройство, на мой взгляд, скорее будет напоминать стихотворение, нежели самый совершенный примус.*

Стихотворение (как любой художественный текст, да и культура вообще) после своего рождения живет самостоятельной жизнью» (Азбука судьбы);

12. *Однажды (жара стояла уже настоящая) мы увидели, что часовой, охранявший вход в штаб, стоит на посту совершенно голый, в чем мать родила, только в сапогах и с автоматом на шее. Он не только защищался этим от жары, но и явно находил удовольствие в том, какое впечатление должен был производить его вид на нас. Стоя анфас к нашему пункту, он хохотал и хлопал себя по животу. Наш лейтенант не*

выдержал такого унижения и выпросил в штабе три снаряда: «Ну хоть припугнуть немножко, чтоб штаны надел», — упрашивал он комбата и получил ответ: «Ну ладно, три штуки дай». Тремя снарядами пристрелять орудие, даже если раньше пристрелка уже была, почти невозможно — ведь то ветер, а то орудие с каждым выстрелом пусть незначительно, но оседает, особенно на нетвердой прибрежной почве. Всем этим можно было пренебречь при обычной, массированной стрельбе. Это было бы просто незаметно. Но здесь работа была филигранная и требовала предельной точности, Наше орудие, выпустив три снаряда, конечно, не принесло заречному соседу никакого вреда, но намек он все-таки понял и штаны надел.

Вообще, отношение к обнаженному телу у нас и в немецкой армии было совершенно различным. Причем здесь явно сказывалась разница между европейским и восточным взглядом на этот вопрос. Немцы не только не стыдились (все наши наблюдения шли через линию фронта, потому мое мнение нуждается в корректировке) расстегнутости, обнаженного тела, но даже, видимо, находили в этом особый стиль. Они охотно разъезжали по фронту голые на мотоциклах, на немецких воинственных плакатах фронтовой немецкий офицер всегда изображался в расстегнутой на груди форме и с закатанными рукавами (вероятно, в немецкой армии все это воспринималось как «марциальный шик»). У нас было принято стыдиться своего тела (я не помню, чтоб кто-нибудь из нас, особенно из крестьянских ребят, раздевался для того, чтобы загорать). Если в жару на работе мы позволяли себе вольность, это могло быть до пояса голое тело, но при обязательных штанах и сапогах (Не-мемуары);

13. Университетское образование, как и всякое высшее образование, означает иную ступень по сравнению со средней школой. И одна из особенностей этой ступени в том, что здесь уже нет верха и низа — учителей и учеников — здесь все коллеги, т.е. люди, которые работают вместе. Ведь работа высшего учебного заведения состоит в сотрудничестве, т.е. когда одни хотят учиться, а другие им помогают в этом. Принуждение, обязательный насильственный контроль остались на низшей ступени образования. И отношение преподавателей к вам будет иное. Это будет отношение коллеги к младшему коллеге.

Но это означает не то, что станет легче, а то, что станет труднее. И вообще, ничего лёгкого в хорошем деле быть не может. Это будет трудное дело, потому что нет контролёра строже, чем сам человек (если нет такого внутреннего контролера, то нет высшего образования). Правда, не существует такой линии, которая отрезала бы от нас детство, отрезала потом юность <...> (Чему же учатся люди);

14. Осенью Горбаневская принесла мне целую пачку каких-то листов и сдала на хранение. У меня в кабинете была высокая печка: я на нее все и положил. Грешный человек, я до сих пор не знаю, что там было, поскольку в чужих бумагах рыться не люблю. Не помню через сколько недель (Горбаневская уже уехала в Москву) рано утром позвонили, я открыл двери, и в квартиру, не представляясь и не спрашивая разрешения, вошло человек двенадцать (Не-мемуары);

15. Наблюдательный пункт был на старой границе, на возвышенном берегу Днестра. Линия занимала километров семь, посредине был разбит промежуточный пункт, и я был на промежуточном. Фронт еще не вышел к старой границе (на днестровский берег, где мы развернулись) (Не-мемуары);

16. Я не считаю, что можно разделять обучение и воспитание, видя в них две различные педагогические задачи. Думаю я также, что различные специально «воспитательные» мероприятия (особенно когда ученики заранее предупреждены, что сейчас их начнут «воспитывать») играют в процессе воспитания наименьшую роль. Всякое общение есть воспитание, так как те, кто хотят общаться, должны настроиться на общую волну, стремиться к взаимопониманию и, следовательно, в чем-то уподобиться друг другу. Для того чтобы я мог тебя обучить, то есть передать тебе знания, мало того, чтобы я хотел передать, нужно еще, чтобы ты хотел принять. Обучение подразумевает, что один хочет учить, а другой хочет учиться. То есть любому акту обучения обязательно сопутствует настройка учителя (самовоспитание) и настройка ученика (воспитание) (Воспитание души).

17. <...>Лидя, как правило, готовилась к экзаменам вместе с небольшой группой в нашей большой квартире на Невском. Кроме Лиды и Нелли там был молодой парень Наумов (потом женившийся на Нелли, которая после замужества преподавала и писала статьи под фамилией Наумова) — бойкий, интересовавшийся советской литературой, что тогда казалось не наукой, чем-то слишком новым для науки. <...>

Пропущено 5 абзацев

<...> У нас была замечательная группа; правда, вскоре юношей всех забрали в армию — я не подходил по возрасту, и меня взяли через год в начале второго курса. На курсе остались три мальчика — двое других не попали в армию по здоровью, и оба потом умерли во время блокады.

Пропущено 122 абзацев

<...>Когда мой приятель, веселый циник Димка Молдавский (до войны мы с ним были на одном курсе, но он страдал пороком сердца и на фронт не попал; к этому

времени он был уже аспирантом при Наумове и занимался Маяковским) при первой же встрече спросил меня: «Ты кем вернулся?» — я не понял вопроса.<...> (Не-мемуары).

Приложение 4

Текстовые фрагменты с подстрочными комментариями

1. Но это такое краткое германофильство в кругу, о котором я могу говорить по личным впечатлениям¹, охватило только девочек — старших школьниц и студенток².

¹В дальнейшем я не буду повторять этой оговорки, но ее нужно иметь все время в виду, даже когда я говорю о газетных сообщениях и политических событиях.

²Позже в партизанском фольклорном тексте, переделанном из песни «Спят курганы темные...», популярной в последний предвоенный год (она из фильма «Большая жизнь»), были такие строки:

*Под немецких кисонек (пелось и «ласточек» и «девушек»)
Ты прическу делаешь,
Губы понакрасила, (это тогда был такой разврат!)
Вертишься дугой.
Но не нужны соколу
Выходки немецкие,
И пройдет с презрением
Парень молодой.*

А вот текст, который я сам записал в партизанском отряде во время войны (стихи угнанных в Германию мальчиков и девочек):

*ДАЙТЕ ОТВЕТ
Задайте вопрос и ответьте.
Любезные дочери страны,
Что может подлея быть на свете
Того, что творите здесь вы.
Меж тем, как кругом погибает
Отчизна... ..
Народ невозможно страдает,
Страна погибает в крови,
А вам — все равно наслаждаться,
Снабжая Европу собой,
И вниз головою бросаться,
Обняв итальянца рукой.
Иль с чехом в дорожной канаве
Как в брачной постели лежать*

И гордость советской.....

Везде бесконечно терять.

Это было в Белоруссии, район Скопен, там было много мальчишек из партизанских отрядов — их, наверное, потом всех пересажали. Оттуда начался большой прорыв к Минску — к нам приехал Жуков.

2. В это время он переживал сильное любовное увлечение. (Его возлюбленная Женя Зенова потом вышла замуж — это уже впечатления послевоенные — за человека, который, видимо, очень сильно ревновал ее к памяти погибшего Борьки и, видимо, внушил прежде ей совершенно чуждые антисемитские настроения и речи. До войны ничего подобного, конечно, не было¹).

¹Замечу в скобках, что и на фронте я совершенно не сталкивался с этими проблемами. Я иногда раздражал окружающих, как может раздражать всякий человек, например, отсутствием навыков физической работы. Но очень быстро я это преодолел и с тяжелым физическим трудом справлялся легко; в частности, привык таскать тяжелые 160-миллиметровые снаряды. А снаряд, замечу для читателя, абсолютно безопасен, если уронить на землю; чтобы сделаться опасным, он должен быть повернут вокруг своей оси — тогда взрыватель приводится в боевое положение; нам приходилось ронять тяжелые снаряды взрывателем на камни так, что взрыватель совершенно деформировался. Все же экспериментировать в этой области никому не советую. (К сведению любопытствующих, так обстоит дело именно со снарядами, но не с минами.)

3. Введение в литературоведение читал Гуковский, введение в языкознание — Александр Павлович Рифтин², крупнейший специалист в области семито-хамитской филологии. Оба читали блестяще.

²Рифтин был деканом, провез и сохранил факультет в эвакуации, возвратил его в Ленинград и умер в тот день, когда ему позвонил П. Н. Берков и сказал, что только что война кончилась. Он положил трубку, отошел от стола и умер. Это был замечательный человек и очень крупный ученый.

4. По крайней мере, когда после войны в солдатской шинели и немецких сапогах¹ я пришел в университет, то в коридоре перед деканатом увидел В.Я. Проппа и поздоровался с ним.

¹Они отличались тем, что голенище их было в форме усеченного конуса, расширявшегося кверху (немецкие солдаты запихивали туда магазины автоматов), и я со своими тонкими ногами выглядел значительно менее героически, чем мне тогда казалось. Носил я их не из шика, а оттого, что из своей довоенной одежды и обуви я безнадежно вырос. Поэтому весь первый послевоенный год я проходил в военной форме; моя

гимнастерка, обвешанная двумя орденами и восемью медалями, выглядела смешно. Но вопрос «как это выглядит?» ни меня, ни кого другого тогда не интересовал — мы были выше этой пошлости. Студентки, которые вернулись из армии, тоже ходили на лекции в кирзовых сапогах и военной форме (например, Ленина Иванова — прекрасная девушка, она вышла замуж за Витьку Маслова). Среди девушек имелась и другая группа, как правило из обеспеченных, чаще профессорских семей — мы их называли «фифами». Они демонстративно бунтовали против нашего аскетизма (то есть красили губы) и нашей «идейности» (ходили на танцы). Заводилой у них была дочь Гуковского Наташа. Судьба ее была трагической, но после ареста отца «фифа» показала себя твердым и мужественным человеком. В дальнейшем мы с ней очень сблизились.

Наташа была на курс старше меня. Когда Гуковский был арестован, а квартира его опечатана (для Наташи оставили только одну комнату) и веселая команда, всегда толкавшаяся вокруг нее, разбежалась, одна, в полузапечатанной квартире, ожидающая ребенка, она энергично боролась за отца и постоянно ездила по следственным чиновникам. Тогда же она вышла замуж за сына Аркадия Семеновича Долинина Костю. Брак этот был со стороны Долинина жестом благородства и смелости — семья была против этого брака, который, видимо, спас Наташу от высылки из Ленинграда. Узнав, когда подошел день ее рождения, я, собрав все свои деньги, купил большой букет роз, прекрасную коробку конфет «Маршал» и нагрянул с этим к Наташе. За разговорами мы провели весь день почти до темноты и с тех пор стали друзьями, осмелюсь сказать, близкими.

(Юрий Михайлович не вспомнил о том, что значительно ранее этого посещения Наташи Гуковской он в критический момент нанес визит ее семье. В тревожные дни, когда Г.А. Гуковский ждал с минуты на минуту ареста, решительный звонок в дверь заставил всех вздрогнуть; вдруг раздался веселый возглас открывшего дверь: «Это Юра Лотман!» Об этом эпизоде впоследствии вспоминала Н. Г. Гуковская-Долинина. — Примеч. Л.М. Лотман.)

5. На это участник первой мировой войны отвечает Теркину, что тот настоящий солдат. Темы этой не обошел никто, кто относительно правдиво писал о войне, от Барбюса до Гашека¹.

¹Ср. в «Швейке»:

*Весь фронт во вшах. И с яростью скребется
то нижний чин, то ротный командир.
Сам генерал, как лев, со вшами бьется
и, что ни миг, снимает свой мундир.*

(Гашек Я. Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны / Пер. П. Г. Богатырева // Гашек Я. Собр. соч.: В 6 т. М., 1985. Т. 6. С. 165.)

6. Там сидели Бердников, Федя Абрамов (до этого он был партийный деятель и громил первый номер, потом — известный писатель²) и весь состав партбюро.

²Когда ему нужно было сдавать кандидатский минимум по Радищеву, он меня позвал для консультации. Он поразил меня тем, что при этом все время курил, а окурки приклеивал слюной к стене и все повторял: «Да ты мне лишнего не говори».

7. Когда я спросил Бердникова, где моя характеристика, выданная в бригаде при демобилизации³, он, посмотрев мне своими ясными глазами в глаза, сказал отчетливо: «Она потерялась».

³Характеристика была написана дивизионным писарем, который до этого был солдатом в моем взводе и хорошо ко мне относился, командир дивизиона ее подписал, но, конечно, все хвалебные эпитеты принадлежали писарю; получалось, что я чуть ли не единолично победил фашистского зверя в его собственном логове.

8. Я помню, как, когда часы пробили двенадцать, Бердников поднялся с бокалом в руках¹ и произнес: «Ребята! Мы же люди сороковых годов! Выпьем за сороковые годы!» И все дружно выпили.

¹Бокалы были наши семейные, старинные, но что пили из них — представления не имею, помню только, что шампанского, конечно, не было.

9. Один был муж моей ученицы, известный пьяница, — потом он специально заходил, извинялся передо мной и расписывал, как ему было стыдно принимать участие в обыске. При этом от него пахло водкой, а она, как известно, пробуждает совесть¹.

¹Есть такая народная черта: негодяй, а как напьется, придет каяться. Так было и с С. — напьется и придет: «Юрка, я — негодяй, я — мерзавец, я — стукач. Но на тебя (на «ты» он обращался ко мне тоже только спьяну) я никогда не стучал». Когда КГБ не смогло на кафедре никого нанять, С. взял на себя эту функцию, и это была с его стороны жертва. Но и кафедре, и лично мне он помогал. Однажды, когда нас очень грызли, он мне сказал: «Решения разогнать не было».

Приложение 5

Публицистические произведения Ю. М. Лотмана, в которых функционируют вставные компоненты

1.

У всех была разная война...

О войне рассказывать очень трудно, потому что все слушатели (те, кто не были на войне) имеют о ней ясное представление, а рассказывающие (те, кто были на войне) ясного представления о ней не имеют: для того чтобы иметь ясное представление, надо видеть на расстоянии, а наше поколение видело войну слишком вблизи. Всем ясно, что война — вещь плохая, но молодость — вещь хорошая. А наша молодость прошла на войне, поэтому у нас о войне не только плохие воспоминания.

Кроме того, как у всех людей разная жизнь и разные о ней представления и воспоминания, так у всех была разная война. Знать войну вообще так же невозможно, как знать жизнь вообще. Я знаю ту войну, которая была у артиллериста, кадрового солдата (я был призван в армию со второго курса Ленинградского университета еще в 1940 году), успевшего к ней психологически подготовиться и получить некоторые (не очень большие) профессиональные навыки; провоевавшего в 1941—1944 годах на южном фронте и только в 1944—1945-м попавшего на север — в Эстонию, Польшу, а затем — Германию.

Это все важно: в артиллерии одна война, в пехоте — другая, в степи одна война, в лесу и болоте — другая, в 1941 году одна война, в 1942-м — другая, в 1943-м — третья, четвертая, пятая. В одних случаях страшнее всего мороз, в других — танки, в третьих — комары и пикирующие самолеты, в четвертых — старшина или стертые ноги. Трудности всегда разные. Общее только одно: их всегда неизмеримо больше, чем человек может вынести физически. Поэтому преодолеть эти трудности можно лишь волей, характером или душой.

Но есть на войне и свои радости, и их не так мало. Во-первых, война всё очень упрощает. Упрощает она жизненные нужды — почти все из того, что до войны казалось важным, из-за чего люди хлопотали, ссорились, шли на компромиссы, старались приобрести, оказалось ненужным: потребности в еде сводятся к котелку каши, дом — землянка, которую каждый очень скоро может научиться строить, а копать ее и рубить для крыши лес можно в любом месте, ни у кого не спрашивая, основное удобство — чтобы ноги были сухие. А для этого есть простое средство: портянку верхним концом

наматывать на голую ногу: пока нижняя половина мокнет — верхняя сохнет от тепла ноги, через полчаса можно перемотать верхним концом вниз — и ноги сухие или хотя бы теплые. Таких радостей очень много, и их быстро учишься ценить.

Упрощаются и нравственные задачи. Для меня, например, для того чтобы быть собой довольным, считать себя порядочным человеком и иметь спокойную совесть, нужно было, чтобы телефонная связь между наблюдательным пунктом и батареей работала без перебоев. Это бывает очень трудно, требует умения и физических сил, постоянно связано с опасностью для жизни, но не требует никаких духовных поисков, разлада с собой, самоанализа. Умеешь работать и не трусишь — и всё в порядке. В мирной жизни бывает сложнее.

Говоря о положительных сторонах моих военных впечатлений, не могу не отметить, что нам, мальчишкам, начинавшим войну в восемнадцать лет, было ясно, что мы сразу стали взрослыми. Все скидки на возраст, неопытность и неумелость сразу исчезли. Ответственность стала безмерной, но зато и возросла свобода. На войне (и, подчеркиваю, на передовой) человек получает одновременно ответственность и свободу. Я надеюсь, что моим читателям не придется никогда воевать но если придется, то мой совет — держитесь ближе к передовой. На передовой — те, кто не были, мне могут не поверить — гораздо лучше, если, конечно, не считать того, что там чаще убивают. Но это на войне входит в условия игры.

И конечно, воевать можно только когда знаешь, за что воюешь, и веришь в это дело.

А вообще, от души желаю всем читателям мирной жизни.

2.

Чему же учатся люди?

Прежде всего позвольте поздравить вас с тем, что вы находитесь в стенах Университета, и с началом нашей с вами работы.

Университетское образование, как и всякое высшее образование, означает иную ступень по сравнению со средней школой. И одна из особенностей этой ступени в том, что здесь уже нет верха и низа — учителей и учеников — здесь все коллеги, т.е. люди, которые работают вместе. Ведь работа высшего учебного заведения состоит в сотрудничестве, т.е. когда одни хотят учиться, а другие им помогают в этом. Принуждение, обязательный "насильственный" контроль остались на низшей ступени

образования. И отношение преподавателей к вам будет иное. Это будет отношение коллеги к младшему коллеге.

Но это означает не то, что станет легче, а то, что станет труднее. И вообще, ничего лёгкого в хорошем деле быть не может. Это будет трудное дело, потому что нет контролёра строже, чем сам человек (если нет такого внутреннего контролёра, то нет высшего образования). Правда, не существует такой линии, которая отрезала бы от нас детство, отрезала потом юность... И элементы средней школы и детство часто вторгаются в университет: не будем делать секрета из того, что некоторые студенты подсказывают друг другу и даже видят некоторый спорт в том, чтобы поменьше выучить и получше получить. Это школьный подход. Но школьный подход нормален лишь в своё время: "Смешон и ветреный старик, смешон и юноша степенный".

У вас сегодня может начаться другой возраст. Возраст — это не количество прожитых вами дней, а поведение, которое вы можете осуществлять.

Но давайте подумаем! Я не случайно так сказал, это слово любил философ Сократ. Своих учеников Сократ никогда не учил правильному, никогда на вопрос учеников не отвечал: "Поступайте так". Он говорил: "Давайте подумаем!". А что значит "подумаем"? — Вы не знаете, как поступить, я тоже не знаю, как вам поступить. Вы пришли не как школьники, получить правильный ответ, вы пришли к коллеге посоветоваться, подумать вместе. А вместе думать действительно лучше. Именно различия во мнениях помогают продвигаться к истине.

Посмотрите, вот кто мы с вами? Можно сказать, что мы очень умные и хорошие машины. Мы умеем делать много разных вещей. Но какая особенность у каждой машины? — У всех разные лица. А зачем? Казалось, было бы проще, чтобы у всех были одинаковые лица. Было бы легче во многом, может быть, было бы меньше ошибок... Но для чего — то нужно, чтобы у нас были разные лица, разные характеры, разный опыт, чтобы мы все были разными людьми.

Философ Руссо, написавший самую откровенную книгу в истории человечества, где не просто рассказал о себе, о своих положительных и плохих качествах (ими тоже можно гордиться, если такой характер), он рассказал о своих стыдных поступках, он всего открыл себя, написав сверху: "В коже и без кожи". В этой книге он написал: Я ТАКОЙ, КАК ВСЕ, И Я НИ НА КОГО НЕ ПОХОЖ. Это очень глубокое замечание: человек, во — первых такой, как и все другие люди, а во — вторых, он индивидуален, он один такой и другого такого же нет. Поэтому он может сказать что — то такое, чего другие не знают. И потому вся наша жизнь, всё наше обучение находится на двух дорогах. По одному пути мы идём, чтобы быть такими, как другие, для того, чтобы

понимать других людей и чтобы они могли понимать нас. Но надо иметь в виду и то, что другому меня не так легко понять... Вот правила уличного движения все понимают одинаково, кроме тех, кто их не знает или плохо о них осведомлён. А Пушкина все понимают одинаково? — Нет, все по—разному. И не говорите, что одни его понимают правильно, а другие — неправильно. Пушкин перед каждым выступает так, как будто он сейчас и именно для него написал. И вы всё время имеете возможность разговаривать с гениальным человеком, который сам хочет вам что—то сказать. Только откройте уши, только будьте внимательны! Главная беда нашего века состоит в том, что у нас закрыты глаза и уши. И значительная часть вашего образования состоит в том, чтобы открыть глаза и уши и увидеть, как говорил Гоголь, чего не зрят равнодушные очи...

И тут мы подходим к одной вещи, которая вам известна по не очень литературному, но всем понятному слову — "наплевать": "А мне наплевать!". Определить культуру человека можно по одному признаку: на что ему не наплевать, что его не трогает.

Жизнь каждого человека проходит в неких изолированных кругах. Один живёт в маленьком кружке, другой — в круге побольше, третий — в ещё большем. Величина вашего круга определяется многими признаками: что вам любопытно, что вы знаете, что вас интересует и — ещё один и очень важный — что вам больно? Одному, например, больно, когда его ударят, а другой на это только скажет: ну по морде, это не опасно, лишь бы не убили. Круг побольше, когда человек на оскорбление отвечал дуэлью, и говорил, что оскорбление хуже, чем смерть: смерть не может унижить человека, а оскорбления я не перенесу. Другой скажет, я не перенесу оскорбления людей, которых я люблю: я не дам обижать моих детей, не дам оскорблять свою мать, но вот чужого человека... Помните, как у Гоголя, "чего не зрят равнодушные очи". Когда больно от чужой боли — это и есть самый большой круг, круг культурного человека.

Конечно, нельзя сделать так: я сегодня проснулся, захотел стать культурным и начал сочувствовать униженным и оскорбленным. Так не бывает, и самые добрые намерения здесь не помогут. Надо выработать душу.

Есть много признаков, отличающих человека от животного. Я не к тому, что человек умный, а животное глупое. Животное совсем не глупое. Животное обладает большим умом, но его ум всегда связан с определённой ситуацией. Знаете выражение: "Как баран перед новыми воротами". Это не значит, что баран — глупое животное. Баран обладает высоким уровнем интеллекта. Но его интеллект прикован к определённой ситуации, он теряется. А человек всегда находится в непредвиденной

ситуации. И тут у него есть только две ноги: интеллект и совесть. Как совесть без развитого интеллекта слепа, но не опасна, так опасен интеллект без совести.

Мы живём в очень интересное время. И хотя неинтересных времён нет, бывают такие времена, в которых историки, оставляя чистые страницы, отмечают, что ничего не произошло. А те страницы, которые полностью исписаны, в такое время жизнь ничего лёгкого не представляет. Она тогда требует от человека очень многого. Человек перестаёт быть винтиком, у него возникает множество ситуаций, когда появляется возможность выбора: поступить одним или другим способом. Каким? — На это ему дана совесть и потому его можно судить. Нельзя судить камень за то, что он падает вниз, но не говорите себе: "Я был в таком положении, я ничего плохого не хотел, но были такие обстоятельства, я иначе поступить не мог"... Это неправда! Не бывает обстоятельств, когда нельзя поступить иначе. А если у нас такие обстоятельства всё—таки находятся, значит у нас нет совести. Совесть — это то, что диктует, как поступить, когда есть выбор. А выбор есть всегда... Выбор — вещь тяжёлая, поэтому дураком быть легче, с дурака нет спросу: "Мне приказали, а что я мог сделать?", "Меня привели, а вы бы сами попробовали..."

Я напомним слова декабриста Пуцина, друга Пушкина, сказанные им в разговоре с царём. Человек, у которого руки были скованы, на вопрос Николая: "Как вы решились на такое дело?" — отвечал: "Иначе я бы считал себя подлецом". Этим он говорил: у меня есть совесть, есть выбор: либо эти руки в этих цепях, либо я сам себя буду считать подлецом. История показала, что высокая нравственность этих людей помогла им перенести самые тяжкие испытания, выпавшие на их долю в Сибири. И физически они сохранились лучше, чем те, кто в ту же николаевскую эпоху своих друзей предал, потом сделал карьеру, и всё у них внешне шло хорошо и чудно...

Итак, чему же учатся люди? Люди учатся Знанию, люди учатся Памяти, люди учатся Совести. Это три предмета, которые необходимы в любой Школе, и которые вобрало в себя искусство. А искусство это по сути своей Книга Памяти и Совести. Нам надо только научиться читать эту Книгу. Я надеюсь, что мы для этого и собрались здесь.